КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ПЕРВЫЙ

ТОМЪ I.

сентябрь.

1882 г.

КІЕВЪ.

Типография Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ПЕРВЫЙ.

ТОМЪ III.

СЕНТЯБРЬ.

1882 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 26-го августа 1882 года.

Ссыльные малороссіяне въ архангельской губерніи

1708—1802 г. *).

«Презъ незгоду всі пропали,
Сами себе звоёвали».

Дума Мазепы.

Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ мнѣ нѣсколько разъ приходилось бывать въ Архангельскѣ, и я пользовался кратковременнымъ пребываніемъ въ немъ для того, чтобы познакомиться съ мѣстнымъ центральнымъ архивомъ, состоящимъ при губернскомъ правленіи. Доступъ въ архивъ былъ для меня легокъ, благодаря просвѣщенному отношенію къ дѣлу губернаторовъ Арендаренка, Гартинга и кн. Гагарина.

Въ такъ называемомъ губернскомъ архивѣ въ Архангельскѣ собрано громадное количество дѣлъ, какъ нынѣ существующихъ въ губерніи присутственныхъ мѣстъ, такъ и давно упраздненныхъ, наприм. бывшей архангелогородской губернской канцеляріи, архангельскаго намѣстническаго правленія и др. Дѣла начинаются съ начала прошлаго столѣтія.

Разработкой губернскаго архива до меня никто не занимался. Послѣ меня разбиралъ дѣла и помѣщалъ болѣе интересныя изъ нихъ въ мѣстныхъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ такой-же случайный обитатель далекаго сѣвера, какимъ былъ и я, А. С. Голубьевъ, бывшій редакторомъ упомянутыхъ вѣдомостей. Въ послѣдніе годы,

*) Читано 3 февраля 1881 г. въ засѣданіи историко-филологическаго общества, состоящаго при харьковскомъ университетѣ.

какъ видно изъ научной хроники журнала „Древняя и Новая Россія", дѣло разработки и обнародованія богатствъ архангельскаго архива принялъ на себя вице-губернаторъ Подвысоцкій, который также помѣщалъ болѣе интересныя дѣла въ мѣстныхъ вѣдомостяхъ.

Въ архангельскомъ архивѣ я успѣлъ познакомиться лишь съ отдѣломъ, заключающимъ въ себѣ дѣла бывшей архенгелогородской губернской канцеляріи. Этотъ отдѣлъ представляетъ очень много интересныхъ свѣдѣній для внутренней исторіи крайняго сѣвера. Здѣсь много дѣлъ, начиная съ царствованія Петра I-го, объ управленіи краемъ, о разнаго рода мѣстной промышленности: сельскомъ хозяйствѣ, морскихъ промыслахъ, кораблестроительствѣ, разработкѣ рудъ, торговлѣ, въ особенности заграничной, свѣдѣнія этого рода касаются, какъ состоянія промышленности, такъ и правительственныхъ мѣропріятій объ улучшеніи промысловъ сѣвернаго края, о чемъ правительство заботилось уже съ начала прошлаго столѣтія. Много данныхъ, касающихся другихъ сторонъ внутренней жизни края, напримѣръ, о разбойничествѣ, которое тамъ принимало такіе размѣры, что для уничтоженія его часто были отправляемы цѣлыя команды солдатъ, съ которыми разбойники вступали въ открытый бой, о нападеніяхъ на русскихъ обитателей печорскаго края самоѣдовъ Карачеевъ, о частомъ нарушеніи пограничными жителями порубежнаго мира съ Швеціей и т. п. Исторія поземельнаго владѣнія, которое на отдаленномъ сѣверѣ имѣло своеобразный характеръ (тамъ всѣ сословія владѣли землей на правахъ собственности), могла-бы быть прекрасно разработана по многочисленнымъ матеріаламъ архива. Для исторіи знаменитаго поморскаго раскола, его распространенія и правительственныхъ мѣропріятій противъ него также имѣется много данныхъ въ архивѣ; особенно большой интересъ представляютъ дѣла о самосожженіи раскольниковъ, которые цѣлыми деревнями сожигали себя для того, чтобы избѣжать насилій со стороны правительства. Но наиболѣе всего интересенъ отдѣлъ такъ называемыхъ секретныхъ дѣлъ; онъ состоитъ изъ дѣлъ о ссыльныхъ и изъ производствъ „въ сказываніи слова и дѣла государева". Въ архангельскую губернію въ прошломъ столѣтіи было сослано не мало извѣстныхъ въ исторіи личностей, и о нѣкоторыхъ изъ нихъ сохранились разнаго рода производства; напримѣръ, по описямъ показаны дѣла о Степанѣ Лопуховѣ, кн. Семенѣ Щерба-

товѣ, кн. Иванѣ Долгорукомъ, кн. Мышецкомъ, Петрѣ и Иванѣ Толстыхъ, коломенскомъ архіереѣ Игнатіѣ, воронежскомъ епископѣ Лаврентіѣ, о калмыцкихъ, кабардинскихъ и др. владѣтельныхъ лицахъ, польскихъ конфедератахъ и пр. Огромное количество дѣлъ, почти половина всего секретнаго отдѣленія, состоитъ въ производствѣ предварительныхъ дознаній по обвиненіямъ въ государственныхъ преступленіяхъ или, какъ тогда выражались, въ сказываніи слова и дѣла государева. Это адское слово раздавалось также и на крайнемъ сѣверѣ, какъ и въ остальныхъ частяхъ Россіи, и наводило ужасъ на мирныхъ обитателей. Быть можетъ тамъ его приходилось слышать еще чаще, нежели въ другихъ мѣстахъ, благодаря разнородному наплывному элементу на сѣверѣ. Стоило какому-нибудь негодяю, самому отверженному члену общества, произнести это слово на кого-бы то ни было, тотчасъ-же хватали послѣдняго и вмѣстѣ съ доносчикомъ отправляли сначала въ архангелогородскую губернскую канцелярію для предварительнаго допроса, а потомъ въ знаменитый преображенскій приказъ (впослѣдствіи тайную канцелярію). Тамъ, посредствомъ пытки, которая, по выраженію Екатерины II-й, „есть надежное средство осудить невиннаго, имѣющаго слабое сложеніе и оправдать беззаконнаго, на силы и крѣпость свою уповающаго“, достигали результатовъ, какихъ нужно было инквизиторамъ. Большая часть доносовъ принадлежитъ солдатамъ, монахамъ, ссыльнымъ и колодникамъ. Доносили они или на своихъ товарищей или на начальствующихъ и надзирающихъ лицъ. Побудительными причинами къ доносамъ чаще всего служили злоба, мщеніе, вслѣдствіе ссоры, строгаго обращенія начальствующихъ съ подчиненными, а иногда простое желаніе выйти изъ своего невыносимаго положенія. Въ тогдашнее время, когда общество отъ верху до низу было деморализовано покровительствомъ доносамъ, находились такія лица, въ особенности между ссыльными, которыхъ нельзя было удержать отъ доносовъ никакими мѣрами. Конечно, менѣе всего можно ставить въ вину доносы заточеннымъ и колодникамъ, такъ какъ они дѣлали ихъ просто ради того, чтобы выйти изъ заточенія, хотя на короткое время воспользоваться свободой или, вѣрнѣе сказать, хотя на минуту увидѣть свѣтъ Божій. Неудивительно, если человѣкъ, посаженный на всю жизнь въ какую-нибудь земляную тюрьму, т. е. погребъ, употребитъ всѣ усилія, чтобы по-

пользоваться кратковременнымъ измѣненіемъ своего положенія, если онъ даже знаетъ, что за этимъ можетъ послѣдовать самая смерть. Приведу примѣръ, взятый изъ дѣлъ архангельскаго архива:

По указу изъ преображенскаго приказа мошногорскаго монастыря, игуменъ Іоасафъ по розыскному важному дѣлу былъ посаженъ въ 1722 г. въ соловецкомъ монастырѣ въ крѣпкую тюрьму. Въ 1725 г. за ложный доносъ онъ снова былъ взятъ въ преображенскій приказъ, битъ кнутомъ нещадно, а по учиненіи наказанія снова посланъ въ соловецкій монастырь. При отправкѣ внушено ему, что если онъ будетъ впредь затѣвать ложные доносы, то ему будетъ учинена смертная казнь безъ пощады. Не смотря на это, онъ въ 1728 г. снова сдѣлалъ доносъ, снова посланъ въ преображенскій приказъ и затѣмъ снова возвращенъ въ соловецкій монастырь, съ предписаніемъ держать его неисходно подъ крѣпкимъ карауломъ и новыхъ его доносовъ не слушать.

Перечитывая описи секретныхъ дѣлъ и разсматривая самыя дѣла, я встрѣтилъ въ нихъ нѣсколько малороссійскихъ фамилій, и у меня явилась мысль собрать свѣдѣнія о своихъ соотечественникахъ, побывавшихъ на далекомъ сѣверѣ. Къ сожалѣнію оказалось, что нѣкоторыя изъ дѣлъ о ссыльныхъ малороссіянахъ въ сороковыхъ годахъ были отосланы въ министерство внутреннихъ дѣлъ и только немногія уцѣлѣли. Пришлось пользоваться тѣмъ, что осталось. Собранныя изъ дѣлъ и описей свѣдѣнія пополнены по извѣстнымъ печатнымъ источникамъ: Исторіи Малороссіи Бантышъ-Каменскаго, Маркевича и др. Такимъ образомъ составилась настоящая статья. Отрывокъ изъ нея (который здѣсь выпущенъ), касающійся заточенія въ соловецкомъ монастырѣ запорожскаго кошеваго атамана Кальнишевскаго, помѣщенъ въ журналѣ Русская Старина за 1875 годъ, № 11, подъ заглавіемъ: „Кальнишевскій, послѣдній кошевой Запорожской Сѣчи“.

Такъ какъ значительная часть малороссіянъ, сосланныхъ въ прошломъ столѣтіи въ архангельскую губернію, подверглась этому наказанію за политическіе доносы и даже нѣкоторые изъ нихъ не переставали заниматься сказываніемъ слова и дѣла государева въ ссылкѣ, то приходится предварительно сказать нѣсколько словъ объ историческомъ развитіи доносовъ въ Малороссіи, а затѣмъ уже

перейти собственно къ сообщенію свѣдѣній о ссыльныхъ малороссіянахъ въ архангельской губерніи.

Тотчасъ послѣ смерти Богдана Хмельницкаго въ Малороссіи начались интриги и борьба между старшиной за гетманскую булаву, и обнаружилось стремленіе гетмановъ возвратить Малороссію, вопреки волѣ народа, въ подданство Польши. Оба первые гетманы (Юрій Хмельницкій и Виговскій) преслѣдовали эту цѣль. Измѣна ихъ народному желанію вызвала междоусобіе въ Малороссіи и вторженіе въ нее войскъ, съ одной стороны польскихъ, съ другой московскихъ. Во время смуты, произведенной Виговскимъ и Юріемъ Хмельницкимъ, еще при жизни ихъ, явились новые искатели гетманства—слуга Юрія Хмельницкаго, Брюховецкій, затѣмъ Дорошенко, Нечай и Тетеря. Одинъ думалъ получить гетманскую булаву при посредствѣ запорожцевъ, другой подъ покровительствомъ турокъ, третій при содѣйствіи поляковъ и т. д. Все это происходило до андрусовскаго договора, по которому московское правительство раздвоило Украйну, отдавъ, тоже вопреки волѣ малорусскаго народа, западную ея часть полякамъ. Раздвоеніе Украйны вызвало одновременное появленіе ряда гетмановъ, какъ въ восточной, такъ и въ западной Украйнѣ. Затѣмъ послѣдовало отдѣленіе части правобережной Малороссіи подъ покровительствомъ турокъ и появленіе султанскихъ гетмановъ. Измѣны и борьба властолюбцевъ вызвали въ малороссіянахъ страсть къ доносамъ. Одни доносили на гетмановъ изъ преданности московскому правительству, другіе изъ своекорыстныхъ видовъ; сначала доносы были справедливые, а потомъ расплодились и лживые. Доносителей на гетмана, говоритъ лѣтописецъ, подобрать было не трудно, ибо отъ частыхъ перемѣнъ гетмановъ и другихъ чиновниковъ завелось въ Малороссіи столько ябедниковъ, сколько было охотниковъ подхватить что либо въ перемѣнѣ, то есть въ мутной водѣ рыбу ловить [1]).

На перваго гетмана, Виговскаго, доносилъ московскому правительству полтавскій полковникъ Пушкарь, возставшій потомъ противъ Виговскаго съ оружіемъ въ рукахъ. Доносъ объ измѣнѣ Виговскаго былъ справедливый. Гетмана восточной Украйны Много-

[1]) Маркевичъ II, 66, 298.

грѣшнаго, въ значительной степени умиротворившаго родину, сбросила съ уряда старшина и отправила въ Москву съ ложнымъ доносомъ, будто онъ имѣлъ тайное намѣреніе поддаться султану турецкому; въ числѣ доносчиковъ былъ и Иванъ Самойловичъ. Когда Самойловичъ сдѣлался гетманомъ, то на него было сдѣлано нѣсколько доносовъ: первый—полковниками Дмитрашкомъ, Горленкомъ и Рославцемъ въ томъ, что будто онъ хотѣлъ измѣнить Россіи; въ пыткахъ эти лица признались въ ложности доноса и выдали заговорщиковъ. Второй доносъ былъ составленъ тайными кознями генеральнаго есаула Мазепы; въ немъ участвовали генеральная старшина и многіе полковники; въ числѣ прочихъ лицъ и Василій Кочубей. Самойловича обвиняли во многомъ справедливо, но политическая сторона доноса оказалась лживою, наприм., будто гетманъ былъ причиною неудачнаго похода въ Крымъ кн. Голицына.

На гетмана Мазепу также были ложные доносы, первый, въ видѣ подложнаго письма, или „пашквиля“, приписаннаго чернцу Соломону, второй — Данила Забѣлы; оба обвиняли Мазепу въ измѣнѣ. О второмъ доносѣ будетъ рѣчь впереди. Затѣмъ слѣдовалъ доносъ со стороны генеральнаго судьи Василія Кочубея и полтавскаго полковника Искры о намѣреніи Мазепы подчиниться полякамъ. Доносъ на этотъ разъ былъ справедливый, но побужденіемъ къ нему служила семейная обида.

Какъ извѣстно, Кочубей и Искра были казнены за доносъ, который слѣдователи признали лукавымъ. Соучастниками доносителей признаны: Иванъ Святайло, священникъ полтавской спасской церкви, бывшій въ родствѣ съ Искрой и вмѣстѣ съ тѣмъ духовникомъ его и Кочубея, сынъ Святайла, также чернецъ Никаноръ, сотникъ полтавскаго полка и племянникъ Искры Петръ Кованько, писаря Кочубея и Искры (переписывавшіе доносъ) Колчицкій и Глуховецъ и восемь слугъ Кочубея и Искры. Изъ числа поименованныхъ лицъ священникъ Святайло, сынъ его и чернецъ Никаноръ отправлены были въ 1708 г. въ соловецкій монастырь съ повелѣніемъ никуда не выпускать ихъ изъ монастыря; относительно Святайла приказано, если онъ пожелаетъ, постричь въ монахи. Остальныя лица сосланы въ г. Архангельскъ съ тѣмъ, чтобы они были поверстаны въ солдаты или къ чему окажутся годными, по мнѣнію архангельскаго губернатора кн. Голицына. Замѣчательно

что Святайло и остальныя лица были позабыты въ ссылкѣ, гдѣ они томились три года послѣ обнаруженія измѣны Мазепы и лишь въ 1712 г. возвращены на родину, и то благодаря ходатайству рязанскаго митрополита Стефана Яворскаго [1]).

Это были первые ссыльные малороссіяне прошлаго столѣтія въ архангельской губерніи, по крайней мѣрѣ, насколько можно судить по историческимъ свѣдѣніямъ и по отсутствію дѣлъ о ссыльныхъ изъ малороссовъ въ архангельскомъ архивѣ ранѣе указаннаго года. Послѣ измѣны Мазепы появляются въ ссылкѣ уже не доносители, а сторонники Мазепы. Въ 1709 г. отъ Мазепы первоначально отстало 10 человѣкъ изъ генеральной старшины, полковниковъ и низшихъ урядниковъ; они явились въ Малороссію. Тамъ, по силѣ царскаго манифеста, они должны были лишиться жизни отъ рукъ палача, но Петръ I замѣнилъ смертную казнь ссылкою ихъ въ Сибирь и въ Архангельскъ. Изъ дѣлъ архангелогородской губернской канцеляріи видно, что въ числѣ лицъ упомянутой категоріи сосланы были въ Архангельскъ, между прочими, генеральный есаулъ Дмитрій Максимовичъ, сердюцкій полковникъ Яковъ Покотило и какой-то Дубяга. По всей вѣроятности, Дубяга—это бывшій съ 1668 г. наказной полковникъ миргородскаго полка, въ которомъ онъ замѣнялъ Данила Апостола во время малолѣтства послѣдняго, такъ какъ Апостолъ былъ избранъ въ полковники за заслуги отца, будучи еще 10 лѣтъ отъ роду. Относительно полковника Якова Покотила мы не имѣемъ свѣдѣній. Но о Дмитріѣ Максимовичѣ мы нашли нѣкоторыя подробности, какъ въ архангельскомъ архивѣ, такъ и у извѣстнаго нашего писателя Максимовича. По этимъ извѣстіямъ Дмитрій Максимовичъ въ 1711 году былъ присланъ изъ Глухова въ Архангельскъ, гдѣ,- по указу государя отъ 30 генваря 1713 г., опредѣленъ надсмотрителемъ коренной корабельной верфи, состоявшей подъ управленіемъ Ѳедора Баженина; онъ отличался необыкновенной силой. Въ томъ же году присланы къ Дмитрію Максимовичу въ Архангельскъ сыновья его Ѳедоръ и Иванъ. Изъ нихъ Ѳедоръ въ царствованіе Елисаветы слу-

[1]) Маркевичъ. II, 441 и 541, Бантышъ-Каменскій, изд. 1822 г., ч. III, 32—119, IV, 43.

жилъ стародубскимъ полковникомъ и, подобно отцу, былъ чрезвычайный силачъ; Иванъ впослѣдствіи служилъ поручикомъ лейбъ-гвардіи измайловскаго полка и убитъ турками подъ конецъ Румянцевской войны [1]).

Въ 1712 г. въ архангельскую губернію отправлена вторая партія малороссіянъ, замѣшанныхъ въ измѣнѣ Мазепы, именно: батуринскаго николаевскаго монастыря архимандритъ Гедеонъ Одорскій, монахъ Семенъ Остафьевъ, лохвицкій протопопъ Иванъ Рогачевскій и челядникъ архимандрита Одорскаго Иванъ Видковскій, родомъ изъ Черкасъ. Всѣ эти лица, по словамъ Бантышъ-Каменскаго, осуждены были къ ссылкѣ въ соловецкій монастырь [2]).

Въ одномъ изъ дѣлъ архангельскаго архива находится слѣдующее извѣстіе о Рогачевскомъ: въ прошломъ 1712 году ноября 28 дня въ грамотѣ Его Царскаго Величества изъ приказу Малыя Россіи къ бывшему вице-губернатору писано: „по Его Великаго Государя указу посланъ съ Москвы исъ приказу Малыя Россіи къ городу Архангельску лохвицкій протопопъ Иванъ Рогачевскій и велѣно его сослать отъ города Архангельскаго на житье въ соловецкій монастырь. Но Рогачевскій въ соловецкій монастырь не посланъ за зимнимъ временемъ, о чемъ писано въ приказъ Малыя Россіи. По Его Великаго Государя указу (1713 года апрѣля 12 дня) и по приговору бывшаго вице-губернатора Курбатова велѣно ему Рогачевскому быть въ Архангельскѣ префектомъ во вновь учрежденныхъ школахъ“ [3]).

Авторъ историко-статистическаго описанія черниговской епархіи, архіеп. Филаретъ считаетъ Гедеона Одорскаго невиннымъ страдальцемъ. По его словамъ, Гедеонъ Одорскій былъ сначала ректоромъ кіевской коллегіи, а за тѣмъ, съ 1695 по 1709 годъ, игуменомъ крупицкаго-батуринскаго-николаевскаго монастыря [4]). При немъ

---

[1]) Марковичъ, II, 591; Бант.-Камен., IV, 29, Журн. Мин. Внутр. Дѣлъ, 1849 г., ч. 26.

[2]) Бантышъ-Каменскій, IV, 43. Дѣло архангельскаго архива 1712 г. о ссылкѣ колодниковъ въ соловецкій монастырь, архимандрита Гедеона Одорскаго, монаха Семена и лохвицкаго протопопа Рогачевскаго,—отправлено въ мин. вн. дѣлъ.

[3]) Дѣло о протопопѣ Рогачевскомъ и Забѣлѣ 1721 г. по генеральн. описи подъ № 60,689.

[4]) Монастырь этотъ находился при р. Сеймѣ въ 10 верстахъ отъ Батурина.

Мазепа, послѣ того какъ утвердилъ за монастыремъ всѣ древнія его имѣнія, универсаломъ марта 14-го 1708 г. отнялъ у монастыря въ Обмачевѣ 15 монастырскихъ крестьянъ на томъ только основаніи, что ко двору его понадобились служители, тогда какъ предшественникъ его, гетманъ Самойловичъ, людей для двора нанималъ. Вдобавокъ, во время шведской войны, когда Меньшиковъ страшно опустошалъ Батуринъ, разрушеніе коснулось и батуринскаго монастыря, въ которомъ были разрушены до основанія колокольня, настоятельскія и братскія кельи и гостинный дворъ. Архимандрита Гедеона обвиняли въ связяхъ съ измѣнниками Россіи и въ 1712 г. сослали въ соловецкій монастырь. „Какъ по отношеніямъ Мазепы къ монастырю, такъ и по самому послѣдствію обвиненія очевидно, что архимандритъ Гедеонъ пострадалъ невинно, какъ и монастырь, страдавшій за то только, что назывался батуринскимъ; на все то была воля Меньщикова, и только“ [1]). Интересно то обстоятельство, что въ монастырскихъ запискахъ относительно Одорскаго сказано, будто онъ „неизвѣстно куда скрылся“ [2]). Составитель записокъ, значитъ, или боялся сдѣлать даже указаніе на судьбу, постигшую игумена, или считалъ этотъ случай событіемъ чрезвычайно компрометирующимъ монастырь, такъ что нужно было о немъ умолчать.

Чрезъ семь лѣтъ послѣ ссылки протопопа Рогачевскаго и архимандрита Одорскаго в ъ Архангельскѣ появляется бунчуковый товарищъ Данило Васильевичъ Забѣла, сынъ генеральнаго хорунжаго Василія, внукъ генеральнаго обознаго Петра Забѣлы, слѣдовательно лицо изъ велико-панской семьи. Данила Забѣлу можно считать типомъ тогдашнихъ доносчиковъ и сутягъ, а потому остановимся долѣе на этой интересной личности, пользуясь для ея характеристики, какъ указаніями нашихъ историковъ, такъ и дѣлами архангельскаго архива.

Данило Забѣла явился въ началѣ 1699 года въ Москву, гдѣ, обнадеженный Борисомъ Петровичемъ Шереметевымъ, представилъ ложный доносъ на Мазепу, будто-бы тотъ выслалъ съ умысломъ къ крымцамъ своего канцеляриста Петрика, опустошавшаго въ

---

[1]) Историко-статистич. описаніе черниг. епархіи. Черниговъ. 1873 г. кн. III, стр. 286.

[2]) Черниг. Губ. Вѣд., 1852 г. № 3. Матеріалы для мѣстной старины П. Л.

1692 г. съ татарами Малороссію, и, намѣреваясь измѣнить Россіи, имѣлъ тайныя сношенія съ ханомъ. По желанію Мазепы и по повелѣнію Петра, доносчикъ отправленъ былъ къ гетману въ Батуринъ и, спрошенный въ войсковомъ судѣ, показалъ, что онъ говорилъ въ Москвѣ о гетманской измѣнѣ пьяный, безъ разума и памяти, не имѣя никакихъ наставниковъ. Когда его вели къ пыткѣ, онъ произнесъ: „меня погубила надежда на Шереметева". По словамъ историка, „велѣли его взять на встряску, на которой съ полчаса будучи повѣшенъ, тоже говорилъ, что и передъ встряскою, потомъ отпущенъ былъ на землю на четверть часа, снова поднятъ и держанъ нѣсколько времени, гдѣ, вопія крикомъ великимъ, тѣже повторялъ рѣчи". По постановленію суда, Забѣла былъ лишенъ всего имѣнія и приговоренъ къ смертной казни, но Мазепа освободилъ его отъ казни, приказавъ до времени держать его подъ карауломъ. Такъ говоритъ Бантышъ-Каменскій о судьбѣ Забѣлы. Маркевичъ-же полагалъ, что Забѣла томился въ неволи 26 лѣтъ (т. е. до 1724 г.) и что по неизвѣстной причинѣ позабыли о немъ въ то время, когда замыслы гетмана обнаружились. По предположенію Маркевича причиной предохранительной неволи Забѣлы было то обстоятельство, что отобранное отъ него Мазепой имѣніе досталось потомъ Анастасіи Марковнѣ Марковичевой и гетману Скоропадскому, который былъ женатъ на ней и которому было невыгодно освободить Забѣлу и въ его пользу отобрать села у своей жены. Слова Маркевича относительно двадцатишестилѣтнихъ страданій Забѣлы въ неволѣ за доносъ на Мазепу не вѣрны, но то, что захватившіе его имѣнія старались удержать ихъ въ своихъ рукахъ, справедливо, хотя и не относится къ одной Марковичевой [1]).

Въ 1710 г. мы видимъ Забѣлу свободнымъ и ходатайствующимъ о возвращеніи ему имѣній. 30 сентября упомянутаго года гр. Гаврило Головкинъ писалъ къ Скоропадскому по поводу Забѣлы: „Прошедшаго августа 30 дня писалъ я къ вельможности вашей о Данилѣ Забѣлѣ, что челобитье его о нѣкоторыхъ маетностяхъ, особливо-жъ о селѣ Клишкахъ, было недѣльно, безъ всякихъ крѣпостей и явныхъ доводовъ, того для ему отказано и велѣно съ Москвы выслать на Украйну. Нынѣ-же пріѣзжалъ тотъ шаленой

[1]) Маркевичъ II, 351; Бант. Камен. III, 40.

сюда и хотѣлъ еще о томъ-же докучать; но сколь скоро онъ здѣсь явился, взявъ его я передъ себя, гораздо за то словами наказывалъ, дабы онъ болѣе о томъ недѣльномъ своемъ запросѣ не докучалъ и, пригрозя ему гораздо, сказалъ, чтобъ онъ жилъ на Украйнѣ подъ региментомъ вашей вельможности спокойно, велѣлъ его за городъ вывесть, такожъ и къ Москвѣ писалъ, чтобъ изъ Москвы его выслали немедленно на Украйну" [1]).

Только въ 1719 г. Забѣла появился въ ссылкѣ въ г. Архангельскѣ. Въ одномъ дѣлѣ архангельскаго архива сказано, что „1719 году генваря 3 дня по грамотѣ Его Императорскаго Величества изъ Петербурга изъ государственной посольской канцеляріи черкасъ Данило Забѣла присланъ къ г. Архангельскому на вѣчное житье за лживое его доношеніе на Его Царское Величество подданнаго, войска обѣихъ сторонъ гетмана Ивана Ильича Скоропадскаго, и велѣно его поставить въ солдатскую слободу за присмотромъ офицеровъ, чтобы онъ оттуда никуда не съѣхалъ [2]). Неизвѣстно, какого рода донось былъ сдѣланъ на Скоропадскаго, но что Забѣла не оставлялъ своей страсти къ политическимъ доносамъ, видно изъ его дальнѣйшей практики этого рода въ ссылкѣ. Въ 1721 г. Забѣла написалъ слѣдующее письмо архангельскому вице-губернатору Ладыженскому:

„Вельможный господинъ, господинъ губернаторъ Петръ Евѳимовичъ, мой премилостивѣйшій господине, и особливый добродѣю.

Презентую о семъ вельможности вашей, добродѣеви моему, ижъ терпѣлемъ я, якъ-бы мощно знести до сихъ временъ, отъ Рогачевскаго попа, який другый певне въ злости на свѣте не взыщетца, и чи не ехидника токмо отъ рожденія. Я въ правдѣ словамъ Дмитрея Максимовича, Дубяги и протчимъ не вѣрилемъ, что говорили также злѣйшаго человѣка нѣтъ на свѣтѣ: „лютый и злый есть діяволъ, але Рогачевскій еще лютѣйшій"; чего я теперь самъ дознаемъ. Лучилось мнѣ бити апрѣля 15 въ дому Якова Матвѣевича, подъячаго, на обѣдѣ, и презъ цѣлной обѣдъ все мнѣ досаждалъ поганими слови, якіе не могу и выписати, а то ненавидячи за то, что зазванъ тутъ-же и я былъ кушать, а найпаче якъ врагъ

[1]) Матеріалы для отеч. исторіи, Судіенко. К. 1855 г. т. II, 160.

[2]) Дѣло о протопопѣ Рогачевскомъ и о Забѣлѣ 1721 г., № 60, 689.

ненавидяй добра, вѣмъ, же за мою вѣрность Царскаго Величества, на мя такъ повсталъ. Гдѣ былъ и Покотило зъ своею женою, и порвался было до мене Рогачевскій бить за единый людской грѣхъ, а то все надѣючись на то, что за нимъ всѣ стали, яко единомысленники на мене единаго, и я сказалемъ ему: „знаты, вороже царский и всего воинства, за що ты имѣешь печать на своихъ плечахъ и разве хощешь еще своеи погибели, когда тебѣ того не довлѣетъ“? И Рогачевскій припомнилъ мнѣ проклятого Мазепу, и за тое Яковъ Матвѣевичъ подъячій и всѣ на мене обурилися за проклятого Мазепу и за ворога государева Рогачевского; сопхалъ мене зъ избы своей Яковъ Матвѣевичъ подъячій. И радъ бимъ вѣдать, откуду воля имъ есть такая дана, что хтѣли мене убить; чому и Покотило змѣйникъ помогалъ. И когда-бы было разсужденіе у Якова подъячаго, чтобъ ему за дѣло мене за ворога царского безчестити и что за дѣло, зъ кватери перезвавши, въ себѣ такого тяшкого подзорного человѣка Рогачевского, ворога царева, въ себе держать и кормить, отъ чого бѣгаютъ мудрые люди. О чомъ доношу вельможности вашей, добродѣеви, вѣдати и на разсужденіе себѣ въ такъ невиповѣдимыхъ и незносныхъ моихъ плачливихъ обидахъ полагаю, понеже всякому надъ здоровъе нѣчого нѣтъ милѣйшого; гди-жъ и такъ мало здоровъя имѣю, вѣрнои ради моеи прислуги Цорскому Величеству. Въ чомъ прошу покорне оборони, дабимъ безвременно не пострадалъ отъ ненавидящихъ мя правды ради и вѣрности своего Монархи, понеже и здѣсь невозможно прожить мнѣ, яко вѣрну рабу Государеву. Довлело-бы сихъ злобъ, что якъ живый зосталемъ зъ голодъ и холодъ и премногихъ неизреченныхъ досадъ и безчестія, что единому Богу оѳѣрую. Нинѣ на ваше милосердіе себе отдаючи, прошу, дабы неукротимый тотъ, аки змій лютъ, наказанъ былъ и позналъ себе, аки овцу смиренну; понеже не смиривши оного ворога царева, можетъ онъ якъ отмстити, теди вѣдаючи насъ вѣрныхъ рабовъ, хощетъ на насъ поискати, когда таковимъ не будетъ страха и наказанія. О що и повторнѣ при доземномъ моемъ чолобитю прошу о разсужденіи. Нижайшій рабъ и всѣхъ благъ желатель, Данило Забѣла; писалъ своею рукою 1721 года, іюля 5 дня.

Того-же года и дня архангелородскому вице-губернатору, лейбъ-гвардіи капитану Петру Ефимовичу Лодыженскому малороссіецъ

Данило Забѣла словесно объявилъ: прошедшаго іюня мѣсяца 28 дня, въ навечеріе святыхъ верховныхъ апостоловъ Петра и Павла, у города Архангельскаго въ соборной церкви во всенощное пѣніе стоячи въ той церкви, посадской человѣкъ Василій Ивановъ сынъ Дунинъ сказывалъ ему Забѣлѣ: ссыльной де протопопъ Иванъ Рогачевскій говорилъ ему Дунину: „нашъ де Мазепа святъ и въ небѣ будетъ, а вашъ государь не будетъ въ небѣ“, да въ то-же всенощное бдѣніе онъ-же Дунинъ ему, Забѣлѣ, сказывалъ, что де оной протопопъ Рогачевскій государя нашего проклинаетъ и онъ де Дунинъ его Рогачевскаго хотѣлъ бить и за волосъ драть и его де, Дунина, того Рогачевскаго бить и за волосъ драть не допустили, и тѣ-де его, Дунина, все слова слышалъ присланной съ денежныхъ дворовъ подъячій Петръ Никитинъ сынъ Егорковъ, а ежели онъ, Забѣла, въ семъ словесномъ извѣтѣ сказалъ ложно, и за то-бъ указалъ ему Забѣлѣ Великій Государь учинить смертную казнь. Къ подлинному словесному челобитью Данила Забѣла руку приложилъ“.

Началось дознаніе. На допросахъ холмогорецъ, посадскій человѣкъ Василій Дунинъ показалъ, что дѣло было на соловецкомъ подворьи у стрянчаго соловецкаго монастыря Ивана Патракѣева, въ присутствіи ссыльнаго донскаго казака Василія Поздѣева. На слова его, Дунина, что у насъ Мазепу проклинаютъ, протопопъ Рогачевскій отвѣчалъ: „онъ, Мазепа, погребенъ честно архимандритомъ; кающихся Богъ пріемлетъ“; болѣе-же ничего не говорилъ Рогачевскій. Въ соборной церкви, во время всенощнаго пѣнія, при бытности подьячаго Петра Егоркова, онъ Дунинъ, будучи пьянъ, указывалъ на Забѣлу и говорилъ: это-де мазеповщина, протопопъ де Рогачевскій говорилъ, что Мазепа нашъ святъ и въ небѣ будетъ, а вашъ государь не будетъ въ небѣ. Егорковъ подтвердилъ слова Дунина такимъ образомъ: оной Дунинъ, указывая на Забѣлу, говорилъ: „это-де мазеповщина; протопопъ-де Рогачевскій сказызываетъ въ церкви къ людямъ поученіе и людей учитъ, а самъ добраго не чинитъ и за Государя нашего Бога не молитъ, а Мазепу называетъ святымъ и говорилъ-де онъ, Рогачевскій, что де онъ Мазепа умеръ въ волоской земли и погребенъ честно архимандритомъ и въ небѣ будетъ, а вашъ государь не будетъ въ небѣ“. Патракѣевъ далъ такой отвѣтъ, что онъ въ то время, о которомъ

идетъ рѣчь, былъ рѣзанъ и отъ того рѣзанья былъ скорбенъ и поэтому не помнитъ, были-ли у него Рогачевскій и другіе и о чемъ они говорили. Казакъ Поздѣевъ также отозвался, что онъ неоднократно заходилъ къ Патракѣеву во время его болѣзни, заходили тоже Рогачевскій и другіе, но всѣ-ли вмѣстѣ или порознь, того онъ не помнитъ и ничего не слыхалъ. На основаніи указа 1719 г. апрѣля 15, велѣно всѣхъ чиновъ людей и колодниковъ, оказывающихъ слово и дѣло о государевомъ здоровьи, чести, бунтѣ или измѣнѣ, заковавъ руки и ноги въ кандалы, присылать въ преображенскій приказъ подъ крѣпкимъ карауломъ. Вслѣдствіе этого, Рогачевскій, Забѣла и Дунинъ были отправлены въ приказъ въ оковахъ при одномъ капралѣ и десяти солдатахъ, вооруженныхъ ружьями [1]). Дальнѣйшая судьба Рогачевскаго неизвѣстна, но Забѣла снова былъ возвращенъ въ Архангельскъ. На этотъ разъ уже ему самому пришлось испытать на себѣ послѣдствія доносовъ.

Въ слѣдующемъ, 1722 году, колодникъ Григорьевъ, судившійся за мошенничество, въ архангельской земской канцеляріи въ колодницкой избѣ объявилъ, что онъ, будучи у рудокопателя Лодыгина, слышалъ отъ Забѣлы, какъ тотъ говорилъ ему, что знаетъ измѣну, а за кѣмъ и какая измѣна, того онъ Забѣла не выговорилъ; Забѣла оправдывался, что хотя онъ у Лодыгина дѣйствительно былъ, но объ измѣнѣ ничего не говорилъ, и ссылается въ томъ на свидѣтелей. Тѣмъ не менѣе онъ, вмѣстѣ съ Григорьевымъ, снова былъ отправленъ въ Москву въ тайную канцелярію, для розыска [2]).

Послѣ выдержанія узаконенныхъ пытокъ, Забѣла оправдался. Это видно изъ того, что въ 1724 году онъ былъ уже на свободѣ и началъ розыскивать конфискованныя у него за доносъ на Мазепу имѣнія, для чего подалъ въ судъ десять челобитень. Изъ этихъ челобитныхъ оказывается, что одни изъ бывшихъ его имѣній были отданы въ монастыри, другія брату его Ивану, села-же Евминка, Красуля, Рудковка и Бурки находились во владѣніи гетмана, а селомъ дѣда его Подтребія, Малою Красиловкою, завладѣли кіев-

---

[1]) Дѣло о протопопѣ Рогачевскомъ и о Забѣлѣ 1721 г. № 60689.

[2]) Дѣло о посылкѣ москвитина Алексѣя Григорьева и черкашенина Данила Забѣлы 1722 г., № 43.

скаго полка полчане. Но добиться возвращенія имѣній для Забѣлы было крайне трудно, такъ какъ каждый старался ихъ удержать за собой. Черезъ пять лѣтъ послѣ первыхъ челобитень, именно въ февралѣ 1729 г., послѣдовала высочайшая грамота на имя гетмана, въ которой предписывалось, чтобы гетманъ велѣлъ разсмотрѣть челобитныя Забѣлы въ генеральномъ войсковомъ судѣ, при разсмотрѣніи которыхъ „для доказательства быть сыну его Ивану, понеже онъ Забѣла обрѣтается здѣсь“, и по изслѣдованіи учинить рѣшеніе по указамъ и по малороссійскимъ правамъ. Но дѣло плохо двигалось, какъ можно судить изъ того, что подобныхъ первой царской грамотѣ было послано еще двѣ: одна 29 ноября 1730 г., другая 25 генваря 1732 г. Чѣмъ кончились всѣ эти тяжбы, намъ неизвѣстно, такъ какъ въ матеріалахъ для отечественной исторіи, изданныхъ Судіенкомъ (II, 160), изъ которыхъ заимствованы приведенныя свѣдѣнія, дальнѣйшихъ указаній не имѣется.

Въ 1721 г. въ ссылкѣ является новая личность, писарь изъ Лубенъ, Захарій Петровичъ Патока. Приговоромъ правительствующаго сената 1721 г. рѣшено: Захару Патокѣ за неправые его о великихъ дѣлѣхъ доношенія вмѣсто смерти учинить казнь—вырѣзать языкъ и сослать въ ссылку въ соловецкій монастырь въ заточеніе въ короженскую тюрьму вѣчно, безвыходно, за крѣпкимъ присмотромъ; бумаги и чернилъ ему не давать. Въ грамотѣ-же изъ иностранной коллегіи архимандриту соловецкаго монастыря Варсонофію отъ 10 іюня 1721 г. предписано: „ежели онъ, Патока, сидя въ тюрьмѣ, станетъ кричать и сказывать за собою какое наше государево слово и дѣло, и такихъ произносимыхъ отъ него Патоки словъ не слушать, для того, что онъ Патока, доносилъ о многихъ великихъ и важныхъ дѣлахъ, а потомъ предъ сенатомъ повинился, что то̀ все затѣялъ напрасно, и показалъ онъ при томъ о себѣ, какъ и другіе о немъ при слѣдованіи дѣла показали, что онъ человѣкъ сумасбродный и многажды бываетъ въ безпамятствѣ и говоритъ то, чего и самъ не знаетъ, и для того онъ, по приговору сенатскому отъ смертной казни освобожденъ, и когда онъ по совершеніи дѣла приведенъ былъ къ казни и при томъ, паки крича, сказывалъ за собою великія дѣла, но того у него, по приговору сенатскому, ради вышеписаннаго же его сумасбродства и ложныхъ доношеній не принято; ежели-жъ приключится ему, Патокѣ, какая

болѣзнь и смерть или и безъ того, когда онъ пожелаетъ, велѣть его священнику по христіанскому закону исповѣдывать и по достоинству сообщать святыхъ таинъ, а когда умретъ, погресть, гдѣ пристойно". Черезъ три года послѣдовалъ доносъ соловецкаго монаха Дамаска, что Патока ему сказывалъ и хотѣлъ объявить Его Императорскому Величеству о злоумышленномъ дѣлѣ на здоровье Его Императорскаго Величества. Вслѣдствіе этого изъ преображенскаго приказа присланъ указъ допросить „гетманскаго генеральнаго писаря" Патоку и, если онъ объявитъ слово и дѣло, прислать въ приказъ. При допросахъ содержащійся въ корожной башнѣ Патока показалъ, что онъ не генеральный писарь, а писарь изъ Лубенъ, а съ соловецкимъ монахомъ никакихъ словъ не говаривалъ, только 8 февраля послѣ святыя литургіи кричалъ всенародно слово и дѣло, именно о измѣнѣ и бунтѣ на господъ графа Гавріила Ивановича Головкина и барона Петра Шафирова и того же дня то-жъ слово и дѣло кричалъ въ трапезѣ, а какое слово и дѣло, то явитъ самому Императорскому Величеству" [1]). Дальнѣйшая судьба Патоки неизвѣстна.

Въ дѣлѣ Патоки весьма интересно первое опредѣленіе сената. Съ какой стати сенатъ, признавъ Патоку за человѣка сумасброднаго, впадавшаго часто въ безпамятство, распорядился отрѣзать ему языкъ и посадить его въ самую ужасную тюрьму, короженскую башню, при чемъ велѣлъ не слушать произносимаго имъ слова и дѣла государева. Не раскрывалъ-ли Патока передъ сенатомъ какой либо тайны относительно гр. Головкина и барона Шафирова и другихъ высокопоставленныхъ лицъ, о чемъ онъ заявилъ впослѣдствіи. Заявленіе Патоки объ измѣнѣ Головкина и Шафирова служитъ нѣкоторымъ подтвержденіемъ предположенія малороссійскихъ историковъ, что эти особы знали о подготовлявшейся измѣнѣ Мазепы и вообще дѣйствовали въ интересахъ этого гетмана, будучи имъ подкуплены. Не къ нимъ-ли относятся слова доноса Кочубея и Искры, что „кто-то изъ ближнихъ государевыхъ секретарей и князя Александра Даниловича ему (Мазепѣ) о всемъ царственномъ поведеніи доноситъ, и, если о семъ (т. е. доносѣ) увѣ-

[1]) Дѣло о ссыльномъ черкашенинѣ Патокѣ, который содержится въ соловецкомъ монастырѣ въ тюрьмѣ, 1724 г., № 84.

дають, тотчасъ дадутъ ему знать". Къ нимъ могли относиться и предсмертныя слова Мазепы: „нехай одинъ я буду безталаннымъ, а не многіе, о якихъ вороги моі мабуть и не мыслили, або и мыслить не смілы: злая доля усе переиначила для невідомого конця" [1]). Очень можетъ быть, что Патока, въ качествѣ канцеляриста, могъ въ свое всемя имѣть какія либо свѣдѣнія и документы, касающіяся измѣны Мазепы и пособничества ему Головкина и Шафирова. Вѣдь, по словамъ доноса Кочубея и Искры, болѣе другихъ зналъ всѣ тайны заговора Мазепинъ писарь (Орликъ), потому что чрезъ его руки шла вся гетманская переписка, равно какъ и о доносѣ Кочубея и Искры, не смотря на всю таинственность дѣла, знали ихъ писаря, Кожчицкій и Глуховецъ, просто потому, что переписывали доносъ. Также случайно могъ узнать тайны мазепинскаго заговора, при участіи русскихъ знатныхъ особъ, и Патока. По всей вѣроятности, этому несчастному былъ отрѣзанъ языкъ для того, чтобы онъ не разглашалъ извѣстныхъ ему тайнъ. Но этого инквизиторамъ нельзя было достигнуть вполнѣ, такъ какъ Патока все-же не потерялъ возможности выговаривать слова. Что лица, которымъ отрѣзывали языкъ, сохраняли иногда способность выражать свои мысли, доказывается примѣромъ графини Анны Бестужевой. Бестужева, будучи сосланной въ 1743 г. въ Якутскъ, за участіе въ заговорѣ объ избраніи императоромъ Ивана Антоновича, говорила такъ вразумительно, что вполнѣ можно было понимать ее, не смотря на то, что у ней былъ отрѣзанъ конецъ языка [2]).

---

[1]) Маркевичъ II, 407, 506.

[2]) Это указаніе находится въ статьѣ И. Сельскаго: «Ссылка въ восточную Сибирь замѣчательныхъ лицъ», помѣщенной въ 8 номерѣ Русскаго Слова за 1861 г. Въ указанной статьѣ, между прочимъ, сообщаются довольно интересныя свѣдѣнія о жизни въ ссылкѣ малороссіянъ, бывшихъ гетмановъ Многогрѣшнаго и Самуйловича и другихъ лицъ, стр. 4, 7, 8, 25 и 26. Кстати привести здѣсь нѣсколько словъ, помѣщенныхъ въ газетѣ «Трудъ» въ № 3-й за 1881 г. о малороссіянахъ, попавшихъ въ старые годы въ Вятку. Между малороссіянами, пребывавшими въ вятской губ., выдавался особенно Петро Дорошенко, бывшій гетманъ, высланный въ Вятку на воеводство и пробывшій тамъ около двухъ лѣтъ (1681—1683). Просилъ онъ постоянно объ освобожденіи, но выпросилъ лишь переводъ въ ярославскую губ., гдѣ и былъ надѣленъ землею. Но особенно памятенъ въ исторіи Вятки былъ воспитанникъ кіевской академіи, епископъ Лаврентій Горка (1733—1737), переведенный туда изъ Рязани, «за нѣкія продерзости», какъ сказано въ указѣ. Это былъ первый насадитель «школьнаго ученія» въ вятской странѣ.

Послѣ Патоки является въ ссылкѣ монахъ кіево-печерской лавры Досифей. Какъ видно изъ дѣлъ архангельскаго архива, Досифей былъ присланъ въ генварѣ 1755 г. на жительство въ сійскій монастырь. За что его сослали,—не извѣстно; но можно думать, что за доносы, такъ какъ онъ, не пробывъ въ ссылкѣ и одного мѣсяца, сдѣлалъ политическій доносъ на малоумнаго холмогорца, а въ октябрѣ того-же года кричалъ слово и дѣло государево на своихъ собратій, двухъ монаховъ сійскаго монастыря. Для ознакомленія съ канцелярской перепиской тогдашняго времени по политическимъ дѣламъ между архангелогородской губернской канцеляріей и канцеляріей тайныхъ розыскныхъ дѣлъ, приводимъ представленіе первой о доносѣ Досифея.

„Сего 1755 года, октября 6 дня, въ присланномъ въ архангелогородскую губернскую канцелярію съ троицкого антоніева сійскаго монастыря отъ намѣстника Германа Яковлева да отъ казначея іеродіакона Мойсея доношеніи написано: присланной въ тотъ сійской монастырь изъ канцеляріи тайныхъ розыскныхъ дѣлъ въ генварѣ мѣсяцѣ сего 1755 года кіево-печерской лавры бывшій іеромонахъ Досифей въ неисходное изъ того монастыря до кончины живота его жительство сего октября 3 дня кричалъ слово и дѣло государево по второму пункту, а за кѣмъ знаетъ, того не объявилъ. А оной іеромонахъ Досифей присланъ при томъ доношеніи, а въ губернской канцеляріи въ секретномъ распросѣ оной Досифей показалъ: сего октября 3 дня въ помянутомъ сійскомъ монастырѣ онъ, Досифей, слово и дѣло государево по второму пункту кричалъ и знаетъ то слово и дѣло государево того-жъ сійскаго монастыря за іеромонахами Ааропомъ и Арсеніемъ, а Арсеній объявилъ за ростригою Федоромъ да за монастырскимъ служителемъ Яковомъ Бишкаромъ, а оное слово и дѣло знаетъ онъ касающееся до персоны Ея Императорскаго Величества, котораго обстоятельно здѣсь объявить невозможно, а услышалъ онъ, Досифей, то слово и дѣло отъ іеромонаха Аарона іюля 24 числа, а отъ іеромонаха-жъ Арсенія сентября 2 да 8 чиселъ сего 1755 г., а за другими-же за кѣмъ онъ, Досифей, какъ по первому, такъ и по второму пунктамъ, слова и дѣла не знаетъ и за собою не имѣетъ, и по тому его, Досифееву, показанію Яковъ Башкиръ сысканъ у города Архангельского, а іеромонахъ Ааронъ и Арсеній и ростриrа Ѳедоръ взяты

въ сійскомъ монастырѣ и чрезъ нарочную посылку привезены въ губернскую канцелярію. А по состоявшемуся въ прошломъ 1730 году апрѣля 10 дня указу, по первому пункту велѣно доносителей и объявителей въ великихъ дѣлахъ, которые въ секретныхъ распросахъ скажутъ, что знаютъ и доказать могутъ по первому пункту, то ихъ самихъ и на кого они доносятъ и единомышленниковъ ихъ брать и подъ крѣпкимъ карауломъ присылать въ правительствующій сенатъ, а по пятому пункту содержащихся колодниковъ и каторжныхъ невольниковъ и ссылочныхъ въ ссылки велѣно, ежели въ секретныхъ распросѣхъ такія дѣла показывать будутъ по первому пункту, по силѣ указу 1726 года іюля 12 дня, прежде пытать и буде съ указныхъ трехъ пытокъ въ томъ утвердятся, то ихъ самихъ и на кого говорить будутъ, за крѣпкимъ карауломъ присылать въ правительствующій сенатъ. А по указу изъ бывшаго преображенского приказу 1727 года при распросѣхъ и розыскахъ о важныхъ словахъ, имянно выспрашивать не велѣно и хотя вышеписанный ссыльный, бывшій іеромонахъ Досифей, въ сійскомъ монастырѣ показанное слово и дѣло государево и объявлялъ по второму пункту и о томъ съ перваго увѣдомленія болѣе двухъ мѣсяцовъ, а со втораго и третьяго чрезъ мѣсяцъ и умедлилъ, но въ губернской канцеляріи въ секретномъ распросѣ о томъ словѣ и дѣлѣ точно показалъ и изъяснилъ касающееся по первому пунтку, котораго де здѣсь обстоятельно и объявить ему невозможно. И для того онъ, Досифей, и сійского монастыря іеромонахи-жъ Ааронъ и Арсеній и ростригa Федоръ и монастырской служитель Яковъ Башкиръ, на которыхъ онъ, Досифей, показанную важность объявляетъ, скованы въ ножныхъ и ручныхъ желѣзахъ посланы въ канцелярію тайныхъ розыскныхъ дѣлъ при семъ доношеніи подъ крѣпкимъ карауломъ. А хотя-жъ, по силѣ указу 1730 года, апрѣля 10 дня, по пятому пункту ссылочнымъ и велѣно въ сказываніи по первому пункту слова и дѣла слѣдовать пыткою, а вышеписанной іеромонахъ Досифей числится ссыльнымъ, точію онъ монашескаго чина еще не лишенъ; къ тому-жъ и показанную важность онъ, Досифей, объявляетъ такую, которой ему здѣсь и объявить не возможно. И за тѣмъ губернская канцелярія съ нимъ, Досифеемъ, въ силу того пятого пункта такимъ образомъ, какъ въ ономъ напечатано, поступить и не можетъ. А по указу прошлаго 1727 года изъ быв-

шаго преображенскаго приказа о такихъ важностяхъ точно выспрашивать не велѣно, а онъ, Досифей, по первому въ нынѣшнемъ 1755 году въ февралѣ мѣсяцѣ на холмогорца малоумнаго Василья Еремѣева доносу о такой-же важности прежде въ губернской канцеляріи, а потомъ и въ тайной канцеляріи чрезъ свидѣтелей доказалъ, и за тѣмъ и нынѣ по его, Досифееву, доносу здѣсь никакого произвожденія чинить и не надлежитъ. А за оными, обще съ другими колодниками, посланы въ конвоѣ архангелогородскаго гарнизона солдаты, которымъ въ одинъ путь отъ города Архангельска на одинадцать подводъ даны прогонныя деньги".

Интересна инструкція, данная прапорщику, сопровождавшему этихъ колодниковъ: „Съ оными колодниками ѣхать тебѣ отъ города Архангельскаго до С.-Петербурга денно и нощно со всякимъ скорымъ поспѣшеніемъ, не мѣшкавъ нигдѣ ни за чѣмъ ни одной минуты, и, будучи въ пути, ихъ между собою не соединять и ничего ни съ кѣмъ говорить ихъ не допускать, бумаги, чернилъ тако-жъ и никакихъ принадлежащихъ къ человѣческому погубленію орудій, яко-то: топора, ножа, вилокъ, шила, иглы, крестовъ съ гойтанами, пуговицъ, запонокъ, перстней и веревокъ, чѣмъ могутъ себя умертвить и прочаго, тако-жъ и хмѣльнаго питья и ничего въ руки не давать, и о томъ посланнымъ при нихъ караульнымъ солдатамъ накрѣпко приказать, и самому тебѣ и унтеръ-офицеру повсегда надзирать, пищу ихъ самому тебѣ напередъ отвѣдывать, и чтобы въ рыбѣ и мясѣ, въ протчей тому подобной пищѣ костей не было; найпримѣрнѣйше тебѣ того смотрѣть, чтобъ они съ дороги никакимъ вымысломъ убѣжать не могли, а фузеи и штыки у конвойныхъ солдатъ взять и содержать тебѣ у себя въ телѣгѣ, только-бъ они шпаги однѣ обнажа крѣпко въ рукахъ держали" [1])...

Въ 1765 году въ соловецкій монастырь присланъ былъ, не извѣстно за что, подъ видомъ безумнаго, малороссіянинъ Антонъ Любимскій. О немъ я нашелъ въ черниговскомъ архивѣ слѣдующее повелѣніе Екатерины 2-й гетману Кирилу Разумовскому отъ 2 іюня 1764 г.

---

[1]) Дѣло по доношенію троицкаго антоніева сійскаго монастыря отъ намѣстника іеромонаха Германа, при которомъ присланъ бывшій кіевопечерской лавры іеромонахъ Досифей. 1755 г., № 11.

„Графъ Кирила Григорьевичъ.

Малороссіянца Антона Любимскаго извольте отправить въ малороссійской межигорской монастырь съ тѣмъ, дабы онъ, по усмотренному въ немъ поврежденію ума, отнюдь ни въ Великой, ни въ Малой Россіи не шатался, а жилъ-бы неисходно и пищею довольствованъ былъ безъ всякаго утѣсненія въ томъ монастырѣ. Что касается до его одежды, извольте выдавать ему изъ скарбу малороссійскаго по пятидесяти рублей на годъ, и при томъ прикажите смотрѣть накрѣпко, чтобъ онъ не имѣлъ при себѣ никакого орудія, которымъ-бы вредъ себѣ могъ причинить; чего ради и везти его до того монастыря подъ надежнымъ присмотромъ".

Вскорѣ Любимскій былъ перевезенъ въ соловецкій монастырь. Въ вѣдомостяхъ о секретныхъ соловецкихъ колодникахъ за 1780 годъ противъ его фамиліи стоитъ лишь отмѣтка: „1775 года марта 6 дня, по именному Ея Императорскаго Величества, и по присланнымъ изъ учрежденной о церковныхъ имѣніяхъ коммисіи и изъ коллегіи экономіи и изъ святѣйшаго правительствующаго синода послушномъ (?) указѣхъ малороссіянца Антонія Любимскаго велѣно содержать, яко безумнаго, неисходно и предосторожность имѣть, дабы онъ и себя и кого другого какимъ орудіемъ не повредилъ и не допускать его имѣть бумаги, чернилъ и до письма".

Стѣны соловецкаго монастыря заключали въ себѣ въ теченіи 25 лѣтъ (съ 1776 по 1801 г.) еще одного малороссіянина, на этотъ разъ личность выдающуюся въ исторіи юга, именно послѣдняго кошеваго атамана Запорожской Сѣчи, Петра Калнишевскаго. Въ упомянутой ранѣе моей статьѣ о Калнишевскомъ, напечатанной въ „Русской Старинѣ" за 1875 г., помѣщены народныя преданія объ этомъ кошевомъ, записанныя мною отъ крестьянъ с. Ворзогоръ, у Бѣлаго моря, архивныя свѣдѣнія объ отправкѣ Калнишевскаго въ соловецкій монастырь, отысканныя мною въ архангельскомъ архивѣ и документы о причинѣ ссылки Калнишевскаго, разысканные, по моей просьбѣ, въ архивѣ соловецкаго монастыря, гг. Гоздаво-Тышинскимъ и П. П. Чубинскимъ. Здѣсь-же, для полноты настоящей статьи, считаю нужнымъ сказать лишь нѣсколько словъ о положеніи Калнишевскаго въ заточеніи. Калнишевскій, какъ извѣстно изъ исторіи, заключенъ былъ въ соловецкій монастырь не за собственную вину, а за то собственно, что былъ представите-

лемъ запорожскаго войска, отжившаго свой историческій вѣкъ. Калнишевскаго содержали безвыходно много лѣтъ въ маленькомъ, сыромъ, холодномъ и полутемномъ чуланѣ въ одной изъ каменныхъ башенъ монастырской стѣны; впослѣдствіи ему было отведено лучшее помѣщеніе, рядомъ съ поварней. Не смотря на свое долговременное ужасное заточеніе и на свою глубокую старость (онъ умеръ 112 лѣтъ отъ роду), Калнишевскій не потерялъ умственныхъ силъ, какъ то было съ большинствомъ заключенныхъ. Безвыходно заточенные обыкновенно или вскорѣ умирали, или, по словамъ крестьянъ, дѣлались *блаженными*, т. е. сходили съ ума, или впадали въ идіотизмъ, и тогда жили долго. Слова крестьянъ на счетъ послѣдняго обстоятельства подтверждаются ежегодными вѣдомостями архимандритовъ о монастырскихъ узникахъ прошлаго столѣтія. Въ нихъ противъ многихъ фамилій заточенныхъ стоятъ отмѣтки, въ родѣ слѣдующихъ: „находится въ несовершенномъ умѣ, въ разстроенныхъ мысляхъ, скорбенъ умомъ“ и т. п.

Въ вѣдомостяхъ о колодникахъ соловецкаго монастыря за 1802 годъ встрѣчается еще фамилія одного малороссіянина—Саввы Сирскаго. О немъ сказано, что Сирскій первоначально содержался въ шлиссенбургской крѣпости, а въ іюнѣ 1801 г. препровожденъ въ соловецкій монастырь при указѣ святѣйшаго синода, а за что—не дано знать. Присланъ онъ „для содержанія въ числѣ послушниковъ и употребленія въ монастырскихъ послушаніяхъ, которыхъ нимало не можетъ по немолодымъ своимъ лѣтамъ носить. Но по причинѣ учиненнаго имъ къ побѣгу изъ монастыря покушенія, для отвращенія и впредь таковаго, содержится по силѣ указа свят. синода въ вѣдомствѣ и за стражею здѣшняго воинскаго начальника, впрочемъ, находясь въ несовершенномъ разумѣ и разстроенныхъ мысляхъ, жизнь свою препровождаетъ скромно и спокойно“.

Въ мой перечень внесены не всѣ малороссіяне, томившіеся въ прошломъ столѣтіи въ неволѣ на далекомъ сѣверѣ. Какъ можно думать, были тамъ и многіе другіе. Такъ, въ описи черниговскаго архива, упоминается подъ 1717 годомъ о Яковцѣ Михайленкѣ, который бѣжалъ изъ ссылки изъ обители соловецкихъ чудотворцевъ, а въ описи уничтоженныхъ дѣлъ архангельскаго архива—о гайдамакахъ, поверстанныхъ въ солдаты, въ архангельскій гарнизонъ.

П. Ефименко.

Еще по поводу народной пѣсни:

О ВЗЯТІИ ТОРЧЕСКА, ИЛИ-ЖЕ АЗОВА? *)

Въ іюльской книжкѣ „Кіев. Старины“ помѣщена статья А. И. Стоянова: „Южно-русская пѣсня о событіи XI вѣка“, въ которой авторъ пріурочиваетъ пѣсню, напечатанную въ Сборникѣ чумацкихъ пѣсенъ И. Я. Рудченка подъ № I, въ четырехъ варіантахъ, ко взятію половцами Торческа въ 1093 году. Такое пріуроченіе онъ основываетъ на совпаденіи многихъ чертъ лѣтописнаго разсказа объ этомъ событіи и мѣстнаго о немъ преданія съ отдѣльными мѣстами пѣсни, преимущественно по двумъ приводимымъ имъ ея варіантамъ, изъ которыхъ второй до сихъ поръ не былъ извѣстенъ въ печати [1]). Здѣсь-же указаны и другія мнѣнія о значеніи этой пѣсни: одно г. Рудченка, видѣвшаго въ ней весьма древнія бытовыя черты торговли мѣхами и мѣновой торговли, и второе, г. М. Т—ова („В. Евр.“, 1877 г., кн. III), о великорусскомъ происхожденіи пѣсни, составляющей перефразировку прозаическаго сказанія о взятіи донцами Азова, которому должна была отвѣчать великорусская пѣсня, до сихъ поръ никѣмъ не записанная. А. И. Стояновъ полагаетъ (стр. 94), что поводомъ къ послѣднему мнѣнію послужило упоминаніе въ одномъ изъ варіантовъ пѣсни о плѣ-

---

*) См. «Кіев. Старина», іюль, стр. 81; августъ, стр. 362.

[1]) Варіантъ изъ с. Вел. Спитинки васильков. у. почти буквально совпадаетъ съ вар. Б. у г. Рудченка, помѣченнымъ «Васильковъ», и былъ сообщенъ мною издателю чумацкихъ пѣсень; я даже полагаю, что это онъ и есть, а различія произошли только при перепискѣ и корректурѣ не подъ глазами издателя. Отсюда и пропускъ существенно важнаго примѣчанія пѣвца, указаннаго въ статьѣ г. Стоянова, которое находилось и въ моемъ спискѣ.

неніи, при взятіи разбойниками Азова, „молодыхъ *черкесочокъ*“. На самомъ-же дѣлѣ, такое мнѣніе, по болѣе вѣскимъ соображеніямъ, было высказано первоначально мною, въ 1874 году, въ рецензіи на Сборникъ г. Рудченка, причемъ я, конечно, отрицалъ всякую возможность *перефразировки* донского сказанія въ малорусскую пѣсню, а только указывалъ на ихъ замѣчательный параллелизмъ.

При этомъ мнѣніи я остаюсь и теперь, а потому и долженъ вновь повторить свои доводы, затерянные въ старой газетной статьѣ, и дополнить ихъ нѣкоторыми новыми данными. Къ этому обязываетъ меня какъ давнишнее сотрудничество съ А. И. Стояновымъ по занятіямъ малорусской этнографіей, о которомъ съ такой теплотою упомянулъ мой почтенный другъ, такъ еще болѣе—стремленіе къ исторической истинѣ, хотя мнѣ на этотъ разъ, по совѣсти, очень больно отрѣшиться отъ мысли о существованіи въ нашей современной пѣсенности прямыхъ слѣдовъ историческихъ событій до-татарскаго періода. Въ видахъ такого разрѣшенія вопроса, которое въ отношеніи даннаго случая должно-бы быть окончательнымъ, мнѣ придется разсмотрѣть каждое изъ положеній, высказанныхъ въ концѣ статьи г. Стоянова.

Прежде всего замѣчу, что г. Рудченко, интересуясь въ пѣсняхъ преимущественно ихъ бытовою стороною, и потому принимая ихъ въ слишкомъ буквальномъ и современномъ смыслѣ, независимо отъ ихъ историческихъ наслоеній, важное значеніе которыхъ указано г. Стояновымъ (стр. 94—95), принялъ въ своемъ Сборникѣ основнымъ варіантомъ—искаженный и съ полузабытымъ концомъ. Г. Стояновъ считаетъ столь-же искаженными и остальные варіанты этого Сборника, а наиболѣе цѣльнымъ—обнародованный имъ самимъ, —изъ м. Василівщины васильковскаго уѣзда. Не отрицая важности этой редакціи, особенно ея послѣдняго стиха, я нахожу, однако, гораздо болѣе первообразнымъ списокъ М. А. Кропивницкаго изъ с. Григорьевки елисаветградскаго уѣзда. Въ общемъ онъ очень близокъ къ василівщинскому, но отличается отъ него существенно важною чертою: въ послѣднемъ снарядившихся купцами бурлакъ грабитъ въ Азовѣ орда, а въ григорьевскомъ—сами они грабятъ Азовъ, соотвѣтствуя этой „ордѣ“ (мы увидимъ ниже, какому историческому факту соотвѣтствуетъ и это упоминаніе объ ордѣ, т. е. татарахъ). Кромѣ того, здѣсь указываются подробности снаряженія

бурлакъ, изъ котораго видно, что число ихъ значительно превышаетъ число купеческихъ возовъ, т. е. они сами пользуются послѣдними для скрытнаго входа въ городъ, подъ видомъ товара, что̀ поясняется спискомъ Н. И. Костомарова, примѣчаніемъ пѣвца къ снитинскому варіанту и той именно подробностью преданія о Торческѣ, гдѣ оно расходится съ лѣтописью; въ спискѣ-же василівщинскомъ ея нѣтъ. Поэтому, прежде всего необходимо возстановить здѣсь варіантъ изъ Григорьевки, полный текстъ котораго таковъ:

1. Ой що то за крячокъ
2. Надъ моремъ крякае,
3. Гей и що жъ то за бурлакъ
4. Молодцівъ збірае:
5. —„А збірайтеся, хлопці,
6. Да й все народъ майстерный,
7. Да й зробимо, братця,
8. Півтораста мы возівъ,
9. Да начепимъ-начепимъ
10. Півтораста мы яремъ,
11. Да возьмемо, братця,
12. По семеро молодцівъ,
13. А по восьмому, братця,
14. За-для кашоварости,
15. А по девъятому, братця,
16. За-для осторожности,
17. А по десятому, братця,
18. Щобъ волыки поганявъ.
19. Та поідемо мы, братця,
20. Ажъ въ той городъ у Азовъ;
21. Та й займемо мы місця
22. По шырокимъ улыцямъ,
23. Да поставляемъ возы
24. У три ряды у шкадронъ.
25. Ой выйдуть до насъ, выйдуть
26. А два купці-молодці,
27. А спытають насъ, братця,
28. Що за товаръ у возахъ?

29. А мы скажемо, братця,
30. Що въ насъ товаръ дорогий:
31. Все лысыці та куныці
32. Та чорные соболя“:

33. Гей учора изъ вечора
34. Такий приказъ оддали,
35. А такъ якъ о півъ-ночі—
36. Азовъ-городъ узяли.
37. Ой выйшовъ да выйшовъ
38. А знать бурлакъ—сильно пребагатъ,
39. А крикнувъ вінъ покрикнувъ
40. Своімъ громкимъ голосомъ:
41. „Ой збірайтеся, хлопці,
42. Всі молодці на судно,
43. Та беріте-грабуйте—
44. Кому чого надобно:
45. Гей кому срібла, а кому злота,
46. Кому суконъ дорогихъ,
47. А кому мало, недостача,—
48. Черкесочокъ молодихъ“.

Перехожу теперь къ изложенію Сказанія о взятіи донскими козаками Азова, помѣщеннаго въ 3-й книжкѣ „Чтеній моск. общ. ист. и древностей“ за 1864 годъ, все содержаніе котораго и многія мельчайшія подробности поразительно совпадаютъ съ приведенною пѣснію. Сказаніе это слишкомъ обширно, чтобы приводить его цѣликомъ, и я ограничусь краткимъ, но точнымъ пересказомъ его, приводя подлинникомъ тѣ мѣста, которыя имѣютъ существенное значеніе для цѣли настоящей статьи. Замѣчу, что сказаніе мѣстами носитъ слѣды искаженій, языкъ его вовсе не современенъ событію, а по меньшей мѣрѣ на цѣлое столѣтіе позднѣе, признаки чего укажу ниже; разсказу о взятіи Азова предшествуетъ эпизодъ о захватѣ турецкихъ судовъ.

„Въ лѣта благочестиваго государя-царя и великаго князя Михаила Ѳеодоровича, всея Россіи самодержца,—начинается сказаніе,—собравшееся военное вольное козачество изъ городовъ на тихой Донъ, атаманъ у нихъ былъ Нижняго Новгорода, что на Волгѣ

рѣкѣ, Наумъ Васильевичъ. Въ нѣкое время азовскій паша, по нашему воевода, отъ турскихъ бояръ, отдаде въ замужство дочь свою за крымскаго хана, а по нашему ихъ царя старчева (т. е. старшаго). И тотъ азовскій паша, нагрузя четыре буса (судна) живота, отпустилъ на оныхъ дочь свою по Дону къ крымскому хану Старчеву (sic), а провожатыхъ съ нею послалъ семьсотъ человѣкъ". Узнавъ объ этомъ, атаманъ съ товарищи изготовили легкіе струги, помолились Іоанну Предтечѣ и Николаю Чудотворцу и отправились въ числѣ четыретсотъ человѣкъ на добычу. „На Дону оставили для обереженія сто человѣкъ, да чернаго попа Серапіона, который къ нимъ пришелъ изъ Астрахани отъ архіепископа Макарія, по нѣкоей винѣ случившейся". Изъ засады въ камышѣ напали добычники на турецкіе „бусы", овладѣли ими и перебили всѣхъ бывшихъ тамъ турокъ и татаръ, кромѣ дочери паши и ея прислужницъ, а тогда всю добычу перевезли на Донъ сухимъ путемъ на лошадяхъ. Паша выкупилъ свою дочь съ ея „дѣвками", давши козакамъ драгоцѣнностей на десять тысячъ рублей. Козаки отослали всю добычу въ Астрахань и обмѣняли на русскіе товары.

Потомъ они собрались въ кругъ и стали совѣтовать о новомъ предпріятіи: какъ-бы Азовъ городъ взять. И держали рѣчь атаманъ Наумъ Васильевичъ и есаулъ Иванъ Федоровичъ: „Разумно говорите, козаки вольные, молодцы добрые! Какъ градъ Азовъ возьмемъ? Сдѣлаемъ стотридцать телѣгъ и покроемъ ихъ кожами красными и черными, и во сто телѣгъ положимъ по малу числу товаровъ, а въ тридцать [1]) телѣгъ по четыре человѣка козаковъ съ ружьями и русскими товарами... И начаша готовити телѣги, и положили въ тридцать телѣгъ по малу русскихъ товаровъ и по четыре человѣка". Изготовившись такимъ образомъ, „по совершеніи молебнаго пѣнія, съ тихова Дону пошли ко Азову граду, и взяли съ собою честныя иконы, и не доходя до Азова за день, стали въ камышникѣ и начали думать, какъ-бы Азовъ взять". Атаманъ распорядился такимъ образомъ: „къ каждой телѣгѣ приставилъ по

[1]) Это мѣсто искажено: далѣе говорится, что изъ телѣгъ въ Азовѣ вышло *четыреста* козаковъ; слѣдовательно, распредѣленіе телѣгъ изложено здѣсь превратно: товарами должно быть занято тридцать, а засадою сто, что и болѣе соотвѣтствуетъ характеру употребленной хитрости.

человѣку, а триста человѣкъ снарядилъ въ хорошее нѣмецкое платье и заготовилъ листъ къ азовскому пашѣ или коменданту, въ коемъ написано: Изъ астраханскаго царства отпущены товары съ торговыми людьми въ турецкую землю, въ городъ Азовъ. И козаки другими именами назвались, и о товарѣ на нѣсколько тысячъ объявили, таможенной откупъ за печатью атамана написали, и противу того точную копію списали, въ самую-же полночь пошли со всѣмъ обозомъ къ Азову".

Встрѣченные нѣсколькими тамошними охотниками, козаки подарили имъ по три бѣлки и просили извѣстить въ городъ о своемъ прибытіи. Когда донесли объ этомъ пашѣ, онъ послалъ восемь человѣкъ для опроса пріѣзжихъ и осмотра ихъ товаровъ. „Татары и турки, видя на козакахъ платье долгое торговое", спрашивали письма изъ астраханскаго царства отъ тамошняго воеводы и просили показать товаръ. Атаманъ велѣлъ развязать десять возовъ, въ которыхъ оказались: „котлы, порохъ, свинецъ, укладь, холсты, сукна, добрые соболи, лисицы и бѣлки". Козаки дали подарки досмотрщикамъ и заявили, что такой-же товаръ и въ остальныхъ возахъ, кромѣ двухъ, гдѣ хранятся дорогіе подарки для паши. Узнавъ объ этомъ и видя, что даже досмотрщикамъ подарено по дорогой лисицѣ въ пять рублей, паша разрѣшилъ впустить мнимыхъ купцовъ въ городъ, куда они и въѣхали по захожденіи солнца (т. е. на второй день по отходѣ изъ стана въ камышникѣ).

„И турки поставили ихъ на гостинной дворъ, сказавъ имъ, чтобъ товары вносили въ лавку; а козаки просили до утра оставить, а завтра, сказали, осмотримъ и перепишемъ, а оной товаръ просушимъ, и тогда въ лавки сносимъ". Получивши согласіе турокъ, атаманъ, по требованію паши, отправляется къ нему съ „письменнымъ видомъ" и несетъ въ подарокъ три сорока соболей, почему и встрѣчаетъ самый ласковый пріемъ. Уходя отъ паши, атаманъ говоритъ слугѣ его: „завтра принесу ему другіе подарки, чтобы у нашихъ возовъ караула не было, понеже мы опасныхъ людей сего города не боимся". По докладу слуги „паша караулу стоять не велѣлъ", и козаки, поужинавъ, затворяютъ ворота гостиннаго двора на запоръ, „и мало пріумолкли".

Тогда атаманъ велѣлъ развязывать телѣги, и изъ нихъ вышло четыреста козаковъ. Ихъ тоже накормили, а потомъ собрались всѣ

въ кругъ. Атаманъ велѣлъ козакамъ раздѣлиться на партіи для одновременнаго нападенія въ разныхъ направленіяхъ, а самъ пошелъ ко двору паши; „у возовъ-же оставили чернаго попа Серапіона и съ нимъ десять человѣкъ, чтобы помолились Богу и святымъ угодникамъ Іоанну Предтечѣ и Николаю Чудотворцу". На турокъ напали врасплохъ, началась рѣзня, продолжавшаяся съ полуночи до разсвѣта: „и всѣхъ турокъ, и татаръ, и старыхъ бабъ побивали, а молодыхъ женокъ и дѣвокъ къ себѣ взяли".

Число убитыхъ было такъ велико, что едва за два дня успѣли вывезти трупы ихъ въ море. „Молодыхъ-же ребятъ, женокъ и дѣвокъ и со всѣхъ домовъ имѣніе собравъ, начали дѣлить, и подѣлу на каждаго козака досталось по три человѣка, а живота по двѣ тысячи рублей да по четыре коня. И взявъ съ собою иконы, несоша посредѣ града съ псалмопѣніемъ, и украсиша ихъ сребромъ и златомъ".

Поселились затѣмъ козаки въ Азовѣ, „стали жить въ домахъ и создали церковь деревянную во имя Іоанна Предтечи и Николая Чудотворца и послали въ Астрахань къ архіепископу Макарію, чтобъ далъ имъ на освященіе церкви архимандрита, попа и діакона и антиминсъ. Преосвященный Макарій послалъ попа бѣлаго, и діакона, и антиминсъ, и грамоту, да живутъ тамъ въ Азовѣ. И многіе козаки на турчанкахъ женились, и въ христіанскую вѣру приведены (т. е. турчанки). Пронесошеся о семъ вѣсть въ русскихъ странахъ и городахъ, и много людей къ нимъ въ Азовъ пришло, и собралось ихъ до пяти тысячъ человѣкъ".

Изъ приведеннаго здѣсь краткаго изложенія Сказанія видно, что и само оно возбуждаетъ нѣкоторыя сомнѣнія. Изложеніе его крайне неровно: языкъ мѣстами, какъ въ первой рѣчи атамана, разсказѣ объ избіеніи азовскихъ турокъ и дѣлежѣ добычи,—вполнѣ соотвѣтствуетъ эпическому складу народныхъ преданій; въ другихъ мѣстахъ, церковнославянскіе обороты и повсемѣстное упоминаніе о религіозно-обрядовыхъ подробностяхъ, какъ о попѣ Серапіонѣ, молебствіяхъ, псалмопѣніи послѣ побѣды, перенесеніи и украшеніи иконъ, созданіи церкви и посылкѣ въ Астрахань за духовенствомъ для нея и антиминсомъ,—заставляютъ думать, что слагателемъ его, или по крайней мѣрѣ первымъ списателемъ, было лицо духовное; наконецъ, употребленіе такихъ словъ, какъ *комен-*

дантъ, копія, письменный видъ, упоминаніе о *нѣмецкомъ платьѣ* у торговыхъ людей и т. под., служитъ указаніемъ, что напечатанная редакція Сказанія принадлежитъ свѣтскому грамотѣю и никакъ не старѣе второй четверти прошлаго столѣтія, а можетъ быть—и гораздо новѣе. Примирить эти противорѣчія можно единственно только предположеніемъ, что Сказаніе первоначально существовало въ видѣ народнаго преданія или даже и пѣсни, затѣмъ, подобно преданіямъ древнѣйшаго періода нашей исторіи, было облечено въ письменную форму какимъ нибудь книжникомъ изъ духовенства, и наконецъ подвергалось передѣлкамъ со стороны свѣтскихъ переписчиковъ. Насколько вѣрно такое предположеніе, покажетъ отчасти дальнѣйшій анализъ Сказанія.

По отношенію собственно къ нашей пѣснѣ, Сказаніе представляетъ замѣчательныя совпаденія, до полнаго тождества. Относительно мѣстности, изъ пяти извѣстныхъ вполнѣ варіантовъ Азовъ упоминается въ двухъ, равно какъ въ цитатѣ діда Омелька покойному П. И. Ревякину и въ „верзяканьи“ солдата на переяславской пристани; въ остальныхъ трехъ варіантахъ упоминаются „Ростовъ“ и „Щучинъ“,—мѣстности, тоже близкія къ Азову. Въ пѣснѣ подъ видомъ товара ввозятся въ городъ „бурлаки“, по Сказанію—вольные козаки. Въ перечисленіи товаровъ тамъ и здѣсь одинаково говорится о лисьихъ и собольихъ мѣхахъ, которые, по Сказанію и согласно всѣмъ историческимъ свидѣтельствамъ, служатъ предметами подарковъ, а показываютъ товары, въ приведенномъ здѣсь и костомаровскомъ спискѣ, по требованію мѣстныхъ городскихъ купцовъ, въ Сказаніи—азовскихъ досмотрщиковъ. Въ послѣднемъ варіантѣ „купецъ“ открываетъ рогожи съ возовъ, стоящихъ по темнымъ улицамъ, и тамъ открываются „добрі молодці“; примѣчаніемъ пѣвца къ лишенному окончанія снитинскому варіанту поясняется иносказательный смыслъ его послѣдняго стиха о „продажѣ“ товара, состоящаго изъ „козаковъ“; въ григорьевскомъ прямо излагается результатъ такой продажи: взятіе и разграбленіе Азова, какъ и въ Сказаніи. Далѣе, тамъ и здѣсь идетъ раздѣлъ добычи, въ составъ которой входятъ и молодыя „черкесочки“, а въ обнародованномъ А. И. Стояновымъ спискѣ прямо сказано „туркені“, —турчанки Сказанія. Замѣчу, что предполагать здѣсь переходъ звука *о* въ *у*, туркеня вмѣсто торкеня, впрочемъ очень обыкновен-

ный въ Кіевщинѣ, мы имѣли-бы право только тогда, когда-бы не было въ виду указанія на правильность записанной формы. Въ малорусской рѣчи туркеня именно и значитъ турчанка:

А на тому кораблі
Сидить *турчинъ* изъ *туркенею*.

Установивъ, такимъ образомъ, тождество нашей пѣсни и Сказанія, или, вѣрнѣе говоря, происхожденіе ихъ изъ одного общаго источника, необходимо затѣмъ, для точности изслѣдованія, разрѣшить слѣдующіе вопросы:

Весьма возможно, что существовало въ народѣ общее преданіе объ особомъ видѣ военной хитрости для взятія города, напоминающемъ троянскаго коня, которое затѣмъ и пріурочивалось къ мѣстнымъ случаямъ, хотя-бы въ дѣйствительности такая хитрость и не въ каждомъ изъ нихъ употреблялась. Пріурочить ее одинаково могло Сказаніе къ Азову, какъ и Омелько къ Торческу. Если, поэтому, отыщется достовѣрное историческое событіе, къ которому пріурочивается безъ натяжекъ Сказаніе, а слѣдовательно и наша пѣсня, то слѣдуетъ разсмотрѣть, въ какой мѣрѣ обстоятельства этого событія допускаютъ возможность дѣйствительнаго употребленія при немъ упомянутой военной хитрости.

Во вторыхъ, если на предыдущій вопросъ и получится утвердительное рѣшеніе, то необходимо еще указать путь, какимъ могла распространиться въ приднѣпровской Малороссіи пѣсня о событіи, имѣвшемъ мѣсто на отдаленномъ отъ нея Юговостокѣ.

Царствованіе Михаила Ѳедоровича, къ которому само себя относитъ Сказаніе, было эпохою найбольшаго, какъ кажется, развитія удальства козаковъ по отношенію къ ихъ магометанскимъ сосѣдямъ; и донцы, и запорожцы громили ихъ въ ту пору пуще всего. Оставляя въ сторонѣ послѣднихъ, представимъ краткій перечень набѣговъ донцовъ на турокъ и ихъ владѣнія. Въ 1622 г. они ограбили въ устьяхъ Дона шедшіе въ Азовъ турецкіе караваны. Въ 1623 г. они взяли турецкій корабль близъ Керчи, а затѣмъ напали на ногайцевъ и нанесли имъ большой уронъ, захвативъ много женщинъ, дѣтей и животины. Въ 1626 г. донцы овладѣли монастыремъ Іоанна Предтечи недалеко отъ Цареграда. Въ 1628 году, послѣ неудачнаго похода подъ Трапезунтъ, ограбили и сожгли

Карасу и Манкупъ въ Крыму. Въ 1630 г. ими былъ разгромленъ Синопъ. Въ 1633 г. на двадцати пяти стругахъ сдѣлали набѣгъ на Кафу, а потомъ захватили Иконію. Въ 1634 г. донскіе козаки рѣшились напасть на такую сильную крѣпость, какъ *Азовъ*, повредили городъ пушечной пальбой, но приступъ ихъ окончился неудачею. Наконецъ, *козакамъ удалось овладѣть въ 1637 году Азовомъ*, который составлялъ для нихъ такое-же препятствіе къ свободному выходу въ море, какими были для запорожцевъ турецкіе „замки“ на Днѣпрѣ, на мѣстѣ нынѣшней Каховки и Берислава и на промежуточныхъ между ними островахъ, носившіе названія: Асламъ-керменъ, Тавань, Кызы-керменъ, Муберекъ-керменъ и Мустритъ-керменъ [1]).

Передадимъ главныя черты этого событія, оттѣняя тѣ ихъ особенности, которыми онѣ совпадаютъ съ пѣснею или Сказаніемъ. Задумавъ овладѣть Азовомъ и видя недостатокъ военныхъ припасовъ, донскіе козаки посылали на Москву, съ просьбою о присылкѣ таковыхъ, атамана *Ивана* Каторжнаго, именемъ своимъ соотвѣтствующаго есаулу Ирану Федоровичу, о которомъ говорится въ началѣ Сказанія. Была-ли удовлетворена просьба донцовъ, мы не знаемъ. Тѣмъ временемъ они устроили общій съѣздъ со всѣхъ городковъ и рѣчекъ и затѣмъ выступили къ Азову, въ числѣ четырехъ тысячъ *четырехсотъ* человѣкъ; Сказанію, имѣвшему цѣлью прославить козацкіе подвиги, вполнѣ естественно было умолчать о первой цифрѣ и оставить только вторую, какъ число воиновъ, скрытыхъ подъ видомъ товаровъ. Не доходя Азова, козаки *простояли* двѣ недѣли, конечно, скрываясь самымъ тщательнымъ образомъ, что вполнѣ соотвѣтствуетъ стоянкѣ ихъ въ камышникѣ, продолжительности которой Сказаніе не опредѣляетъ. Здѣсь прибыли къ нимъ на подмогу *астраханскіе* юртовые *татары*, послѣ чего они и овладѣли городомъ. Сказаніе нѣсколько разъ упоминаетъ о сношеніяхъ и связяхъ козаковъ съ Астраханью, да и въ Азовъ проникли они подъ видомъ астраханскихъ торговцевъ; тотъ-же фактъ, что вмѣстѣ съ ними, въ качествѣ союзниковъ, дѣйствовали татары,

---

[1]) Соловьевъ, Исторія Россіи, т. IX, стр. 273, 278, 282, 283, 285, 286, 291.

объясняетъ намъ упоминаніе объ *ордѣ* въ обнародованномъ г. Стояновымъ варіантѣ пѣсни и разрѣшаетъ *на-половину* высказанное имъ недоумѣніе (стр. 93): „Если-бы какая-либо татарская орда въ болѣе позднее время захватила турецкій Азовъ и стала грабить турокъ и брать въ плѣнъ турчанокъ, какимъ образомъ фактъ этотъ отразился-бы въ южнорусскомъ эпосѣ и на какомъ основаніи“? Идемъ далѣе: историкъ не говоритъ намъ о способѣ взятія Азова, но изъ простого сопоставленія фактовъ ясно, что здѣсь была употреблена *какая-то* военная хитрость, та-ли, что въ пѣснѣ и Сказаніи, или какая либо иная, на этомъ я не настаиваю, но во всякомъ случаѣ дѣйствовала не одна открытая сила. Козаковъ во взятіи города участвовало всего четыре тысячи четыреста, численность астраханскихъ юртовыхъ татаръ неизвѣстна, но послѣднихъ, какъ показываютъ намъ всѣ современные факты изъ исторіи югозападной Руси, при штурмѣ *крѣпости* можно почти не принимать во вниманіе. Азовская-же крѣпость была такъ сильна, что нѣсколько лѣтъ спустя, въ 1641 году, подъ стѣнами Азова, защищаемаго *пятнадцатью* тысячами козаковъ, простояла все лѣто огромная турецкая армія, численность которой опредѣляютъ, хотя-бы даже съ большимъ преувеличеніемъ, въ *двѣсти сорокъ* тысячъ человѣкъ, съ сотнею орудій,— повторяла, но неудачно, приступы къ крѣпости двадцать четыре раза и наконецъ вынуждена была снять осаду. По взятіи города козаками, они, говоритъ историкъ, не упускаютъ живымъ ни одного человѣка, на степи и на морѣ, что вполнѣ согласно не только со словами Сказанія, но и со смысломъ пѣсни, такъ какъ прежде чѣмъ дѣлиться „черкесочками“ или „туркенями“, необходимо было истребить ихъ отцовъ, мужей, братьевъ, все взрослое мужское населеніе. Отмѣтимъ, наконецъ, еще одну черту совпаденія: въ Сказаніи неоднократно упоминается о молитвахъ козаковъ Іоанну Предтечѣ и Николаю чудотворцу, основаніи церкви во имя этихъ угодниковъ и т. д. На земскомъ-же соборѣ 1642 года, по вопросу о томъ, возвратить-ли туркамъ Азовъ, или удержать его за собою, жители многихъ городовъ говорили царю: „Если не изволишь Азова принять, то онъ будетъ за бусурманами, и образъ *Іоанна Предтечи* будетъ у бусурмановъ: не навесть-бы, государь, гнѣва Божія и гнѣва великаго свѣтильника *Іоанна Предтечи* и великаго святителя и *чудотворца Николая, которыми поручилъ тебѣ Богъ такой*

дальній крѣпкій украинскій городъ". Однако правительство, изъ соображеній политическихъ, т. е. не желая навлечь на себя войны съ могущественною тогда Турціею, порѣшило иначе, и донцы, провладѣвъ Азовомъ шесть лѣтъ, въ 1643 году, добровольно, изъ одного угожденія московскому правительству, удалились оттуда, не оставивши впрочемъ и камня на камнѣ [1]).

Такимъ образомъ, между историческими фактами и донскимъ Сказаніемъ оказывается самая тѣсная связь; а такъ какъ ранѣе уже установлена мною подобная-же связь между послѣднимъ и разбираемою пѣснею, то и она должна быть исключена изъ числа бытовыхъ, чумацко-бурлацкихъ, куда помѣстилъ ее г. Рудченко, и отнесена къ историческимъ, но съ пріуроченіемъ ея не ко взятію половцами Торческа въ 1093 году, какъ полагаетъ г. Стояновъ, а ко *взятію козаками Азова, 18 іюня 1637 года.*

Перейдемъ теперь къ вопросу, почему событіе на берегахъ далекаго Дона отразилось въ *малорусскомъ* пѣсенномъ эпосѣ? Ближайшимъ образомъ напрашивается отвѣтъ, что пѣсня эта, на ряду съ нѣкоторыми другими пѣснями, несомнѣнно донского происхожденія, могла быть занесена оттуда чумаками, имѣвшими впослѣдствіи съ Дономъ постоянныя сношенія, такъ какъ рѣка эта очень часто упоминается въ пѣсняхъ, преимущественно чумацкихъ. Но, допуская возможность занесенія этимъ путемъ пѣсни о взятіи Азова, я долженъ сказать что такое предположеніе оставляло-бы безъ отвѣта одинъ изъ аргументовъ г. Стоянова, а именно,—почему-же пѣсня эта извѣстна почти исключительно въ Приднѣпровьи, по крайней мѣрѣ, внѣ этой полосы существованіе ея до сихъ поръ констатировано только въ одномъ елисаветградскомъ уѣздѣ, хотя составъ пѣсенности губерній полтавской и черниговской изслѣдованъ несравненно лучше. Мнѣ кажется, что область распространенія этой пѣсни, поскольку она до сихъ поръ опредѣлена, т. е. съ елисаветградскимъ уѣздомъ включительно, лучше всего можетъ быть объяснена разсмотрѣніемъ нѣкоторыхъ историческихъ обстоятельствъ, современныхъ взятію Азова.

Между Дономъ и Запорожьемъ въ разсматриваемую эпоху, т. е. во второй четверти XVII столѣтія, существовали самыя близкія,

[1]) Соловьевъ, тамже, стр. 299 и слѣд.

можно сказать интимныя отношенія. „Мы до сихъ поръ отдѣляли, говоритъ П. А. Кулишъ, характеръ козаковъ запорожскихъ отъ характера козаковъ донскихъ. Изъ разсказовъ Ахіи (царевичъ, мнимый или дѣйствительный сынъ Магомета III, христіанскій претендентъ на турецкій престолъ), подтверждаемыхъ и другими документами, оказывается, что одна вольница отличалась отъ другой только признаніемъ надъ собою власти разныхъ государей... Мы находимъ въ монастырскихъ сказаніяхъ о черноморскихъ буряхъ (у Кальнофойскаго) передовиками запорожскими—москвитянъ, а на Дону героями, въ родѣ эпическаго Кішки Самійла, запорожскихъ полковниковъ, и знаемъ, какъ обѣ вольницы предпринимали общіе морскіе походы“ [1]). „Тѣ и другіе составляли, можно сказать, нераздѣльное товарищество“ [2]). Положимъ, на слова г. Кулиша, изслѣдующаго факты всегда не иначе, какъ подъ угломъ зрѣнія извѣстной тенденціи, несовсѣмъ удачно ссылаясь притомъ-же на слова Пушкина, что „только глупецъ не перемѣняетъ никогда своихъ убѣжденій“,—полагаться далеко не всегда можно. Но имъ обнародованъ въ цитированномъ изданіи (стр. 290—294) подлинный документъ, который, конечно, гораздо важнѣе выводовъ издателя, просто и безъискуственно изображающій отношенія того времени (1626 годъ) между донцами и запорожцами. Полковникъ запорожскій Алексѣй Шафранъ попалъ въ турецкую неволю, гдѣ пробылъ „у каѳинскаго воеводы на каторге (галерѣ) семь лѣтъ“, а потомъ успѣлъ, съ другими узниками, освободиться и бѣжалъ на Донъ. Отправившись впослѣдствіи отсюда въ Кіевъ, Шафранъ и три его товарища—козака сбились съ пути и приблудились къ городу Волуйкѣ. Тамошнему воеводѣ показались они людьми подозрительными и отправлены имъ на Москву. Здѣсь ихъ подробно обо всемъ распрашивали, и вотъ что̀, между прочимъ, записано въ показаніяхъ Шафрана: „живетъ онъ Олеша на Дону восемнадцать лѣтъ, а иные его товарищи живутъ лѣтъ по пяти и по шести; *а всѣхъ де ихъ на Дону есть съ тысячу человѣкъ; а въ Запорогахъ де донскихъ козаковъ также много;...* только живутъ переходя: *они хо-*

---

[1]) Матеріалы для исторіи возсоединенія Руси, т. I, стр. 152.

[2]) Тамъ-же, стр. 286.

дятъ на Донъ, а зъ Дону козаки къ нимъ, и живутъ, сколько гдѣ кто хочетъ. А повелось де у нихъ то зъ донскими козаки изстари, что межъ себя сходятца и живутъ вмѣстѣ въ однихъ куреняхъ. Въ нынешнемъ де лѣте ходили они на море,... а старшина у нихъ былъ онъ Олексѣй, а съ нимъ были *запороскіе черкасы и донскіе козаки смѣсно за одинъ;* а пошли они зъ Дону на море... и взяли въ турской землѣ городъ Трапизонъ". Допрашивавшіе дьяки, желая уличить Шафрана въ сокрытіи будто имъ истинной цѣли пріѣзда въ Волуйку, указывали, что она лежала ему не по дорогѣ: „Вѣдомо подлинно, и знаютъ то многіе люди, что зъ Дону въ Запороги и изъ Запорогъ на Донъ ходятъ степью, не займуя Донца, на Кармию (Калміусъ) да на Мохъ, а Донца не лазятъ". Очевидно, сношенія въ этомъ направленіи были достаточно оживлены и постоянны, если московскіе дьяки могли указывать Шафрану надлежащій его маршрутъ. Противъ рѣчей Шафрана и товарищей были допрошены также случившіеся на Москвѣ донской атаманъ Ѳедоръ Ханеневъ да донской козакъ Ивашка Гайдуковъ, которые съ своей стороны подтвердили: *„на Дону* люди многіе, и *черкасъ бываетъ много, человѣкъ до пятисотъ, а иногды и больши...* А то у нихъ ведетца: какъ зъ Дону поѣдутъ на Днепръ,—и они атаманомъ сказываютца, а на добродѣтели ихъ челомъ бьютъ. А ѣздятъ зъ Дону въ Запороги черезъ Миюсъ да на Мохъ".

Приведенный фактъ *предшествуетъ* взятію Азова; укажу аналогію и изъ времени, непосредственно за нимъ *послѣдующаго.* Въ дневникѣ ксендза Шимона Окольскаго [1]), сопровождавшаго польское войско во время войны съ козаками 1638 года, находимъ нѣсколько указаній на сношенія запорожцевъ съ донцами и даже на прямое участіе послѣднихъ въ военныхъ дѣйствіяхъ, въ качествѣ запорожскихъ союзниковъ. Такъ, упомянувъ о началѣ возстанія, онъ говоритъ, что возставшіе, „обравши собѣ на Запорожу Остранина за старшого, и при немъ Скидана, зъ посередъ себе *до козаковъ донскихъ, о помощъ просячи, выправили*". И дѣйствительно,

---

[1]) Не имѣя подъ рукою польскаго подлинника Окольскаго, цитирую по южнорусскому переводу Лукомскаго, 1770 года, въ приложеніи къ лѣтописи Величка, т. IV, стр. 193, 208, 214.

послѣ отступленія поляковъ отъ Голты къ Лубнамъ, Остраниnъ получилъ вѣсти, „ижъ ему на помощъ килка полковъ заразъ надходитъ: еденъ ему провадилъ Путивлецъ, и виборного правѣ въ своейволѣ и въ бунтахъ, между которими *дунскій козакъ*, цвѣчоній на войну, приходилъ". Впрочемъ, отрядъ Путивльца прибылъ къ Лубнамъ уже послѣ бѣгства оттуда Остранина, а потому былъ подавленъ превосходными силами поляковъ, вынужденъ выдать своего вождя и сдаться на капитуляцію, несмотря на которую поляки вырѣзали всѣхъ сдавшихся. О первомъ появленіи путивльцева полка, явившагося неожиданно для поляковъ, Окольскій сообщаетъ, что былъ высланъ на развѣдку о появившемся войскѣ польскій отрядъ. „Постаравшися теди о языкъ (т. е. плѣнnаго), привели до его милости пана полковника; которій (т. е. языкъ) повѣдалъ, же Путивлецъ, Мурка и Рѣпка вождове, людъ виборній, и добріи стрѣлци есть между ними; *донцовъ пятсотъ*, другіи суть отъ границъ запорозскихъ, идутъ Остраниновѣ на помощъ". Самъ Остраниновъ отрядъ бѣжалъ тогда въ нынѣшнюю харьковскую губернію и поселился на сѣверномъ *Донцѣ*, у Чугуева, и лишь впослѣдствіи эти козаки вернулись въ окрестности Полтавы: въ 1641 году, въ Путивлѣ, „въ роспросѣ густынскіе старцы сказали: слышали де онѣ въ литовской землѣ, что де *Чюгуевскіе Черкасы и Яцка Остренина сынъ* ѣздили къ гетману Концу Полскому (т. е. Конецпольскому) бить челомъ о указѣ и отъ гетмана де пріѣхали, и гетманъ де Конецъ-Полской велѣлъ имъ Черкасомъ селитца слободою подъ своимъ городомъ подъ Полтавою" [1]).

И такъ мы видимъ, что сношенія и связи Дона и Запорожья были очень близки и до и послѣ 1637 года. Было-бы странно предположить, что запорожцамъ не былъ знакомъ Азовъ, что они не принимали участія въ предпріятіяхъ противъ этого города, и чтобы объ этомъ участіи не сохранялось у нихъ памяти. И точно, когда запорожскій кошевой Сѣрко писалъ въ 1675 г. отъ имени всего войска свое извѣстное письмо къ крымскому хану, объясняя причину своего недавняго похода на Крымъ и перечисляя при этомъ прежніе подвиги запорожцевъ противъ турокъ и татаръ, онъ

---

[1]) Акты Южной и Зап. Россіи, т. III, стр. 54.

не забылъ упомянуть и объ Азовѣ. „Року зась 1633, говоритъ Сѣрко, Сулима гетманъ войска низового запорозского, въ моноксилахъ отъ Сѣчи по Днепру, потомъ по Чорномъ мору, чрезъ весь Восфоръ Кимерійскій въ Меотицкое заплинувши езеро, досталъ былъ прекрѣпкого турецкого въ Азіи града Азова“ [1]). Почти буквально извѣстіе это вошло въ „Собраніе историческое“ Лукомскаго, со ссылкою на какую-то „Русскую лѣтопись достовѣрную“ [2]) и съ прибавленіемъ извѣстія о послѣдовавшей казни Сулимы: „1633 году Сулима, гетманъ войска низоваго запорожскаго, въ моноксиляхъ или въ судахъ веселнихъ (гребныхъ) морскихъ, изъ Сѣчи по Днѣпру, чрезъ Босфоръ Киммерійскій въ Меотическое или Азовское море запливши, прекрѣпкій въ Азіи городъ Азикъ или Азовъ взялъ. Сему гетману Сулимѣ король Владиславъ IV голову отсѣкти повелѣлъ въ Аршавѣ по жалобѣ на него, за взятіе Азова, отъ турковъ [3]). Былъ-ли походъ Сулимы вполнѣ самостоятеленъ, или-же онъ имѣлъ связь съ попыткою овладѣть Азовомъ со стороны донцовъ, которая относится къ 1634 году, по неразработанности источниковъ этой эпохи разрѣшить трудно, хотя дѣйствительность этого похода въ 1630-хъ годахъ и казнь за него Сулимы не подлежатъ сомнѣнію, такъ какъ о нихъ упоминается у современника, кіево-печерскаго монаха Афанасія Кальнофойскаго [4]). Во всякомъ случаѣ, слѣдуетъ полагать, что самая крѣпость Сулимою взята *не* была, а только ограблены и опустошены окрестности и города. Иначе тѣснимые

[1]) Лѣтопись Величка, т. II, стр. 381.

[2]) Можно полагать, что эта лѣтопись, на которую Лукомскій ссылается и по отношенію къ гораздо болѣе раннему времени, отъ начала XVI вѣка, въ своемъ Собраніи Историческомъ, первая часть котораго напечатана въ приложеніи къ кіевскому изданію «Лѣтописи Самовидца», стр. 321—372, была не что иное, какъ южнорусская компилятивная лѣтопись XVII вѣка, извѣстная въ спискѣ конца XVII столѣтія, іеромонаха Леонтія Боболинскаго. Отрывки изъ этого списка, 1699 года, напечатаны въ приложеніи къ лѣтописи Грабянки, стр. 273—327. Но у покойнаго М. А. Максимовича имѣлась лѣтопись, въ рукописи *первой* половины XVII вѣка, которою пользовался, какъ оригиналомъ, или какъ главнымъ источникомъ, Боболинскій. Что сталось съ этимъ важнымъ и интереснымъ памятникомъ южнорусской письменности и исторіографіи, мнѣ неизвѣстно.

[3]) Лѣтопись Величка, т. IV, стр. 180.

[4]) Τερατουργημα lubo cuda, które były... w monastyru pieczarskim kijowskim, etc., Кіевъ, 1638 г., стр. 271: «z hetmanem swym na ten czas Sulimem, *niedawno* za przestępki swe przeciwko Rzeczy Pospolitey *na gardle skaranym* y z niemałą kupą woyska puścili się czółnem na morze».

ею донцы не замедлили бы воспользоваться случаемъ и утвердиться здѣсь. Наконецъ, тотъ-же Лукомскій сохранилъ намъ и извѣстіе объ участіи запорожцевъ во взятіи Азова въ 1637 году, настолько мотивированное и любопытное, что его стоитъ привести здѣсь вполнѣ. Передавъ о возстаніи Павлюка и пораженіи козаковъ подъ Кумейками, Лукомскій продолжаетъ:

„Того-жъ 1637 году согласились 4000 человѣкъ храбрыхъ козаковъ, которіе часто помянутихъ лядскихъ утѣсненій болѣе нести не могли, искать своего щастія въ другихъ краяхъ пошли къ персіянамъ, чтобъ на войнѣ противъ турковъ служить. Они пошли чрезъ кримскіе и нагайскіе орды со всякою осторожностію къ Дону и имѣли на дорогѣ частой случай сражатся съ татарами, тамъ встрѣтились они съ 3000 человѣкъ донскихъ козаковъ, которіе приняли ихъ весьма пріятно и притомъ освѣдомились о ихъ намѣреніи и походѣ. Услышавъ причину онаго, представляли тамъ они имъ опасности похода чрезъ толь многіе народы и сомнѣніе свое, что найдутъ-ли они у персіянъ то, чего желаютъ. Они говорили имъ: мы де имѣемъ для васъ, браття, запасу доволно; чего вы такъ далеко искать намѣрены, то найдете вы у насъ,—будемъ другъ другу вѣрни. Вотъ Азовъ: когда мы возьмемъ этотъ городъ, то будемъ имѣть способной проходъ въ Меотическое или въ Чорное море, гдѣ мы въ одинъ походъ можемъ столько взять добычи, сколько вы во всѣхъ кровопролитіяхъ... у персіянъ никогда не получите“. Запорожскіе козаки, посовѣтовавъ между собою, согласились напослѣдокъ на предложеніе донскихъ. Пошли они вмѣстѣ подъ Азовъ, гдѣ турецкій гарнизонъ, котораго отъ трехъ до четирехъ тисячъ человѣкъ было, ихъ предпріятію осмѣялись. Козаки начали тотъчасъ въ землю вриватся и продолжали день и ночь свою работу съ такою ревностію, что они, при непріятелской стрѣлбѣ отъ яничаръ, въ городъ вошли и непріятеля принудили отступить въ замокъ. Яничари находились тогда въ столь великомъ страхѣ, что и замокъ немедленно здали, хотя козаки толко четире фалконеты при себѣ имѣли, которими-бы никогда пролому учинить не могли. Они ограбили городъ и здѣлали тотчасъ надлежащее учрежденіе: донци овладѣли Азовомъ, а запорожци съ добычами въ Сѣчъ возвратилися“ [1])

[1]) Величко, т. IV, стр. 181—182.

Я съ намѣреніемъ привелъ только здѣсь слова Лукомскаго, несмотря на ихъ категорическій смыслъ и рѣшающее значеніе въ вопросѣ объ участіи запорожцевъ при взятіи Азова. Какъ источникъ компилятивнаго характера, составленный слишкомъ черезъ сто тридцать лѣтъ послѣ событія, и притомъ почти безъ всякой критики,—„Собраніе“ Лукомскаго само по себѣ не могло-бы служить достаточнымъ основаніемъ для признанія этого участія, если бы ранѣе не были установлены, по источникамъ первой руки, факты о постоянныхъ сношеніяхъ и связяхъ Запорожья и Дона въ разсматриваемую эпоху. Но въ виду несомнѣнности такого рода фактовъ, свидѣтельство Лукомскаго, изъ какого-бы источника онъ его ни почерпнулъ, получаетъ характеръ достовѣрности по отношенію къ событію, а вмѣстѣ съ тѣмъ важно и само по себѣ, какъ слѣдъ *южнорусской* традиціи объ участіи въ этомъ событіи запорожскихъ козаковъ.

Коль скоро же является доказаннымъ, что запорожцы въ 1620—30-хъ годахъ бывали на Дону въ большемъ или меньшемъ числѣ постоянно, что они участвовали и во взятіи Азова, то становится вполнѣ понятнымъ и существованіе въ Малороссіи пѣсни объ этомъ событіи, и ея ограниченное распространеніе. Народная пѣсня историческаго содержанія вообще складывается по горячимъ слѣдамъ событія; наглядными примѣрами могутъ служить какъ пѣсня о корсунскихъ волненіяхъ 1855 года, вскорѣ послѣ того тамъ же записанная А. Г. Зайкевичемъ и переданная имъ А. И. Стоянову, такъ и записанная мною пѣсня объ избіеніи крестьянами банды польскихъ повстанцевъ 1863 года въ с. Соловіевкѣ радомысльскаго уѣзда [1]). Такъ и здѣсь: пѣсня о взятіи Азова могла быть сложена или немедленно, на мѣстѣ, -въ такомъ случаѣ она должна отыскаться и на Дону, гдѣ она, или прозаическое преданіе о томъ же событіи послужили источникомъ книжнаго Сказанія; или же она могла быть сложена запорожцами уже по отходѣ ихъ съ Дона, на пути или по прибытіи въ Сѣчь. Въ томъ и въ другомъ случаѣ распространителями ея по Малороссіи могли быть только запорожцы. Если принять во вниманіе, что вслѣдъ затѣмъ наступило возстаніе Остранина и Гуни, а десять лѣтъ спустя страшный пожаръ надолго охватилъ всю южную Русь, то будетъ

[1]) Напечатана въ «Кіевлянинѣ» 1869 года, № 64.

ясно, что занесенная тогда запорожцами пѣсня о далекомъ по мѣстности и неимѣющемъ непосредственнаго интереса для мѣстнаго населенія историческомъ эпизодѣ—не могла получить въ Малороссіи повсемѣстнаго распространенія. Она могла удерживаться по преимуществу въ такихъ только мѣстахъ, которыя, какъ нынѣшній елисаветградскій уѣздъ, входили въ составъ запорожскихъ владѣній; или нерѣдко были посѣщаемы ими, какъ уѣздъ чигиринскій, съ его монастырями: мотренинскимъ, лебединскимъ, николаевскимъ въ Медведовкѣ и онуфріевскимъ въ *Жаботинѣ;* или же находились неподалеку запорожскаго „шпиталя“ — Терехтемирова, какъ большая часть мѣстностей, гдѣ до сихъ поръ подмѣчена эта пѣсня; варіантъ Н. И. Костомарова, мѣстность записи котораго не обозначена, нѣкоторыми особенностями языка обличаетъ свое харьковское происхожденіе, и было бы неудивительно, если бы пѣсня эта встрѣтилась близъ Чугуева, куда спаслось изъ подъ Лубенъ ядро Остранинова войска, состоявшее преимущественно изъ запорожцевъ.

Хотя я старался говорить болѣе словами источниковъ, чѣмъ излагать свои личныя соображенія,—безпристрастный читатель можетъ убѣдиться, что имѣются довольно вѣскія основанія пріурочить разсмотрѣнную пѣсню ко взятію не Торческа, а Азова, и не къ 1093, а 1637 году. Имѣя въ виду сдѣлать еще кой-какія дополнительныя замѣчанія, обращусь еще къ заключительнымъ положеніямъ А. И. Стоянова, указывая, въ чемъ ихъ слѣдовало бы, по моему, измѣнить, и почему именно.

1) Что касается тождественности легенды, записанной на развалинахъ Торческа, съ лѣтописнымъ разсказомъ, то она, конечно, сомнѣнію не подлежитъ, мои замѣчанія ея вовсе не коснулись, и за П. И. Ревякинымъ остается вполнѣ заслуга отысканія несомнѣннаго историческаго мѣстнаго преданія дотатарской эпохи, служащаго однимъ изъ существенно важныхъ доказательствъ непосредственной преемственности населенія кіевской Руси, т. е., что нынѣшніе ея жители представляютъ прямыхъ потомковъ полянъ. Съ своей стороны могу еще добавить, что попытки отыскивать древній Торчь [1]) не на урочищѣ того же самаго имени, а въ другихъ мѣ-

[1]) Въ лаврентьевскей лѣтописи «Торцiйскый градъ», но въ болѣе цѣнной для южнорусской исторіи лѣтописи Ипатской—«*Торчьскый* градъ»; въ усѣчен-

стахъ, по одному сходству названій, нельзя признать удачными. Сколько помню, нѣсколько лѣтъ назадъ въ обществѣ Нестора кѣмъ-то изъ членовъ была сдѣлана такая попытка пріурочить лѣтописный Торческъ, по прежнему, къ с. Торчицѣ таращанскаго уѣзда, а В. Б. Антоновичъ замѣтилъ по этому поводу, что область поселенія торковъ была довольно обширна, а потому они могли дать свое имя и той, и другой мѣстности,—Торческовъ могло быть нѣсколько. Лѣтопись знаетъ ихъ только одинъ, мѣсто котораго и опредѣляется за Стугной, у с. Новыхъ Безрадичъ [1]) кіевскаго уѣзда, въ пользу чего говорятъ: тождество имени, характеръ мѣстности съ явными слѣдами древняго укрѣпленія, мѣстное преданіе, почти буквально совпадающее съ лѣтописью, и наконецъ близость этого мѣста къ Триполью, какъ должно быть и по лѣтописи. Что касается другихъ мѣстностей со сходными именами, то за нихъ, кромѣ созвучія, не говоритъ ничего больше, и основывать на одномъ этомъ признакѣ мнѣніе о *нѣсколькихъ* Торческахъ едва-ли возможно. Торчьскому—граду, одному, далъ имя основавшій его народъ; но рядомъ съ тѣмъ существуетъ общеславянскій корень *трк,* отъ котораго могли происходить сходныя имена мѣстъ совершенно независимо отъ имени народа торковъ. Дѣйствительно, мы находимъ такія имена по всей южной Руси, гдѣ о торкахъ, вѣроятно, и въ XI вѣкѣ вовсе даже не слышали. Такъ, кромѣ Торчицы таращанскаго уѣзда, находимъ еще: *Торчинъ*—въ радомысльскомъ, луцкомъ и литинскомъ; *Торкинъ*—въ стародубскомъ (списки насел. мѣстъ, черниг. губ., № 3334); *Торская*—въ купянскомъ (тоже, харьков. губ., № 2270); *Торско*-Алексѣевское—въ бахмутскомъ (екатеринослав. губ., № 930); *Торске* — въ Галиціи около Червонограда и т. д.

ной формѣ, какъ напр. кіевскій монастырь св. Ѳеодора «Вотчь», говорилось, конечно, Торчь, что сохранилось буквально и нынѣ, съ переходомъ имени въ существительное, Торчъ.

[1]) Самое названіе этого села связано съ торческой легендой: «черезъ се и село наше называетця Безрадычами, говорилъ П. И. Ревякину Омелько: тіи (т. е. князья) радились та радились, а сі (половцы) *безъ рады* побили іхъ; на сміхъ, значить, зовуть Безрадычами» (цитирую изъ находящейся у меня подлинной рукописи П. И. Ревякина).

2) Взятіе города „чумакомъ", посредствомъ хитрости, — подробность, не находящаяся ни въ лѣтописи о Торческѣ, ни въ историческихъ извѣстіяхъ о взятіи Азова, включая сюда даже и Лукомскаго, а только въ донскомъ Сказаніи о послѣднемъ событіи. Это-же Сказаніе связываетъ непосредственно пѣсню съ историческимъ фактомъ. Въ дѣйствительности, подробность эта могла имѣть мѣсто, какъ въ одномъ, такъ и въ другомъ случаѣ, но точно также могла въ обоихъ даже отсутствовать, а была лишь къ нимъ пріурочена изъ *общаго* народнаго преданія, которое, въ свою очередь, могло и создаться *безлично*, или, что̀ гораздо естественнѣе, составляетъ отголосокъ какого-то забытаго факта временъ незапамятныхъ, гораздо древнѣе не только Азова, но и Торческа. Отвѣтить на этотъ вопросъ можетъ только *сравнительное* изслѣдованіе сходныхъ преданій у другихъ арійскихъ народовъ.

3) Подробности пѣсни еще ближе совпадаютъ съ донскимъ Сказаніемъ, чѣмъ съ торческой легендою, для которой былъ-бы необъяснимъ, напр., товаръ, состоящій изъ лисицъ и соболей, а въ Азовѣ они вполнѣ умѣстны.

4) Имя Азова въ пѣснѣ не позднѣйшее, а коренное; замѣна-же его Ростовомъ, Щучиномъ и другими пунктами чумацкихъ дорогъ очень естественна, коль скоро самая пѣсня, потерявъ первоначальный историческій колоритъ, стала принимать характеръ пѣсни чумацкой.

5) Имена—орда, туркеня, вполнѣ на своемъ мѣстѣ, такъ какъ во взятіи Азова участвовали и татары, а въ плѣнъ были уводимы именно турчанки.

6) Какимъ образомъ могло отразиться это событіе въ южнорусскомъ эпосѣ, безъ „противорѣчія основнымъ законамъ народнаго творчества",—отвѣтомъ служитъ участіе въ событіи многочисленныхъ представителей южной Руси—запорожцевъ.

7) Несходство характера пѣсни съ общимъ типомъ южно-русскихъ чумацкихъ (и даже вообще малорусскихъ) пѣсень служитъ признакомъ происхожденія ея въ этнографически-*смѣшанной* средѣ. Конечно, замѣчаніе г. М. Т—ова о ея будто бы *великорусскомъ* происхожденіи не имѣетъ значенія, составляя только невѣрную передачу высказанныхъ первоначально мною замѣчаній.

8) Къ этимъ положеніямъ добавлю еще, что и область распространенія пѣсни, насколько она до сихъ поръ опредѣлена, можетъ быть объяснена безъ всякихъ натяжекъ въ виду происхожденія пѣсни отъ запорожцевъ, тогда какъ, если-бы она была происхожденія мѣстно-торческаго, трудно было-бы объяснить заносъ ея въ елисаветградскій уѣздъ и, какъ кажется, въ харьковскую губернію.

Въ заключеніе я долженъ сказать, что вполнѣ раздѣляю взгляды А. И. Стоянова относительно метода изслѣдованія народныхъ пѣсень. Различіе результатовъ, къ какимъ мы оба пришли, зависѣло вовсе не отъ различія метода, а только отъ неодинаковаго объема матеріаловъ, которыми каждый изъ насъ располагалъ въ данномъ случаѣ. Особенно цѣнными считаю я замѣчанія г. Стоянова относительно того, что пѣсни должны быть изучаемы, а слѣдовательно и записываемы, не нагишомъ, какъ ихъ даютъ намъ обыкновенно сборники, а въ связи съ обстоятельствами, при какихъ была пѣта (не по заказу, конечно) та или иная пѣсня, и особенно въ связи съ замѣчаніями пѣвцовъ и пѣвицъ, служащими для насъ единственнымъ указаніемъ, какъ понимается то или иное мѣсто въ самомъ народѣ.

P. S. Статья эта была уже окончена, когда появилась въ „Кіев. Старинѣ“ замѣтка Н. И. Костомарова о томъ-же предметѣ, въ отрицательномъ отношеніи вполнѣ согласная и съ высказываемыми мною соображеніями. Нашъ маститый историкъ тоже не раздѣляетъ мнѣнія г. Стоянова и отвергаетъ возможность пріуроченія пѣсни ко взятію Торческа; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не находитъ возможнымъ отнести ее и ко взятію Азова, а видитъ въ ней скорѣе отраженіе не одного какого-нибудь случая, бывшаго тамъ или здѣсь когда-то, а цѣлаго, можетъ быть, ряда мелкихъ случаевъ; по его мнѣнію, и само оно потомъ могло быть источникомъ многихъ болѣе или менѣе въ свое время важныхъ подобныхъ событій, такъ какъ этотъ образъ, взятіе чужого города посредствомъ хитраго проведенія туда воиновъ, составилъ часть народнаго міросозерцанія, которое всегда, иногда и незамѣтно, двигаетъ историческимъ ходомъ судьбы народа. Нисколько не отрицая основательности и этой точки зрѣнія, тѣмъ

болѣе, что эпической подробности пѣсни и Сказанія о ввозѣ въ городъ подъ видомъ товара козаковъ нѣтъ въ историческихъ свидѣтельствахъ ни о Торческѣ, ни объ Азовѣ,—я полагаю однако, что собственно разобранная нами пѣсня, въ которой эта подробность имѣетъ характеръ общаго мѣста, была пріурочена въ свое время именно ко взятію послѣдняго города. Безпристрастному читателю остается рѣшить, достаточно-ли приведенныхъ въ моей статьѣ доказательствъ въ пользу такого мнѣнія. Мимоходомъ замѣчу, что г. Костомаровъ вполнѣ основательно поясняетъ упоминаемый въ нѣкоторыхъ варіантахъ Кремень-городъ турецкимъ словомъ „керменъ“, которое носилъ, впрочемъ, не одинъ Исламъ-городокъ, а и многіе другія крѣпостцы, такъ какъ оно означаетъ вообще укрѣпленный городъ (см. выше, стр. 422; такъ и Ак-керманъ = Бѣлый городъ). При упоминаемомъ въ другихъ варіантахъ Щучинѣ г. Костомаровъ ставитъ знакъ вопроса; я полагаю, что это Щучья станица въ черкасскомъ округѣ земли войска донского, лежащая при самомъ Донѣ, и называемая также Елисаветовскою.

Ив. Новицкій.

ПЕРЕПЕТОВСКОЕ ПОЛЕ.

(Розысканіе въ области лѣтописной топографіи, съ приложеніемъ карты).

При занятіяхъ моихъ пѣснью, или, какъ чаще ее называютъ, „Словомъ“ о полку Игоря, мнѣ нерѣдко приходилось, то по тому, то по другому поводу, наталкиваться на лѣтописныя географическія имена, каковы имена городовъ, рѣчекъ, урочищъ и т. д., или вовсе не опредѣленныя топографически въ существующихъ историческихъ изслѣдованіяхъ, или хотя и опредѣленныя, но по предположеніямъ, нерѣдко очень шаткимъ и стоящимъ, какъ мнѣ казалось, въ противорѣчіи съ положительными указаніями лѣтописей. Нѣкоторыя изъ такихъ проблеммъ лѣтописной топографіи древней русской земли мнѣ посчастливилось рѣшить при помощи, какъ мнѣ казалось, положительныхъ и несомнѣнныхъ данныхъ и основанныхъ на нихъ соображеній и выводовъ. Данныя эти удобнѣе всего представляется группировать по мѣстностямъ (районамъ), къ которымъ они относятся.

Для предлагаемой статьи я избираю мѣстность, находящуюся почти въ центрѣ кіевской губерніи и извѣстную въ настоящее время на литературномъ языкѣ подъ именемъ „Бѣлоцерковской степи“, а на теперешнемъ языкѣ народномъ, въ которомъ слово „степь“ употребляется въ родѣ мужескомъ,—подъ именемъ „Бѣлоцерковскаго степа“. Это и есть лѣтописное *Перетово*, или *Перепетовское поле* (=Перепетовская степь), имя которой я и поставилъ въ заглавіи статьи.

Неоцѣнимую услугу при розысканіяхъ по топографіи лѣтописныхъ мѣстностей, находящихся въ предѣлахъ теперешней кіев-

ской губерніи, оказываютъ „Сказанія“ Л. Похилевича [1]). Въ этомъ почтенномъ трудѣ собраны свѣдѣнія не только объ именахъ такъ называемыхъ населенныхъ мѣстъ: селъ, деревень, хуторовъ, кутковъ и т. п., но также и о названіяхъ горъ, яровъ, долинъ, рѣчекъ, ручейковъ, кургановъ, урочищъ и т. п. Впрочемъ и у Похилевича, судя по нѣкоторымъ извѣстнымъ мнѣ фактамъ, далеко не все исчерпано въ этомъ отношеніи; о многихъ, напримѣръ, несомнѣнно существующихъ рѣчкахъ и урочищахъ не упомянуто вовсе. Довольно часто наталкиваешься у него на такъ называемыя „безъименныя рѣчки“, иногда съ прибавкою къ нимъ, какъ-бы въ оправданіе ихъ безъименности, свѣдѣнія: „лѣтомъ пересыхающія“; но на военно-топографической и спеціальной картахъ многія изъ нихъ имѣютъ таки свои собственныя имена [2]), и кажется, что этихъ „безъименныхъ“ стало-бы гораздо меньше, если-бы собрать о нихъ свѣдѣнія изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ онѣ протекаютъ. А собрать, по возможности, всѣ такія названія очень важно для исторической топографіи, дорожащей каждою мелочью. Иногда оказывается, что какое нибудь лѣтописное географическое имя, неотыскиваемое при самыхъ тщательныхъ розыскахъ его въ такъ называемыхъ спискахъ населенныхъ мѣстъ, и до настоящей минуты звучитъ въ народномъ словѣ, въ имени какой нибудь незначительной рѣчки, доносящемся до насъ изъ далекой стороны и свидѣтельствующемъ о томъ, что тутъ, у этой рѣчки, живутъ не пришельцы, а прямые потомки древнихъ ея обитателей [3]).

---

[1]) Сказанія о населенныхъ мѣстностяхъ кіевской губерніи *Л. Похилевича*. Кіевъ, 1864. Къ занимающей насъ мѣстности относятся также слѣдующія статьи Кіевскихъ Губ. Вѣдомостей: село Темберщина—1854 г., № 31; село Тростинка—1856 г., № 36; Воды васильковскаго уѣзда—1856 г., № 7.

[2]) И изъ предлагаемой статьи, напр., видно, что у Похилевича вовсе не упомянуты: рѣчка *Холопъ*, впадающая въ Субодь, р. *Ольшанка*, впад. въ Тростинку, или Раковку, урочища: *Третій Ротокъ*, *Васильковъ гонъ* и пр.; названа безъименной р. *Чернявка*, впад. въ Ротокъ и пр.

[3]) Такъ, напр., и при моихъ розысканіяхъ имена рѣчекъ: *Узинъ* (Узень), *Узка*, и озера: *Гузино* дали возможность открыть лѣтописную *Възяницу;* при помощи имени рѣчки *Жидь*, впадающей въ Днѣпръ немного ниже устья Тетерева, удалось мнѣ открыть лѣтописный *Жедьчевьевъ* (Ипат., 555) и пр.

Топографическія проблеммы, относящіяся къ Бѣлоцерковской степи, заключаются въ слѣдующихъ пунктахъ: 1) не опредѣляется вовсе положеніе урочища: *Бузяница* (Ипат. 300) [1]); 2) неправильно понимается *лука моря* (Лавр. 342, Ипат. 381); 3) приблизительно и очень гадательно опредѣляется положеніе города *Михайлова* (Ипат. 376); 4) не устанавливается тождество рѣчки: *Рутъ* (Лавр. 316—7, Ипат. 301—3) съ рѣчкою *Ротъ* (Ипат. 356); 5) вовсе не опредѣляется рѣчка *Рутецъ* (Ипат. 301—3); 6) не особенно положительно опредѣляется рѣчка *Ольшаница* (Ипат. 279); наконецъ, 7) не опредѣляется съ надлежащею ясностью общее представленіе о *Перепетовомъ* (Ипат. 278), или *Перепетовскомъ* (Лавр. 740, Ипат. 379, 380) *полѣ*.

Представимъ предварительно связное описаніе мѣстности, которая извѣстна была въ древности подъ общимъ именемъ Перепетовскаго поля, руководствуясь военно-топографическими и спеціальными картами [2]) и сказаніями Похилевича.

Рѣчка *Ротъ*, упоминаемая въ ипат. лѣтописи подъ 1162 годомъ, конечно, тоже, что и *Рутъ*, упоминаемая въ той-же и въ лаврской лѣтописи подъ 1151 годомъ. Въ лѣтописяхъ имя это встрѣчается обыкновенно въ формѣ мужескаго рода: *Рутъ, Ротъ* (въ Руту, бѣ бо грязокъ), и только изрѣдка, въ видѣ исключенія, оно принимаетъ и форму женскаго рода: *Рути* (въ Рути, бѣ бо грязна) [3]). Карамзинъ (II, 151 и прим. 341) поясняетъ: „Рутъ—нынѣ Ротокъ“. Рѣчка эта у Похилевича и въ географическо-статистическомъ словарѣ Семенова называется: *Ротокъ*, въ привиллегіи Си-

---

[1]) Указанія на лѣтописи ипатскую и лаврентьевскую здѣсь сдѣланы по новому изданію: Лѣтопись по ипатскому списку, изд. археогр. коммисіи, Спб. 1871;—по лаврентьевскому—Спб. 1872 г.

[2]) Здѣсь я ссылаюсь: 1) на военно-топографическую карту европейской Россіи, въ масштабѣ 3 верстъ въ дюймѣ, рядъ 23-й, листы 8-й и 9-й, и 2) на спеціальную карту европейской Россіи, изданную подъ редакціей полковника *Стрѣльбицкаго*, въ масштабѣ 10 верстъ въ дюймѣ, листъ 31-й.

[3]) Лавр. 316; за Рутъ (варіантъ: заутра), 317; чрезъ Рутъ, въ Руту (вар.: въ Рутѣ), бѣ бо грязокъ. Ипат., 301; за Рутъ, 302; къ Рутови, за Рутъ, за Руть, 303; черезъ Рутъ, въ Руту, бѣ бо грязокъ (вар.: въ Рути, бѣ бо грязна), 356; по Роту.

гизмунда III жителямъ Бѣлой Церкви — *Рутекъ*, на военно-топографической и спеціальной картахъ: *Протока* (искаженіе, или лучше сказать позднѣйшая, напрасная и неудачная, попытка осмыслить ясное имя „Ротокъ"). Для нашей цѣли необходимо описать всю систему этой рѣчки до мельчайшихъ подробностей. Рѣчка Ротокъ, беретъ начало у деревни Марьяновки (на военно-топографической картѣ у верховья Ротка обозначено урочище: *Третій Ротокъ*, у Похилевича не упомянутое), протекаетъ въ южномъ направленіи и впадаетъ въ Рось съ лѣвой стороны при м. Бѣлой Церкви, большая часть котораго расположена на той-же лѣвой сторонѣ Роси. Въ Ротокъ впадаютъ съ лѣвой стороны двѣ рѣчки: 1) по Похилевичу, рѣчка безъименная, а по военно-топографической картѣ— рѣчка *Чернявка*, которая беретъ начало у села Средней Слободы, или Винницкихъ Ставовъ и протекаетъ въ юго-восточномъ направленіи; 2) безъименная рѣчка, которая беретъ начало у села Пологъ, протекаетъ въ восточномъ направленіи и впадаетъ въ Ротокъ ниже впаденія Чернявки [1]). По моимъ соображеніямъ, лѣтописному Руту (Роту великому, Руту, Рути) соотвѣтствуетъ Ротокъ, а Рутцу (малому Руту) — Чернявка. При сліяніи Чернявки съ Роткомъ, по нижнему теченію Чернявки и по среднему—Ротка, какъ это видно изъ военно-топографической и спеціальной картъ, образуется развѣтвляющееся озеро, о которомъ упоминается и въ лѣтописяхъ; другое озеро, меньшее, находится по теченію Чернявки, на разстояніи версты къ западу отъ бо́льшаго. Рѣчка Ротокъ съ ея притоками вообще, видно, болотиста. Въ лѣтописи о Рутѣ сказано, что онъ былъ *грязокъ;* упоминается *грязина* у Рутца; въ подложной копіи съ грамоты Андрея Боголюбскаго кіево-печерскому монастырю упоминается *Ротокъ—болото*. Верстахъ въ девяти (по прямому направленію) выше впаденія Ротка впадаетъ въ Рось съ лѣвой стороны р. *Каменица;* верстахъ въ десяти выше ея впаденія впадаетъ въ нее съ лѣвой стороны рѣчка, по Похилевичу, *Соботъ*, а

---

[1]) На военно-топографической картѣ эта рѣчная система представлена (конечно, ошибочно) въ иномъ видѣ, чѣмъ по свѣдѣніямъ, собраннымъ Похилевичемъ: главною является рѣчка, берущая начало у села Пологъ, до впаденія ея въ Ротокъ и, затѣмъ, Ротокъ до впаденія его въ Рось. Эта главная рѣчка и названа Протокой.

по военно-топографической и спеціальной картамъ—*Субодъ;* верстахъ въ трехъ выше впаденія послѣдней впадаетъ въ нее, по военно-топографической картѣ, р. *Холопъ* (у Похилевича не упомянута, на спеціальной картѣ не надписана). По нижнему теченію Холопа, на лѣвой его сторонѣ, расположено село *Михайловка*, къ которому, по моимъ соображеніямъ, и можетъ быть пріуроченъ лѣтописный городъ *Михайловъ*. Верстахъ въ двѣнадцати ниже впаденія Ротка впадаетъ въ Рось съ лѣвой стороны рѣчка, которая у Похилевича называется *Узинъ*, на военно-топографической и спеціальной картахъ—*Узень*, а въ привиллегіи Сигизмунда III—*Узянь*. На лѣвой сторонѣ этой рѣчки есть и село того-же имени (по Похилевичу—*Узинъ*, по военно-топографической и спеціальной картамъ—*Узень*), которое называется еще и *Темберщиной*, по имени помѣщичьяго управляющаго Темберскаго, заселившаго эту слободу въ 1773 году. Въ сѣверо-восточномъ направленіи отъ истока Узина, верстахъ въ пяти, находится озеро, по Похилевичу (на картахъ не названо) *Гузино* (=Узино? Ср. имя народа *Узы* и *Гузы*, имя села *Уляники* и *Гуляники* и т. п.; начальный звукъ *г* является въ видѣ, такъ называемаго, придыханія), при которомъ расположена дер. Людвиновка (называется также и Станиславкой), основанная въ 1826 г. Станиславомъ Проскурою и названная по имени его жены Людвики. Ниже села Узина въ рѣчку Узинъ, при дер. Блощинцахъ, впадаетъ съ правой стороны р. *Узка* (сокращеніе: *Узинка*, *Узянка?*), текущая отъ села Янковки, или Лопатынщины, названнаго такъ по имени Яна Лопатынскаго, основавшаго это село. Р. Узинъ или, что еще вѣроятнѣе, Узка (сокр. Узинка) и есть лѣтописная *Бузяница* = *Вузяница*, *Узяница* (ср. Каменка и Каменица, Ольшанка и Ольшаница). Верстахъ въ шести къ западу отъ истоковъ Ротка находится верховье безъименной рѣчки, текущей въ сѣверо-западномъ направленіи и впадающей съ правой стороны въ р. Унаву (лѣтописная Уновь), правый притокъ Ирпени, а верстахъ въ пяти къ востоку отъ верхняго теченія Ротка находится верховье той рѣчки, которая въ Ипат. разсказѣ 1150 г. названа *Ольшаницей*. Она начинается у села Тростинки (прежде называвшагося Чмелевымъ), течетъ въ сѣверо-восточн. направленіи и впадаетъ съ лѣвой стороны въ Стугну. На лѣвой сторонѣ этой рѣчки расположено село Большая, или Барахтянская, а немного ниже, на

правой сторонѣ, Малая, или Германовская *Ольшанка*. Самая рѣчка эта называется теперь *Тростинкой*, или *Раковкой*, но ея правый притокъ, ниже Малой Ольшанки въ нее впадающій, и теперь называется, какъ это обозначено на военно-топографической картѣ (у Похилевича онъ не упомянутъ), *Ольшанкой*. Теперешней уменьшительной формѣ *Ольшан-ка* вполнѣ соотвѣтствуетъ древне-русская: *Ольшан-ица*. По замѣчанію Похилевича, по ручью Тростинкѣ, при которомъ расположены села Ольшанки, по преданіямъ, были большія болота, заросшія *ольхою*, лозою и тростникомъ; теперь отъ ольхи, давшей названіе селамъ Ольшанкамъ, осталось лишь нѣсколько деревъ. Село Тростинка лежитъ между крутыхъ *горъ*, въ глубокой долинѣ, по коей струится упомянутый ручеекъ Тростинка. Изъ сказаннаго видно, что система р. Ротка съ сѣвера подходитъ, съ одной стороны, къ системѣ р. Ирпени, съ другой—къ системѣ р. Стугны [1]). Рѣчки Рутекъ, Каменица и Узянъ упоминаются въ привиллегіи, данной Сигизмундомъ III жителямъ Бѣлой Церкви въ 1597 году [2]). Въ этой грамотѣ сѣверная граница Бѣлоцерковщины обозначена такъ: „Рѣчка Рутекъ, яко ся въ соби маетъ, ажъ до *валу*, що за *Перепетовымъ курганомъ*“. Курганы *Перепетовъ* и *Перепетовка* упоминаются и въ подложной копіи съ грамоты Андрея

---

[1]) Упомянемъ о слѣдахъ древности въ разсматриваемой мѣстности. На поляхъ села Лосятина, между дер. Соколовкой и Глушками, есть городище (по преданію—городъ Соколовъ), окруженное съ трехъ сторонъ рѣчкою Роткомъ и болотомъ, а съ четвертой—валомъ и рвомъ. Вблизи, съ западной стороны, на крутомъ берегу есть другое, меньшее земляное укрѣпленіе. Въ самомъ селѣ Михайловкѣ нѣтъ городища, но есть древнее квадратное городище у близь лежащаго села Мазепинецъ (считающагося родиной гетмана Мазепы), надъ р. Каменкой. Вдоль рѣчки Узина, при селеніи Блощинцахъ есть два древнія замчища, отстоящія одно отъ другаго на 2 версты. См. Обозрѣніе могилъ, валовъ и городищъ кіевской губ. *Ив. Фундуклея*. Кіевъ, 1848 г., а также у *Похилевича*.

[2]) Помѣщена въ книгѣ: Opis powiatu wasylkowskiego, *E. Rulikowskiego*. Warszawa. 1853. Не имѣя въ настоящее время подъ рукой этой книги, я долженъ былъ дѣлать выдержки изъ упомянутой грамоты по Похилевичу, который, къ сожалѣнію, нашелъ нужнымъ передать эту грамоту русскимъ шрифтомъ на томъ основаніи, что Руликовскій будто-бы «затемнилъ смыслъ ея въ нѣкоторыхъ мѣстахъ употребленіемъ для русской рѣчи латинскаго шрифта» (Похилевичъ, стр. 493).

Боголюбскаго кіево-печерскому монастырю. На военно-топографической картѣ близь истока Ротка, у дер. Марьяновки обозначенъ курганъ *Перепятиха,* а верстахъ въ 4 1/3 отъ него къ сѣверо-западу курганъ *Перепять*, вблизи безъименной рѣчки, у дер. Фастовца начинающейся. Это и суть лѣтописные *Перепетовы.* Въ лѣтописяхъ къ этому имени не прибавляется никакого существительнаго, слѣдовательно это самостоятельное общее имя какъ-бы четы (Перепета — Перепетихи) [1]. Что-же касается вала, „что за Перепетовымъ курганомъ", то остатки и слѣды его сохранились болѣе или менѣе и до настоящаго времени въ томъ валѣ, который тянется по южной части кіевскаго уѣзда отъ м. *Триполья* къ западу черезъ село Барахтянскую *Ольшанку,* мимо села *Кодакъ,* и проходитъ полями селъ *Парадовки,* Большой *Снетинки, Фастова* и *Пѣвней* (называется также и Пѣтухами) въ сквирскій уѣздъ къ селу *Бѣлкамъ* на правомъ берегу Ирпени [2]. Пространство, обнимаемое бассейнами рр. Ротка и Узина, извѣстно, по замѣчанію Похилевича, подъ названіемъ *Бѣлоцерковской степи* (=равнины). Въ географическо-статистическомъ словарѣ Семенова, въ статьѣ: „Васильковскій уѣздъ", эта мѣстность описывается такъ: „кряжи возвышенностей переходятъ изъ кіевскаго уѣзда въ васильковскій и оканчиваются недоходя до Ротка (горы въ селѣ Тростинкѣ). Около м. Бѣлой Церкви простирается обширная равнина по направленію къ Василькову, Фастову и Мировкѣ. Ширина ея отъ Мировки къ Фастову 40 верстъ, а длина отъ м. Бѣлой-Церкви до р. Стугны 80 верстъ" [3]. А я дѣлалъ измѣреніе по спеціальной картѣ, и у меня вышло отъ Мировки до Фастова 50 верстъ, а отъ Бѣлой-Церкви до Стугны у Василькова не болѣе 42 верстъ, и мнѣ казалось-бы болѣе естественнымъ длиною этой степи называть протяженіе ея отъ Фастова къ Мировкѣ, а шириною—отъ Бѣлой-Церкви къ Стугнѣ у Василькова.

---

[1]) Лавр., 316: у Перепетовыхъ (вар.: Перепетоты, Перепетовы), Ипат., 301: у Перепетовыхъ.

[2]) И. Фундуклея: Обозрѣніе..., стр. 30. Объ этомъ валѣ упоминается и у Похилевича въ разныхъ мѣстахъ его книги. См. также статью: «Земляной валъ въ васильковскомъ уѣздѣ» въ «Кіев. Губ. Вѣд.» 1847 г., № 34.

[3]) Географическо-статистическій словарь россійской имперіи *П. Семенова*, т. I—IV и V-го тома вып. 1-й, Спб. 1863—75.

Вотъ эта-то бѣлоцерковская степь и есть, конечно, лѣтописное Перепетово, или Перепетовское поле [1]), называвшееся такъ въ древности, конечно, по Перепетовымъ (Перепету и Перепетихѣ), на ней находившимся.

Теперь, послѣ предварительнаго описанія занимающей насъ мѣстности, перейдемъ къ разсмотрѣнію событій, которыя, по упоминаніямъ и разсказамъ лѣтописей, на ней совершались въ до-монгольскій періодъ.

1) Подъ 1150 г. (ипат. 279, лавр. 310) упоминается о *Перепетовомъ* (полѣ) и р. *Ольшаницѣ* по поводу похода Владимірка галицкаго противъ Изяслава Мстиславича къ Кіеву. Владимірко шелъ изъ *Галича*, перешелъ *Болохово*, шелъ *мимо Мунаревъ* (Немировъ?) къ *Володареву* (теперь м. Володарка сквир. у. на лѣвой сторонѣ Роси), затѣмъ—черезъ *Перепетово* къ верху р. *Ольшаницы* и здѣсь, у *Тумаща* [2]), онъ и одержалъ побѣду надъ Изяславомъ. Если проведемъ прямую линію отъ м. Володарки къ Кіеву, то она пересѣчетъ бѣлоцерковскую равнину и пройдетъ у верховья Тростинки. Владимірко шелъ, слѣдовательно, по той теперешней проселочной дорогѣ, которая, какъ это означено на военно-топографической картѣ, тянется отъ дер. *Салывонекъ*, расположенной на восточномъ берегу рутскаго озера, черезъ село Тростинку къ селу Погребамъ. Крутыя горы села Тростинки и суть, вѣроятно, тѣ горы, о которыхъ упомянулъ Владимірко: „быти Изяславу ту нѣгдѣ въ горахъ“ [3]).

---

[1]) Ипат. 278: черезъ Перепетово; Лавр. 340: на Перепетовскомъ поли (дважды); Ипат. 379: на Перепетовскомъ полѣ, 380: на Перепетовстемъ полѣ.

[2]) Село Барахты, васильковскаго уѣзда, въ которомъ есть кутокъ *Тимошівска?*

[3]) Есть мѣстечко *Ольшаница*, васильковскаго уѣзда, на лѣвой сторонѣ р. Гороховатки, притока Роси. Хотя имя этого мѣстечка и вполнѣ совпадаетъ съ именемъ лѣтописной р. Ольшаницы, тѣмъ не менѣе, какъ это замѣчаетъ и Л. Похилевичъ, событія, изложенныя въ лѣтописномъ разсказѣ подъ 1150 г., съ большею удобностію пріурочиваются къ селу Барахтянской Ольшанкѣ. Р. Ольшаница, по смыслу Ипатскаго разсказа, сейчасъ-же за Стугною (по отношенію къ Кіеву); въ Лавр. лѣтописи Ольшаница не упоминается и вовсе, и даже то, что по Ипатскому разсказу относится къ р. Ольшаницѣ (перестрѣлка черезъ рѣку), отнесено прямо къ Стугнѣ. Если предположить даже, что Ольшаницей въ лѣтописи названа

2) Подъ слѣдующимъ, 1151 годомъ въ лѣтописяхъ (Ипат. 301, Лавр. 316) встрѣчаемъ упоминаніе о *Перепетовыхъ*, *Бзяницѣ* (=Взяницѣ), *Рутѣ*, *Рутцѣ* и рутскомъ *озерѣ* по поводу отступленія Юрія Долгорукаго, испытавшаго неудачу подъ Кіевомъ, навстрѣчу Володимірку галицкому, котораго Юрій поджидалъ къ себѣ на помощь, и который, какъ это видно изъ лѣтописей, и на самомъ дѣлѣ двинулся къ нему на помощь, вѣроятно, по тому-же самому пути, по которому онъ шелъ къ Кіеву въ предъидущемъ году. Онъ дошелъ уже было до *Божьского* (вар.: *Вужьского*), но, узнавъ о пораженіи Юрія на Рутѣ, вернулся отъ Бужьскаго домой [1]). Изъ лѣтописнаго разсказа видно, что Юрій, отступивъ отъ Кіева, пошелъ къ Бѣлгороду, оттуда черезъ *боръ* [2]) къ *Верневу* (вар.: *Черневу*) [3]), оттуда перешелъ *валъ* и пошелъ мимо *Перепе-*

теперешняя рѣчка Гороховатка, на которой стоитъ м. Ольшаница, все-же верховье ея будетъ въ сторонѣ отъ прямого пути отъ Володарки къ Кіеву и будетъ не только за Стугною, но и за Красною.

[1]) Розысканія о положеніи *Болоховской земли*, *Божьскаго* и проч. см. въ сочиненіи: «Болоховская земля» и пр., рефер. *Н. Дашкевича* (Труды 3-го археолог. съѣзда, бывшаго въ Кіевѣ въ 1874 г., Кіевъ, 1878 г., т. 2-й и отдѣльно).

[2]) У Погодина (Изслѣдованія, замѣчанія и пр., т. IV, М. 1850 г.) замѣчено: «положеніе упомянутаго здѣсь *бора*, кажется, опредѣляется селомъ *Заборьемъ* къ югу отъ Бѣлгородки. Заборье, по свѣдѣніямъ Похилевича, село на лѣвой сторонѣ ручья, называемаго Святецъ, или Бобрица. Село окружено со всѣхъ сторонъ боромъ, только къ западу простираются песковатыя поля. Чрезъ село пролегаетъ значительная проселочная дорога въ село Плисецкое и Фастовъ.

[3]) *Черневъ* пріурочиваютъ обыкновенно къ селу *Черногородкѣ* васильковскаго уѣзда, расположенному на лѣвой сторонѣ Ирпени, выше впаденія въ Ирпень р. Унавы. Но едва-ли понадобилось Юрію доходить до Черногородки, т. е. переходить на лѣвую сторону Ирпени съ тѣмъ, чтобы опять переходить на правую его сторону и чтобы, затѣмъ, переходить р. Унаву. Къ востоку отъ Черногородки у истоковъ р. Плиськи (по военно-топографической картѣ, у Похилевича не упомянута), впад. въ Унаву, есть село Плисецкое (прежде—Песецкое, по объясненію Похилевича,—отъ песковъ его окружающихъ), въ которомъ есть замчиска съ земляными валами. Изъ нихъ одно, среди села, называется *Чернечьимъ*. Жители говорятъ, что на этомъ мѣстѣ былъ когда-то монастырь, отъ чего и замковище получило свое названіе. Къ сѣверу отъ Черногородки и Плисецкаго, на правой сторонѣ Ирпени, на военно-топографической картѣ обозначено урочище *Черничій лѣсъ*, которое, по Похилевичу, называется *Кладово*, и въ которомъ, по преда-

товыхъ къ *Вьзяницѣ*, „потому что тутъ надѣялся галицкаго князя къ себѣ“. О положеніи упоминаемыхъ здѣсь *вала, Перепетовыхъ* и *Вьзяницы* было уже упомянуто выше. Рѣчка Узка и Узинъ какъ разъ и подходятъ къ пути, по которому долженъ былъ идти Володимірко къ Кіеву. Кромѣ того, Юрій могъ желать расположиться на рр. Узкѣ или Узинѣ ради превосходныхъ пастбищъ по этимъ рѣчкамъ, такъ какъ все его войско, какъ объ этомъ говоритъ лѣтопись, состояло изъ конницы [1]). Село Узинъ, или Темберщина, по замѣчанію Похилевича, расположено среди обширныхъ тучныхъ степей, арендуемыхъ купцами подъ выпасъ скота. Между тѣмъ Юрія преслѣдовалъ Изяславъ Мстиславичъ съ союзниками, стараясь не допустить соединенія Юрія съ Владиміркомъ. Рать Изяслава съ Юріемъ на р. Рутѣ разсказана въ лѣтописяхъ съ мельчайшими подробностями относительно обстоятельствъ мѣста и времени, какъбы въ видѣ дневника, а потому и не будетъ лишено интереса для нашей цѣли послѣдовать за этимъ дневникомъ.

а) *Среда.* Изяславъ идетъ мимо Василева (теперь г. Васильковъ), къ востоку отъ него, переходитъ черезъ Стугну и, пришедши къ *валу,* останавливается на ночь.

б) *Ночь съ среды на четвергъ.* Когда Изяславъ остановился на ночь, Юрій въ это время былъ у *Перепетовыхъ* и, въ теченіе ночи, успѣлъ сдѣлать переходъ до р. *Узки* или *Узина*, не смотря на то, что его тревожила сторожа Изяславова.

в) *Четвергъ.* Изяславъ, перешедши валъ, вступилъ *на чистое поле* (=Перепетово поле), и здѣсь противники вели между собою переговоры до вечера. Вечеромъ Юрій перешелъ *за Рутъ* и тамъ остановился. Отъ р. Узки Юрій, по всей вѣроятности, перешелъ Рутъ между южною оконечностью рутскаго озера и устьемъ безъименной рѣчки, текущей въ Ротокъ отъ села Пологъ.

г) *Пятница.* Изяславъ пошелъ на Юрія, приперлись къ *озеру* оба войска, и раздѣлило ихъ озеро. Вечеромъ Юрій пошелъ за *шо-*

нію, находился въ глубокой древности монастырь. Положеніе села Плисецкаго и урочища Черничій лѣсъ гораздо болѣе, чѣмъ положеніе Черногородки, подходитъ къ обстоятельствамъ лѣтописнаго разсказа о движеніи Юрія на встрѣчу Володимірку въ 1151 году.

[1]) Ипат. 295: «ратніи наши вси на конехъ суть».

ломя (шоломъ, шлемъ, верхъ, гора); Изяславъ пошелъ за нимъ на *верхъ озера*; Юрій передъ нимъ (въ виду его, передъ его глазами) зашелъ *за Рутецъ* и, перешедши *грязину*, тутъ и остановился на ночь, Изяславъ остановился также на ночь противъ него, „якоже стрѣлы не доходяхуть“. Изъ этого видно, что утромъ полки Изяславовы были на восточной сторонѣ рутскаго озера, гдѣ теперь расположена деревня Салывоньки, а полки Юрія—на противоложной. Юрій перешелъ съ правой стороны Рутца (Чернявки) на лѣвую, какъ это видно изъ хода разсказа, между двумя озерами, бо́льшимъ и меньшимъ, о которыхъ было упомянуто нами въ предварительномъ описаніи. Изяславъ, преслѣдуя Юрія, перешелъ съ лѣвой стороны Рута на правую, пошелъ вверхъ по Рутцу и расположился на ночь на южной сторонѣ меньшаго озера, противъ Юрія, который расположился на сѣверной сторонѣ того-же озера. И такъ утромъ Юрій былъ на правой сторонѣ Рута, а Изяславъ на лѣвой, а вечеромъ, вслѣдствіе диверсіи Юрія, Юрій очутился на лѣвой сторонѣ Рутца, а Изяславъ на правой. Утромъ ихъ раздѣляло бо́льшее озеро, а вечеромъ—меньшее. Упоминаемое *шоломя*, конечно, та гора у села *Гребенокъ*, по западнымъ откосамъ которой проходитъ почтовая дорога изъ Василькова въ Бѣлую Церковь. Значеніе слова *Гребенки* (гребень горы) очень близко къ значенію слова *шоломя* (хлѣмя) [1]. Что касается, наконецъ, *грязины*, то это, какъ можно предполагать, заливъ меньшаго озера, вдающійся узкою продолговатою полосою въ материкъ въ сѣверномъ направленіи.

д) *Суббота* (въ ипат., по ошибкѣ, опять пятница). Юрій пошелъ *на верхъ Рутца* (вверхъ по лѣвой сторонѣ Чернявки къ теперешней Средней Слободѣ), отсюда поворотилъ полки *къ Рутцу* (отъ теперешняго села Средней Слободы къ селу Пенячукамъ), потому что хотѣлъ зайти за Рутъ и тутъ ожидать Володимірка. Увидѣвъ-же, что нельзя ему за Рутъ перейти, потому что противники наѣзжаютъ на задъ полковъ его и возы его отнимаютъ, „оборотяче полкы своими“, сталъ противъ Изяслава, былъ разбитъ и бѣжалъ

---

[1]) Ср. имя села *Гребени* (Гребенки уменьшит. отъ Гребени) кіевск. уѣзда, которое разбросано по *гребням* возвышеннаго берега Днѣпра, отъ чего, по замѣчанію Похилевича, и получило свое названіе.

черезъ Рутъ, въ которомъ погибло много дружины, потому что онъ былъ грязокъ. Очевидно, что Юрій потерпѣлъ пораженіе въ пространствѣ между теперешними Средней Слободою и Пеньчуками [1]). Такимъ образомъ, благодаря высоко-талантливому разсказу лѣтописца, всѣ перипетіи этой достопамятной рати воскресаютъ предъ нами съ поразительно отчетливыми подробностями обстоятельствъ времени и мѣста *(Рутъ, Рутецъ, верхъ Рутца, озеро, верхъ озера, грязина, шоломя)* [2]).

3) Подъ 1159 г. въ лѣтописи (Ипат. 342) встрѣчаемъ извѣстіе о томъ, что Изяславъ Давыдовичъ изъ Кіева шелъ въ Галичь на *Васильевъ*, дошелъ до *Мунарева*, потомъ воротился и былъ опять у Васильева. Очевидно, что рѣчь здѣсь идетъ о томъ-же пути, по которому шелъ Владимірко изъ Галича въ Кіевъ въ 1150 г. и по которому началъ идти и въ 1151 г. на помощь Юрію.

Очевидно, что Изяславъ шелъ отъ Васильева къ Мунареву и обратно не иначе, какъ черезъ Перепетовское поле.

4) Подъ тѣмъ-же годомъ встрѣчаемъ извѣстіе (Ипат. 344) о томъ, что половцы бѣжали отъ *Бѣлгорода* на *Гюргевъ* „и много ихъ изоймаша Берендичи и Гюргевци, а оно ихъ во *Рси* истопе“. Хотя положеніе *Гюргева* и доселѣ остается не выясненнымъ, но, тѣмъ не менѣе, изъ лѣтописныхъ упоминаній о немъ, кажется, несомнѣнно, что онъ находился гдѣ-то недалеко отъ Рута и Роси. Очевидно, слѣдовательно, что половцы бѣжали отъ Бѣлгорода къ Роси не иначе, какъ черезъ Перепетовское поле.

---

[1]) Приведемъ данныя для точнаго, по возможности, представленія пространственныхъ отношеній между мѣстностями, упоминаемыми въ лѣтописномъ разсказѣ о рати Изяслава съ Юріемъ. Отъ села Плисецкаго (Черневъ), по прямому направленію, до дер. Марьяновки—17 верстъ; отъ дер. Марьяновки до села Узина—29; отъ г. Василькова до дер. Марьяновки—16 верстъ; отъ села Узина до рутскаго озера—19 верстъ; отъ этого озера до села Средней Слободы—8 верстъ; отъ Средней Слободы до Пеньчуковъ—7 верстъ.

[2]) Встрѣчалъ я, какъ мнѣ помнится, гдѣ-то когда-то біографическое указаніе на какую-то, чуть-ли не журнальную, статью подъ заглавіемъ: «Битва на р. Рутѣ»; но теперь, за неимѣніемъ подъ рукою всѣхъ библіографическихъ указателей по русской исторіи (Ламбинныхъ съ 1855—63 г. и Межова за 1865—76 г. включит.) лишенъ возможности навести надлежащую справку.

5) Подъ 1162 г. въ лѣтописи (Ипат. 356) упоминается о р. *Ротѣ* по поводу половецкаго набѣга. „Придоша половци къ Гюргеву и взяша вежи многи по *Роту* и пр. Черный-же Клобукъ ѣхаша по нихъ и постигоша я на *Рси* (вар.: Рши)“ и пр. Это извѣстіе съ совершенною ясностью указываетъ намъ на то, что по Ротку, слѣдовательно и вообще на такъ называемой бѣлоцерковской равнинѣ, славящейся и теперь своими пастбищами, во 2-й половинѣ XII-го в. кочевали черные клобуки съ ихъ вежами [1]).

6) Подъ 1172 г. въ лѣтописи (Ипат. 376) мы встрѣчаемъ упоминаніе о городѣ *Михайловѣ*, въ которомъ княжилъ Василько Ярополчичъ по поводу нападенія этого князя на половцевъ. Половцы *за Васильевомъ* со своими вежами у сѣдельниковъ (черныхъ клобуковъ) поджидали своихъ соплеменниковъ, которые, въ качествѣ союзнаго войска, пошли изъ Кіева къ Галичу и должны были воротиться отъ *Борохова* (вар. *Болохова*). Очевидно, что здѣсь рѣчь идетъ объ извѣстномъ уже намъ пути изъ Галича въ Кіевъ, слѣд. несомнѣнно, что эта мѣстность за Васильевомъ не что иное, какъ Перепетовское поле [2]). На этихъ то половцевъ, остановившихся за Васильевомъ, напалъ Василько Ярополчичъ изъ своего города *Михайлова*. Онъ выѣхалъ изъ города ночью, проплуталъ всю ночь, при восходѣ солнца ударилъ на половцевъ, былъ разбитъ и едва убѣжалъ до города. Очевидно изъ этого разсказа, что городъ Михайловъ былъ въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ Перепетовскимъ по-

---

[1]) Очень можетъ быть, что и въ именахъ рѣчки *Чернявки* (Рутець) и хутора *Черныхивки*, значащагося на военно-топографической картѣ къ востоку отъ рутскаго озера, верстахъ въ $4^1/_2$ отъ него, если только это не какія-либо позднѣйшія и не случайныя имена, сохранилось воспоминаніе объ этихъ кочевникахъ, отличавшихся чернымъ цвѣтомъ своихъ клобуковъ (шапокъ, колпаковъ).

[2]) Г. Н. Дашкевичъ (Болоховская земля, прим. 23) готовъ отличать *Болохово*, о которомъ упоминается подъ 1150 г., отъ *Борохова* (вар.: Болохова), о которомъ упоминается подъ 1172 годомъ. Второе Борохово (Болохово) онъ пріурочиваетъ къ *Борушковцамъ* новоградволынскаго у. на лѣвой сторонѣ р. Деревички, впадающей съ лѣвой стороны въ Случь. Но, въ такомъ случаѣ, чего ради половцамъ пришлось ожидать своихъ соплеменниковъ, которые возвращались отъ Болохова, *за Васильевомъ* (по отношенію къ Кіеву)? Къ *Борушковцамъ* изъ Кіева слѣдовало-бы ѣхать не васильевскимъ, а бѣлогородскимъ путемъ. Очевидно, слѣд., что Болохово 1150 и Борохово (Болохово) 1172 года тождественны.

лемъ. Карамзинъ (III, стр. 8) поясняетъ: „Михайловъ—близь Кіева“. По моимъ соображеніямъ, какъ это было уже упомянуто въ предварительномъ описаніи, этотъ городъ пріурочивается къ теперешнему селу Михайловкѣ, васильковскаго уѣзда, при впаденіи р. Холопа въ Субодъ. Отъ этой Михайловки до верховья Ротка 22 версты, до средняго теченія еще меньше [1]).

7) Подъ тѣмъ-же 1172 г. въ ипат. лѣтописи мы встрѣчаемъ еще разъ упоминаніе о городѣ *Михайловѣ*. Глѣбъ Юрьевичъ отомстилъ Василько за его нападеніе на его союзниковъ, „городъ его пожгоша, греблю роскопаша“. Глѣбъ ходилъ къ Михайлову изъ Кіева, слѣдовательно не иначе, какъ черезъ Перепетовское поле [2]).

8) По ипат. лѣтописи (379) подъ 1172, а по лавр. (339) подъ 1169 г. мы встрѣчаемъ упоминаніе о *Перепетовскомъ полѣ* и о какой-то загадочной *лукѣ моря* по поводу половецкаго набѣга. Глѣбъ Юрьевичъ шелъ изъ Кіева въ Корсунь на степъ къ половцамъ и

---

[1]) Кстати замѣтить, что къ югу отъ теченія безъименнаго ручья, текущаго отъ села Пологъ въ Ротокъ, на военно-топографической картѣ обозначено урочище подъ названіемъ: «*Васильковъ гонъ*» (у Похилевича не упомянуто), поразительнымъ образомъ напоминающимъ имя *Василька* Ярополчича. Къ Михайлову, какъ городу Василька Ярополчича, легко пріурочивается и извѣстіе подъ 1165 г. (Ипат. 359) объ избіеніи этимъ княземъ половцевъ *на Роси*.

[2]) Погодинъ (Изслѣдованія и пр., IV), перечисляя почти всѣ Михайловки кіев. губ., какъ разъ просмотрѣлъ Михайловку, наиболѣе подходящую къ лѣтописному Михайлову. Онъ указываетъ: 1) на село Михайловку черкасскаго уѣзда, ниже Канева, на правой сторонѣ Роси; 2) на село Михайловку каневскаго у., на Роси, между Богуславомъ и Таращею; 3) на село Михайловку сквир. уѣзда, при которой надъ Росью есть замковище. Но отъ первой Михайловки до рутскаго озера 93 версты, слѣд., далеко, въ теченіи ночи не доѣдешь. Второе село, указываемое Погодинымъ, называется не *Михайловкой*, а *Мисайловкой*, и отъ него до рутскага озера 57 верстъ. Третья Михайловка, указываемая Погодинымъ, не село, а деревня, въ которой дѣйствительно примѣтно древнее квадратное замковище, но дѣло-то въ томъ, что деревня эта названа по имени помѣщика Михаила Глембоцкаго, основавшаго ее въ 1750 году. Итакъ первое населенное мѣсто не подходитъ къ лѣтописному городу Михайлову по своему топографическому положенію, второе—и по названію, и по топографическому положенію, третье получило имя Михайловки въ позднѣйшее время. Чтобы покончить съ Михайловками, замѣчу, что въ кіев. губ. существуетъ еще одна Михайловка (часть села Рубежовки) въ кіев. у., на лѣвой сторонѣ ручья Мыслины, впад. съ лѣвой стороны въ р. Бучу, лѣвый притокъ Ирпени. Но отъ этой Михайловки до ближайшаго пункта теченія Роси 75 верстъ, до Василькова 39 верстъ.

былъ *на Перепетовскомъ полѣ*. Вѣроятно, онъ шелъ по той-же дорогѣ, по которой ходилъ Изяславъ противъ Владимірка въ 1150 г. и противъ Юрія въ 1151 году. Узнавши здѣсь, что корсунскіе половцы, не дождавшись его, пошли *за Кіевъ* воевать, Глѣбъ послалъ своего брата Михалка преслѣдовать ихъ. Идучи вслѣдъ за половцами, Михалко встрѣтилъ передовую партію половцевъ, возвращавшихся уже съ набѣга; произошла битва, и половцы были побѣждены. Затѣмъ Михалко отправился дальше и ожидалъ возвращенія главныхъ силъ половецкихъ; дождался, произошла вторая битва, въ которой былъ раненъ Михалко, и въ которой половцы потерпѣли опять пораженіе. Вслѣдъ за упоминаніемъ о томъ, что Михалка ударили половцы двумя копьями въ стегно, а третьимъ въ руку, изложеніе ипат. лѣтописи (по печатной ея редакціи) нѣсколько отличается отъ изложенія лаврентьевской. Въ ипат. читаемъ: „но Богъ молитвою отца его избави его отъ смерти. Якоже прежде *въ лукѣ моря*, бьяхуся съ ними (половцами) крѣпко“ и пр. А въ лѣтописи лавр. читаемъ: „но Богъ отца его молитвою избави его отъ смерти, якоже (и прежде) *въ лукѣ моря*. И якоже бьяхуться крѣпко“ и пр. И такъ по ипат. списку, битва съ половцами, о которой разсказывается, сравнивается, по отношенію къ ея жестокости, съ битвою съ ними у луки моря, а по лавр. избавленіе Михалка отъ смерти въ битвѣ, о которой разсказывается, сравнивается съ избавленіемъ его отъ смерти въ битвѣ у луки моря. Такимъ образомъ тутъ упоминаются двѣ битвы. Половцы, по всей вѣроятности, дѣлали набѣгъ вверхъ по Ротку и внизъ по теченію Ирпени. Михалко отправился за ними въ погоню съ Перепетовскаго поля, но съ какого именно пункта поля, не сказано; по всей вѣроятности приблизительно отъ верховья Ольшаницы. Историки понимаютъ, въ этомъ лѣтописномъ разсказѣ, подъ *моремъ* настоящее море, море въ теперешнемъ значеніи этого слова, и подъ *лукоморьемъ* подразумѣваютъ здѣсь какой нибудь заливъ Азовскаго или Чернаго моря [1]). Карамзинъ (III, прим. 2), слѣдуя чтенію лавр.

---

[1]) *Лука*—заливъ. Прол. XV в. мая 19: Иляше въ слѣдъ его до лоукъ морьскихъ (Словарь Востокова), лавр. 478: Загна по Дону и въ луку моря.—Авт.

Позволяемъ себѣ замѣтить, что въ живомъ употребленіи слово *лука* не примѣняется къ водѣ, но только къ сушѣ и означаетъ низменное, прибрежное мѣсто,

списка, выражаетъ мысль, что здѣсь заключается косвенное (въ видѣ сравненія) упоминаніе о походѣ князей на половцевъ въ 1170 г. (Ипат. 368), въ которомъ дѣйствительно участвовалъ тотъ-же Михалко Юрьевичъ. Но дѣло то въ томъ, что въ 1170 году князья не доходили ни до береговъ Азовскаго, ни до береговъ Чернаго моря. Въ моемъ изслѣдованіи текста Пѣсни Игорю Святославичу я выяснилъ, что *вода,* къ которой были притиснуты русичи по лавр. лѣтописи (стр. 378), и *езеро,* вокругъ котораго они бились, или *море,* въ которомъ они были потоплены, по лѣтописи ипатской (стр. 433 и 434),—одно и тоже. Г. Потебня, въ запискахъ по русской грамматикѣ (II, 245), замѣчаетъ, что *море* въ ипатскомъ разсказѣ о походѣ Игоря значитъ озеро. Море въ смыслѣ озера и воды вообще встрѣчается не рѣдко и теперь въ народномъ пѣсенномъ языкѣ, напр.:

„Тільки найшла *у полі* синенькее *море*“.

(Чубинскій, V, 552).

Итакъ, въ старинномъ языкѣ слово *море* имѣло болѣе обширное значѣніе, чѣмъ теперь: оно прилагалось и къ морю, и къ озеру. Понятное дѣло, что если озеро называлось моремъ, то заливъ озера могъ называться *лукою* моря, а изъ этого слѣдуетъ, что подъ *лукою моря* въ занимающемъ насъ лѣтописномъ разсказѣ о битвахъ Михалка съ половцами вовсе нѣтъ никакой надобности подразумѣвать какой нибудь заливъ Азовскаго или Чернаго моря. Это море съ его заливомъ слѣдуетъ искать въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ происходили эти битвы. Первая битва происходила, вѣроятно, у того-же самаго излучистаго рутскаго озера, о которомъ упоминается въ разсказѣ о рати Изяслава съ Юріемъ въ 1151 году. Итакъ смыслъ приведеннаго лѣтописнаго разсказа такой: но Богъ отца его молитвою избави его (и на этотъ разъ, и въ этой второй битвѣ) отъ смерти, коже и преже въ луцѣ моря (какъ и въ прежней, первой битвѣ, происходившей у залива озера). Очевидно, что редакція лаврентіев-

---

покрытое травою и удобное для пастьбы. Въ такомъ смыслѣ это слово встрѣчаемъ и въ польскомъ языкѣ: лука, *łąka*—отъ *лучить·ся*, *łączyć się*, направлять-ся, соединяться, прилегать.—Ред.

скаго списка исправнѣе редакціи ипатскаго списка. Итакъ, первая битва Михалка съ половцами была у рутскаго озера, а вторая гдѣ-нибудь выше по Ротку.

Вотъ и всѣ лѣтописныя упоминанія о событіяхъ, совершавшихся на Перепетовскомъ полѣ въ домонгольскій періодъ [1]).

Теперь подведемъ итоги тѣмъ топографическимъ даннымъ и основаннымъ на нихъ соображеніямъ и выводамъ, которые служатъ къ разрѣшенію топографическихъ проблеммъ, обозначенныхъ нами въ началѣ статьи.

1) Лѣтописная *Бъзяница* (=Възяница)—теперешняя р. *Узка* (Узянка) или теперешняя р. *Узинъ*, доказательствами чему служатъ: а) полное фонетическое соотвѣтствіе стариннаго имени Възяница и теперешнихъ: Узянъ, Узинъ, Узень, Узка, Гузино; б) полное соотвѣтствіе топографическаго положенія этихъ рѣчекъ всѣмъ обстоятельствамъ лѣтописнаго разсказа о рати Юрія Долгорукаго съ Изяславомъ Мстиславичемъ въ 1151 году.

2) *Море,* о которомъ упоминается въ лѣтописномъ разсказѣ о рати Михалка Юрьевича съ половцами въ 1172 году, тождественно съ *озеромъ,* о которомъ упоминается въ лѣтописномъ разсказѣ о

---

[1]) Упоминанія, касающіяся мѣстности древняго Перепетовскаго поля, встрѣчаются въ письменныхъ памятникахъ и послѣ монгольскаго періода:

1) По свидѣтельству Стрыйковскаго, которое, впрочемъ, Карамзинъ считаетъ сомнительнымъ, въ 1311 году Юрій, князь слуцкій, съ Андреемъ Немировичемъ на урочищѣ *Ротку* поразили на голову татаръ, потерявшихъ здѣсь 8000 убитыми.

2) Курганъ *Перепетовъ* и *Перепетовка* и *Ротокъ*—болото упоминаются въ подложной копіи, составленной въ 1592 году будто-бы съ подлиннаго списка грамоты Андрея Боголюбскаго кіево-печерскому монастырю, хранившагося въ патріаршемъ архивѣ въ Константинополѣ. Подложность упомянутой копіи доказана преосв. Макаріемъ (Исторія церкви, т. III, по 2 изд. 1868 г., стр. 41).

Наконецъ, 3) о *Перепетовомъ курганѣ*, *Роткѣ* и *Узянѣ* упоминается, какъ мы видѣли, въ привиллегіи, данной Сигизмундомъ III жителямъ Бѣлой Церкви въ 1597 году. По этой привиллегіи вся эта равнина «ажъ до валу, що за Перепетовымъ курганомъ» предоставлялась въ пользованіе жителямъ *Бѣлой Церкви*, вслѣдствіе чего, вѣроятно, равнина эта и доселѣ слыветъ подъ названіемъ «*Бѣлоцерковской степи*».

рати Юрія съ Изяславомъ въ 1151 году, доказательствами чему служатъ: а) полное соотвѣтствіе топографическаго положенія этого озера съ обстоятельствами лѣтописныхъ разсказовъ объ упомянутыхъ ратяхъ; б) употребленіе слова *море* въ значеніи *озера* въ другихъ мѣстахъ лѣтописи, напримѣръ, въ ипатскомъ разсказѣ о походѣ Игоря, и въ теперешнемъ народномъ пѣсенномъ языкѣ; в) то обстоятельство, что пониманіе подъ *лукою моря* какого нибудь залива Азовскаго или Чернаго моря въ упомянутомъ разсказѣ о рати Михалка Юрьевича съ половцами въ 1172 году ни на чемъ не можетъ быть основано.

3) Лѣтописному городу *Михайлову* соотвѣтствуетъ теперешнее село *Михайловка* вас. у. на р. Холопѣ, при впаденіи ея въ Субодъ, доказательствами чему служатъ: а) полное соотвѣтствіе лѣтописнаго имени этого города съ именемъ упомянутаго села; б) полное соотвѣтствіе топографическаго положенія теперешней Михайловки обстоятельствамъ лѣтописнаго извѣстія о нападеніи Василька Ярополчича на половцевъ въ 1168 году; в) несоотвѣтствіе всѣхъ другихъ населенныхъ мѣстъ кіев. губ. съ подобнымъ именемъ обстоятельствамъ упомянутаго разсказа; г) существованіе между Михайловкой и Роткомъ урочища *Васильковъ гонъ*, напоминающаго своимъ именемъ имя Василька Ярополчича [1]).

4) Лѣтописные *Рутъ* (по польски Рутекъ) и *Ротъ* (теперь Ротокъ, Протока) тождественны, доказательствами чему служатъ: а) полное соотвѣтствіе этихъ именъ въ фонетическомъ отношеніи (ср. въ лѣтописи: *Рось* и *Русь*, *Торки* и *Турки* и т. д.) [2]); б) полное соотвѣтствіе, по отношенію къ обстоятельствамъ мѣста, лѣто-

---

[1]) Противъ пріуроченія Михайлова къ Михайловкѣ васильк. у. можетъ быть приведено то обстоятельство, что въ этой Михайловкѣ нѣтъ остатковъ и слѣдовъ земляныхъ укрѣпленій (городища); но если ихъ дѣйствительно нѣтъ въ самой Михайловкѣ, въ такомъ случаѣ лѣтописный городъ Михайловъ долженъ быть пріуроченъ къ ближайшимъ къ этой Михайловкѣ, сосѣднимъ съ нею мѣстностямъ съ остатками такихъ укрѣпленій, какъ, напримѣръ, какъ объ этомъ было упомянуто, къ селу Мазепинцамъ на лѣвой сторонѣ Каменки.

[2]) *Ротъ*: 1) ротъ. Апост. XIV в. Тим. V, 18: не завяжеши рта волу врьхушю (вола молотяща не обротиши), 2) вершина, маковка. Амарт. XVI в.: сущи искрь на ртѣ града, 3) Prol: ртъ кораблю (Словарь Востокова).

писнаго извѣстія, въ которомъ упоминается *Ротъ*, съ лѣтописнымъ извѣстіемъ, въ которомъ упоминается *Рутъ*.

5) Лѣтописному *Рутцу* соотвѣтствуетъ теперешняя рѣчка *Чернявка*, текущая отъ села Средней Слободы и впадающая въ Ротокъ, доказательствомъ чему служитъ полное соотвѣтствіе топографическаго положенія ея всѣмъ обстоятельствамъ лѣтописнаго разсказа о рати Юрія съ Изяславомъ Мстиславичемъ въ 1151 году.

6) Лѣтописной рѣчкѣ *Ольшаницѣ* соотвѣтствуетъ теперешняя рѣчка *Тростинка*, или *Раковка*, доказательствами чему служатъ: а) то, что на ней, по обѣимъ ея сторонамъ, расположены два села *Ольшанки*; б) то, что первый ея притокъ и теперь называется *Ольшанкой*; в) полное соотвѣтствіе старинной уменьшительной формы: *Ольшан-ица* съ теперешней: *Ольшан-ка* (ср. Камен-ица и Камен-ка); г) полное соотвѣтствіе топографическаго положенія р. Тростинки всѣмъ обстоятельствамъ лѣтописнаго разсказа о рати Владимірка галицкаго съ Изяславомъ Мстиславичемъ въ 1150 году; д) несоотвѣтствіе м. *Ольшаницы*, существующаго на р. Гороховаткѣ, тому пути, по которому шелъ Владимірко изъ Галича въ Кіевъ.

7) *Перепетово*, или *Перепетовское поле*—это такъ называемая теперь бѣлоцерковская степь, или равнина, простирающаяся отъ м. Бѣлой Церкви къ Стугнѣ и отъ м. Фастова къ селу Мировкѣ, доказательствомъ чему служитъ полное соотвѣтствіе топографическаго положенія этой равнины всѣмъ обстоятельствамъ лѣтописнаго разсказа о походѣ Владимірка къ Кіеву въ 1150 году, о преслѣдованіи Изяславомъ Юрія въ 1151 году, наконецъ, о преслѣдованіи Михалкомъ Юрьевичемъ половцевъ въ 1172 году.

На древнемъ Перепетовскомъ полѣ, какъ это можно видѣть изъ представленнаго нами обзора событій на этомъ полѣ совершавшихся, не мало было въ разное время пролито крови, и русской, и не русской. У рутскаго озера, или *моря*, которое можно считать центральнымъ пунктомъ всей этой равнины, происходили кровопролитныя битвы Юрія съ Изяславомъ въ 1151 году и такія же битвы Михалка Юрьевича съ половцами въ 1172 году. Кромѣ того, на самомъ полѣ или у окраинъ его происходила битва Владимірка съ Изяславомъ въ 1150 году, битва Василька Ярополчича съ половцами въ 1172 году, пораженіе половцевъ берендичами и

юрьевцами въ 1159 году, пораженіе половцевъ черными клобуками въ 1162 году и проч.

Очевидно, слѣдовательно, что Перепетовское поле принадлежитъ къ числу тѣхъ полей, типическій образъ которыхъ воспроизводится иногда въ народныхъ пѣсняхъ, въ родѣ:

Ой чого ты почорніло, зеленее поле?
Якъ-же мені не чорніти,
Що я кровью обкипіло...

Въ заключеніе моей статьи скажу нѣсколько словъ о народномъ поэтическомъ преданіи, пріуроченномъ къ Перепетовскимъ курганамъ, давшимъ въ древности имя цѣлой равнинѣ, въ сѣверозападномъ углу которой они находятся, подобно тому, какъ въ позднѣйшее время дало ей имя знатное мѣстечко Бѣлая Церковь, на южной ея окраинѣ возникшее. Сущность этого преданія состоитъ въ томъ, что подъ упомянутыми курганами похоронены князь Перепетъ и жена его Перепетиха, убившая нечаянно своего мужа, а потомъ, отъ горя, и самую себя. Въ видахъ разъясненія смысла этого преданія слѣдуетъ, какъ мнѣ кажется, обратить вниманіе на топографическое положеніе этихъ кургановъ. Курганъ *Перепетиха* находится, какъ было сказано, очень близко (меньше версты) отъ истоковъ Ротка, а *Перепетъ*, на разстояніи 4½ верстъ къ сѣверозападу отъ Перепетихи, недалеко отъ истока безъименной рѣчки, впадающей въ Унаву, притокъ Ирпени. Это положеніе древнихъ могильныхъ кургановъ, въ которыхъ были погребены какіе-то доисторическіе знатные люди [1]), у истоковъ рѣчекъ, текущихъ въ противоположныхъ направленіяхъ, а также, можетъ быть, и кровопролитныя битвы, въ мѣстности этихъ кургановъ происходившія, и могли подать поводъ народной фантазіи пріурочить къ этимъ курганамъ довольно распространенное и повторявшееся на разные лады миѳическо-поэтическое преданіе о происхожденіи рѣкъ отъ крови древнихъ богатырей. Таково, напр., содержаніе общеизвѣст-

[1]) Въ 1845 году Перепетиха была раскопана профессоромъ кіевскаго университета Иванишевымъ. Объ этой раскопкѣ см. «Древности, изданныя временною коммисіею для разбора древнихъ актовъ», Кіевъ, 1846 г.

ной былины о Дунаѣ-богатырѣ и Настасьѣ Королевичнѣ. Дунай нечаянно убилъ свою жену Настасью и потомъ, отъ горя, и самого себя:

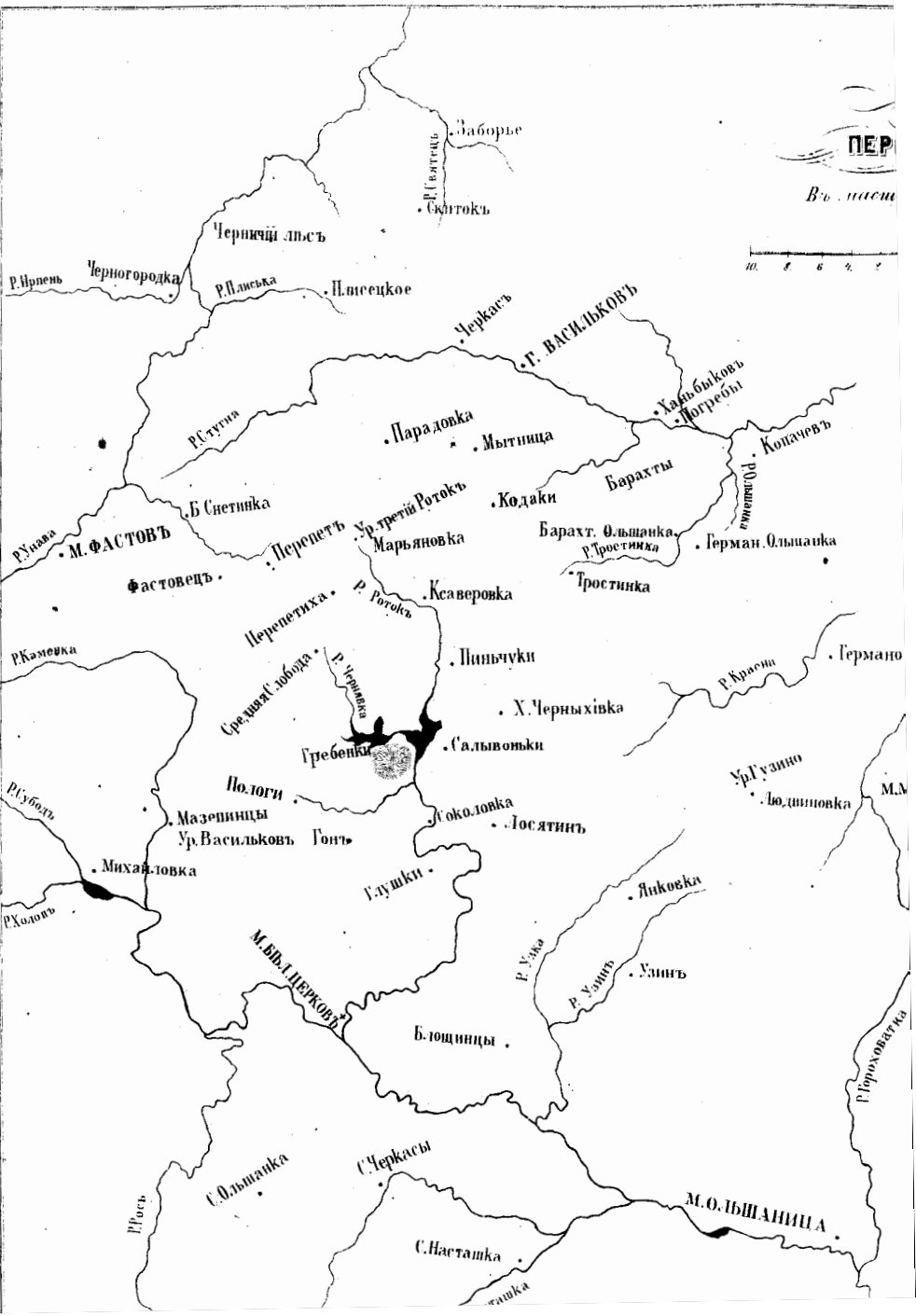
„Гдѣ пала Дунаева головушка,
Протекла рѣка Дунай-рѣка,
А гдѣ пала Настасьина головушка,
Протекла Настасья рѣка...
Изъ-подъ этого съ подъ мѣстечка
Протекли двѣ рѣченьки быстрыихъ
И на двѣ струечки они расходилися [1]).

М. Андріевскій.

27 іюля 1882 года.

---

[1]) Аѳанасьевъ, «Поэтическія воззрѣнія» II, 223. *Дунай*, какъ извѣстно, первоначально—нарицат. имя рѣчки. Что касается *Настасьи*, то это имя придается нерѣдко разнымъ сказочнымъ красавицамъ. См. «Малорусскія народныя преданія», Кіевъ, 1876 г.: Настіна могила, стр. 224, Настасья Прекрасная, стр. 299, Кстати замѣтить, что въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ мѣстностью, служившей предметомъ нашей статьи, есть рѣчка *Насташка* (впадаетъ въ Рось съ правой стороны верстахъ въ девяти ниже устья Узина) и на ней село *Насташка*. По преданію, и рѣчка, и село получили свое имя отъ первой сельской красавицы Насташки, утонувшей въ рѣчкѣ (см. у Похилевича).


Заборье
Р.Святець
Скитокъ
Черничій лѣсъ
Р.Ирпень
Черногородка
Р.Плиська
Плисецкое
Черкасъ
Г. ВАСИЛЬКОВЪ
Р.Стугна
Парадовка
Мытница
Хабыбыковъ
Погребы
Копачевъ
Р.Ольшанка
Барахты
Б.Снетинка
Ур.третій Ротокъ
Кодаки
Р.Унава
М.ФАСТОВЪ
Перецетъ
Марьяновка
Барахт. Ольшанка
Р.Тростинка
Герман.Ольшанка
Фастовецъ
Тростинка
Черепетиха
Р. Ротокъ
Ксаверовка
Р.Камянка
Средняя Слобода
Р. Черняйка
Пиньчуки
Германо
Р.Красна
Х.Черныхівка
Гребенки
Салывоньки
Ур.Гузино
Р.Суботь
Пологи
Люшиновка
Мазепинцы
Ур.Васильковъ
Гонъ
Соколовка
Іосятинъ
Михайловка
Р.Холонь
Глушки
Яниовка
Р. Узка
Р. Узинъ
Узинъ
М.БИЛЦЕРКОВЪ
Блощинцы
Р.Горюховатка
С.Ольшанка
С.Черкасы
Р.Рось
М.ОЛЬШАНИЦА
С.Насташка

Украинская деревня второй четверти нынѣшняго столѣтія

по воспоминаніямъ дѣтства.

Родился я въ 1831 году, въ одной изъ юго-западныхъ губерній, въ деревнѣ, гдѣ отецъ мой двадцать шесть лѣтъ былъ священникомъ. Ровно половину моей доселѣшней жизни, т. е. до окончанія образованія, я связанъ былъ съ деревней. Съ семи и до 25 лѣтъ я учился въ школахъ, проживая три четверти года въ городѣ, но чувствовалъ, что всею душею я жилъ въ деревнѣ, у роднаго очага. Проходилъ я, какъ и мои товарищи, столько наукъ „божескихъ и человѣческихъ“ (какъ тогда выражались—rerum divinarum humanarumque scientia), что нынѣшнее поколѣніе въ ужасъ пришло бы при взглядѣ на одинъ списокъ ихъ, и учился прилежно, но казалось только для того, чтобы развлечься, чтобы заморить въ себѣ тоску и томленіе по родной хатѣ, по роднымъ мѣстамъ и лицамъ. Сколько заботъ прилагали о нашемъ воспитаніи наши школьные начальники и наставники! Какая огромная куча правилъ, наставленій, требованій, совѣтовъ, приказаній сопровождала каждый нашъ шагъ, каждое душевное движеніе! На все въ этой кучѣ было руководство: думай, чувствуй, дѣлай, какъ по писаному. Сколько было у насъ искренне преданныхъ дѣлу, самоотверженныхъ и добрыхъ воспитателей и пѣстуновъ! Вотъ хотя бы этотъ старикъ—инспекторъ бурсы, который, бывало, прикажетъ тебя пороть, топаетъ ногами, приговариваетъ: „вѣдь я порю тебя по любви къ тебѣ... мнѣ больно, а не тебѣ... хочу сдѣлать тебя человѣкомъ (гуманизмъ какой!)... вотъ попищи еще... еще... лучше будешь... довольно... больно? плачешь?“... а у самаго тоже слезы на глазахъ! Или этотъ смотритель бурсы, архимандритъ, благая и

кроткая душа, который, отправляя на сѣкуцію, предварительно перекреститъ тебя нѣсколько разъ, да такъ любовно приговариваетъ: „Богъ тебѣ да поможетъ понести наказаніе... Прими его, какъ отъ самаго Бога... Многими скорбми подобаетъ намъ внити въ царствіе небесное“...: а послѣ сѣкуціи такъ утѣшаетъ и ободряетъ не падать духомъ, но *возгрѣвать въ себѣ духа*“... Но—простите меня, добрые мои школьные пѣстуны (умалчиваю о жестокихъ, безчеловѣчныхъ), которыхъ я не мало имѣлъ въ трехъ бурсахъ, переходя изъ одной въ другую, до пятнадцатилѣтняго возраста; мнѣ противны были ваши любовныя заботы, а съ ними и всѣ ваши требованія и внушенія; душа моя всѣми порывами юнаго воображенія и чувства рвалась къ первымъ пѣстунамъ и учителямъ моего дѣтства, къ той завѣтной средѣ, которая вскормила и выростила меня. Отсиживаешь бывало въ городѣ свой срокъ точно въ тюрьмѣ, въ оковахъ, рвется душа въ деревню точно на волю, точно тамъ все найлучшее въ свѣтѣ. И такъ до самаго окончанія образованія, до полной возмужалости, когда служба насильно прикрѣпила меня къ городу! Добро бы еще тогдашняя украинская деревня въ самомъ дѣлѣ была привольемъ, а то—деревня тяжко-рабская, закрѣпощенная полякамъ и жидамъ, забитая, пьяная, голая и босая! Въ домѣ убожество: большею частію проживаешь одними моченными сухарями; отецъ трудится до изнуренія и насъ гонитъ въ поле на работу... Кругомъ народъ все изможденный,—въ будень пасмурный, *понурый*,—въ праздникъ пьяный; хаты на курьихъ ножкахъ, вокругъ большею частію ни кола, ни двора; товарищи дѣтства—ребятишки голодные, какъ собачата; въ воздухѣ вѣчно пахнетъ панскимъ *нагаемъ*, жидовскимъ *патынкомъ* и распаренными розгами *становаго*,—такъ и звенитъ постоянно въ ушахъ: „psia wiara! psia krew!“, „ну, ты, музыкъ, швиня, Гав-рило“... Да, мрачная, гнетущая была сфера! А между тѣмъ гдѣ-то, въ незримыхъ для пана—жида—становаго слояхъ этой сферы крылось самое нѣжное, здоровое и животворное дыханіе жизни, которое бывало чувствуешь на себѣ на каждомъ шагу и которое разъ испытаешь—никогда не забудешь!

Бывало—одно приближеніе срока отъѣзда „домой“ измѣняло весь нашъ обыденный, скучный и сонный настрой. Съ каждымъ днемъ тогда мы точно просыпались отъ долгой спячки, выростали, становились богатырями, „отчаянными“. Само начальство начинало

обходиться съ нами осторожнѣе. „За мной пріѣхали“, оретъ счастливецъ, врываясь въ комнату, точно вихорь, и всѣ радостно улыбаются ему. Что за подавляющая тоска у тѣхъ, у кого не осталось въ деревнѣ ни родныхъ, ни присныхъ, осталось только одно необоримое влеченіе къ родной сферѣ! Но они знаютъ, что товарищи разберутъ ихъ по „своимъ домамъ“. Сироты убогіе, что въ первый разъ, въ 7—8 лѣтъ, за 200—300 верстъ приведены были пѣшкомъ въ бурсу своими матерями, оплаканные ими по дорогѣ съ ногъ до головы, залитые тѣмъ особеннымъ чувствомъ, которое дышало въ цѣломъ существѣ тогдашней убогой вдовицы, эти сироты—„бурсачки“ теперь весело мастерятъ сумочки изъ выпрошеннаго тряпья, готовятъ длинные дорожные посохи и восхищаются мыслію о длинной дорогѣ, босикомъ, безъ гроша за душою, съ ночлегами по полямъ и лугамъ, въ ненастье по крестьянскимъ хатамъ или куренямъ, за краюхой хлѣба, которую ткнетъ у иной хаты сердобольная старуха, приговаривая: „изъ бурсы? сирота? на, моя дитыночко, підпасись, онъ-якъ тобі живітъ стягнуло“... Изступленіе какое-то нападаетъ, когда выѣдешь изъ города и очутишься среди спѣлыхъ, золотистыхъ нивъ, увидишь вблизи первую деревню и церковь съ тремя зелеными куполами въ рядъ. Долой шапка, обувь, сертучишко; прыгъ! съ воза,—босыя ноги тонутъ въ теплой, пушистой пыли чернозема... Что за наслажденіе! На поляхъ вяло движутся загорѣлыя, потныя, запыленныя лица; на межѣ стоитъ *хлопецъ* съ *близнюками*, свободный отъ шапки, сапоговъ и проч., ухмыляется намъ, кричитъ: „поповичі...“; по дорогѣ остановилась баба съ *банькою*, приложила руку ко лбу козырькомъ, добродушно привѣтствуетъ насъ: „оце, неначе мішокъ розвъязали!... якъ галычь, посыпались“... Всѣмъ имъ весело кричишь: „добрыдень“, „помогайбі“, „щасти Боже“... Потянулась длинная дорога, знакомыя деревни, поля, лѣса, лужки, гребли, мосты... Какими живительными кажутся здѣсь палящіе лучи полуденнаго солнца, какими почтенными представляются эти нѣмые труженики на поляхъ, сердито поглядывающіе на торчащаго вблизи *панка* съ *нагаемъ!* Какъ уныло днемъ въ деревнѣ, въ ней все точно вымерло, все на панщинѣ! Съ какимъ благоговѣніемъ перекрестишься, когда среди полей, залитыхъ тихимъ, золотистымъ свѣтомъ заходящаго солнца, теплыя волны воздуха издали донесутъ благовѣстъ къ вечернѣ! А ночлегъ

у „кринички“ подъ вербою! Съ какимъ напряженіемъ вслушиваешься въ постепенное замираніе природы! Точно истома на всемъ легла: и воздухъ, и травы, и деревья — точно все пластомъ растянулось отъ усталости, какъ и тѣ *крьпаки*, что вернулись съ полей домой и—кто какъ повалился—мертво спятъ. Какъ сладко и самъ уснешь, какъ бодро встанешь до восхода солнца, умоешься изъ кринички и тутъ-же помолишься, ставши лицемъ къ востоку! Вотъ деревни за деревнями, все знакомые виды, знакомые типы, люди забитые, глуповатые, но добрые, ласковые. Бѣда-ли въ дорогѣ приключилась, увязнемъ въ болотѣ, опрокинемся съ косогора,—прохожій подойдетъ, посмотритъ, скажетъ: „біда... нехай вамъ Богъ помогае“. Ось сломалась, *майстеръ* въ деревнѣ не водится, или на панщинѣ. „Дасте на кварту горілки (въ то время 10—12 грошей), *полагожу*“. Тяпъ-ляпъ и что-то дѣйствительно похожее на ось появилось, и доѣдешь на ней домой. Лошадь заболѣла: „кровь треба пустить“, говоритъ одинъ, „занозу зробить“—совѣтуетъ другой. „Перегонъ, опой, зъіла що небудь на паші“... Толкуютъ—толкуютъ и чѣмъ-то поправятъ лошадь. Самъ заболѣешь—„горілочки съ перцемъ або съ сілью выпий, полегчае“. Послушаешься—и *полегчае!*

Но вотъ и послѣдняя деревня, вотъ и лѣсъ, за которымъ откроются нивы родныя и за ними верхушки куполовъ родной церкви. И „погонычъ“, и мы сосредоточенно и парадно настраиваемся, пріодѣнемся, приведемъ все въ порядокъ на возу, тихо ѣдемъ лѣсомъ, заранѣе снявши шапки и вперивши очи впередъ. „Господи Іисусе Христе...“, набожно шепчетъ „погонычъ“ и крестится, раньше насъ увидѣвъ завѣтные купола сквозь прогалину въ чащѣ лѣса. У насъ и молитва замретъ на устахъ! Вотъ и „наше“ село, все знакомыя хаты, еще болѣе осѣвшія и покачнувшіяся, но тщательно выбѣленныя. Вотъ старая, высокая „фигура“ среди села, съ которой, мнѣ всегда казалось, страждущій Спаситель глядитъ на страждущій въ тяжкомъ рабствѣ народъ, какъ-бы и самъ сострадая ему и одушевляя его своимъ примѣромъ. Какъ у мѣста здѣсь это святое изображеніе!—Хаты заколочены, по селу тишина, всѣ на панщинѣ. Только льготный мужикъ, Павло Старенькій, плутаетъ ногами по дорогѣ изъ корчмы. „А, пріихали, панычи-поповичи! Бачите, якій я пьяный... Смійтесь на здоровье“... Вотъ всѣми въ селѣ признанная „золото-жінка“, Бондарчучка, спѣшитъ съ пан-

щины домой, покончивши раньше всѣхъ свою копу, каждый снопъ въ поясъ,—въ одной рукѣ *близнюки,* на другой ребенокъ, за плечами свитка, серпъ, банька, колыска и еще что-то, но она весело здоровается съ нами, крѣпко и шибко ступаетъ по дорогѣ, взбивая пыль подъ ногами. Спѣшитъ домой, чтобы все убрать, помыть, починить, добыть *кизяка* на топку, принесть воды, приготовить мужу на вечеръ галушки, розыскать по деревнѣ свое *янятко* и *поросятко.* Вотъ и наша усадьба, вотъ отецъ на крылечкѣ стоитъ, смотритъ намъ на встрѣчу, идетъ къ воротамъ, босой, неодѣтый, изможденный,—бѣжитъ къ воротамъ сестрёнка наша, одиноко живущая про отцѣ-вдовцѣ, за плетнемъ торчитъ Иванько, старый солдатъ, сторожъ церковный, и видимо готовится брякнуть намъ: „здравія желаю... чово зволте“... Озираемся вокругъ,—тотъ-же убогій домикъ, тѣ-же комора, клуня, загороди, хлѣвы, садочекъ вишневый, тѣ-же собаки.. И все тутъ на мѣстѣ, ничто не перемѣнилось, и все такъ привѣтливо глядитъ на насъ, и такая въ душѣ благодать, такая въ сердцѣ теплота и радость!...

И пошла затѣмъ жизнь, ни съ чѣмъ несравнимая. Чувствуешь, что выростаешь и крѣпнешь, что живешь полной жизнію, какъ этотъ буйный колосъ на крѣпкоколѣнномъ стеблѣ, какъ этотъ молодой дубнякъ съ его металлическими листьями, какъ эта стройная и сочная трава въ дубовомъ лѣсу. Шире и шире раздвигаются горизонты мысли, повсюду точно кто-то незримо за тобою бродитъ и нашептываетъ смѣлые замыслы, проэкты, внушаетъ завѣтныя стремленія, священные обѣты и любовь—любовь безъ конца ко всему страждущему и обремененному, ко всякому нищему духомъ, къ своему темному и теплому народу, къ голой, и босой, и подъчасъ пьяной матери—Украинѣ...

Читатель, я вѣдь говорю о времени моего дѣтства, давно прошедшаго: не судите меня по-настоящему. Говорю о деревнѣ того страннаго теперь и сказочнаго времени, когда городъ отдѣленъ былъ отъ деревни цѣлою бездною, когда въ городѣ жили все вольные люди, а въ деревнѣ—все крѣпаки, когда въ городѣ царила власть русская, а деревня стонала подъ игомъ польско-жидовскимъ, точно среди одного государства другое расположено было форпостами, бивуакомъ, и внѣ городовъ по деревнямъ власть русская появлялась только наѣздомъ, чѣмъ дѣйствительно признавали въ то

время поляки русскую власть въ украинской деревнѣ, да нельзя было съ этимъ и не согласиться. Говорю о деревнѣ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ, о деревнѣ крѣпостной, когда, послѣ неудавшейся польской революціи 1831 года, польская сила, изгнанная изъ городовъ, изъ правительственныхъ сферъ, вся укрылась въ деревняхъ и, раздраженная неудачею возстанія, вся обрушилась на русскихъ своихъ „подданныхъ“, вымещая на нихъ свою неудачу, мстя имъ за ихъ „измѣну“ польской справѣ и вмѣстѣ торопясь руками крестьянъ поправить разстроенное революціей свое состояніе. Это былъ недолгій, но глубоко трагическій періодъ въ быту украинской деревни, когда повсюду слышенъ былъ одинъ тяжелый стонъ, когда деревенскіе старики со вздохомъ говаривали: „подъ Польшей было народу легче“, когда одни массами бѣжали въ Бессарабію, въ Черноморье, въ Турцію, другіе ждали появленія Хмельницкаго, который вывелъ-бы ихъ изъ рабства полякамъ и жидамъ, или-же Гонты и Желѣзняка, чтобы по крайней мѣрѣ поглумиться надъ своими притѣснителями, къ которымъ наконецъ народъ сталъ причислять всѣхъ и все, кромѣ себя самаго. Тогдашній городъ тупо глядѣлъ на эту картину, судилъ и казнилъ „бунтовщиковъ противъ своихъ господъ“; становые и капитанъ-исправники точно для того только и существовали, чтобы именемъ русскаго государства удерживать русскихъ крестьянъ въ полномъ повиновеніи польскимъ помѣщикамъ. Крѣпацкая деревня стонала, но упорно противустояла своимъ панамъ и ихъ охранителямъ, нѣмо и глухо, но неизмѣнно протестуя противъ чуждаго господства въ краѣ, пропивала съ горя послѣднюю овцу, курицу, но не теряла вѣры въ будущее и—довела свое дѣло до конца: отстояла свою духовную независимость, сохранила въ краѣ русскую народность. Едва уничтожено въ краѣ рабство, какъ народъ далъ почувствовать себя своимъ притѣснителямъ въ ихъ возстаніе, и, глядя на эту для многихъ какъ-бы изъ земли выросшую силу, мы съ увѣренностію могли противупоставить ее притязаніямъ поляковъ и вмѣшательству Европы [1]).

---

[1]) Недавно въ одной корреспонденціи изъ Кіева (Нов. Вр., 31 мая 1882 г.) мы прочли сѣтованія на недостаточную оцѣнку заслугъ чиновниковъ въ юго-западномъ краѣ, прибывшихъ послѣ 1863 года. Корреспондентъ утверждаетъ, что «во время возстанія 1863 года обнаружилось съ полной очевидностью, что край этотъ былъ *русскимъ только по названію*» (!!), что наѣхавшіе затѣмъ чинов-

Что это за сила, которая, не смотря на свою темноту, вѣковое рабство, на долгія искушенія, принужденія и кары, спасла дорогое для государства достояніе, что это за чудесная должна быть сила!

Нѣтъ, читатель, не попрекайте насъ въ наивности. Недаромъ мы съ такою любовію вспоминаемъ деревню, насъ вспеленавшую и вскормившую, вложившую въ насъ первые завѣты жизни. Мы любимъ ее за ея страданія, терпѣніе и вздохи во имя любви къ роднымъ началамъ жизни, за крѣпкую вѣру въ спасительность этихъ началъ, за всѣ тѣ добрыя свойства, которыя выростали на почвѣ страданій въ соединеніи съ такою любовію и вѣрою. И чѣмъ ближе приникаемъ мы ко временамъ нашего дѣтства, тѣмъ глубже и отчетливѣе сознаемъ въ себѣ біеніе народнаго пульса и необоримую силу гражданскую, тѣмъ полнѣе и живѣе становятся наши общественные и гражданскіе идеалы и наша вѣра въ Русь могущественную.

Подъ вліяніемъ новыхъ условій украинская деревня мѣняетъ теперь свой прежній видъ, въ ней происходятъ явленія, способныя, повидимому, охладить наши симпатіи къ ней, подорвать нашу вѣру въ нее. Городская жизнь вторгается въ нее, проникаетъ въ бывшія крѣпацкія хаты. Мужики, бабы, дѣвки, парни въ городѣ покупаютъ для себя уборы, часто тратя на нихъ послѣдній грошъ,—пьютъ чай, сантуринское, курятъ папиросы, учатся танцовать польку и кадриль... Семинаристы съ тросточками дѣлаютъ променады по деревнѣ, говорятъ дѣвкамъ: „мое почтеніе“. Дьячки читаютъ романы, поютъ чувствительные романсы, подъчасъ и куплетикъ изъ оперетки. Священники волнуются по поводу послѣдней книжки „*Вѣстника Европы*“, или передовой статьи „*Голоса*“. Въ деревнѣ появились даже свои чиновники—изъ тѣхъ-же „мужиковъ“ и изъ „благород-

---

ники «первые нанесли тяжелый ударъ польской справѣ въ этомъ краѣ», что «въ немного лѣтъ они *совершенно перевоспитали крестьянъ въ ихъ отношеніяхъ къ русскому правительству*», что «въ этомъ велика ихъ заслуга предъ русскимъ народомъ и государствомъ»... Deus ex machina! И вся эта чепуха насказана единственно въ доказатетьство того, что щедрая раздача имѣній этимъ чиновникамъ недостаточно-де вознаградила ихъ за заслуги... Корреспондентъ однако признается, что «нѣкоторые изъ пріобрѣвшихъ въ краѣ имѣнія находятъ болѣе практичнымъ держаться папа и жида, считая мужика только стихійной силой»!..

ныхъ", настоящихъ чиновниковъ, предъ которыми иной разъ самъ становой (выражаясь языкомъ Расплюева) „мальчишка и щенокъ". И жидъ, и панъ уже не тѣ: жмутся зачастую и заискиваютъ у „пана Гаврила"... Новое-ли городское, чиновничье крѣпацтво пытается утвердиться въ деревнѣ вмѣсто прежняго, или деревня, долго отдѣляемая отъ города бездной, хочетъ хлебнуть во всю глотку городскихъ благъ, дохнуть во всю грудь городскимъ воздухомъ, или то и другое вмѣстѣ,—рѣшить трудно. Есть много признаковъ, указывающихъ на то, что теперь, въ первый разъ, со времени раздѣленія Руси на двѣ половины, южно-русская деревня приступаетъ къ дѣйствительному, живому участію въ общерусской жизни. Каша, кутерьма, столпотвореніе вавилонское! Холодъ вмѣсто сердечности, пьяное веселіе вмѣсто пьянаго горя, расточительность вмѣсто убожества, разнузданность вмѣсто безправія, штундизмъ вмѣсто тихой преданности уставамъ церкви!.. Вопіютъ заѣзжіе публицисты! Но мы не смущаемся. На первыхъ порахъ, послѣ долгаго отчужденія и рабства, эта картина въ деревняхъ неизбѣжна. Та сила, что вынесла на своихъ плечахъ чуждое вѣковое иго и спасла народность и вѣру, не обманетъ, не загинетъ, не уронитъ края, дайте только ей оглядѣться кругомъ себя, ознакомиться съ условіями новаго быта, завести повсюду школы, вырастить новое поколѣніе...

Пока это станется, почтимъ благодарною памятью нашу крѣпостную деревню, помянемъ ея горести и печали, пьяныя радости и тихія мечты,—все то, чѣмъ она жила, крѣпилась, утѣшалась...

Мы желали-бы представить на страницахъ „Кіевской Старины" рядъ очерковъ изъ быта украинской деревни тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ по воспоминаніямъ о нашемъ дѣтствѣ. Мы имѣемъ въ виду свою родную деревню, умалчивая только о названіяхъ, но всѣ украинскія деревни того времени такъ похожи одна на другую. Вездѣ однѣ и тѣже элементы и факторы жизни: *священникъ*-руководитель, воспитатель народа, *дякъ* — его просвѣтитель, функція самостоятельная; *панъ* въ различныхъ видахъ, съ неограниченнымъ произволомъ и религіозно-національными тенденціями, и наконецъ самъ *народъ*—жертва чуждаго вліянія и господства, стоящій въ непрерывной съ ними оппозиціи. Вспоминая наше дѣтство, мы представимъ бытъ тогдашней деревни въ слѣдующихъ очеркахъ:

1) мой отецъ, 2) дьякъ—мой первый учитель, 3) польско-католическій, господствовавшій элементъ и 4) крѣпостной людъ.

I.

Мой отецъ и его родословная.

Я сказалъ уже, что отецъ мой былъ священникомъ. Первымъ священникомъ въ нашемъ роду былъ дѣдъ мой, отецъ отца моего. Такимъ образомъ, хотя наша фамилія очень распространена была въ юго-западномъ краѣ и въ частности въ духовенствѣ, однако родъ нашъ былъ новичкомъ въ средѣ духовенства, издавна сидѣвшаго въ краѣ родами своими.

Несомнѣнно, что древнѣйшій обычай замѣщенія приходовъ на Руси былъ выборъ священниковъ самими прихожанами. Не видимъ въ древней Руси при архіерейскихъ домахъ правильно устроенныхъ школъ, а потому архіереи не имѣли возможности замѣщать приходы своими кандидатами. Вѣчевой порядокъ избавлялъ архіерея отъ обязанности заботиться о такихъ кандидатахъ. На югѣ Руси, въ литовскій періодъ ея, когда *громады* получили опредѣленный строй и право самосуда, учрежденіе отдѣльныхъ приходовъ и выборъ священниковъ являются уже *правомъ* громадъ. Въ польскій періодъ южной Руси это право встрѣтило сильнаго соперника въ *колляторствѣ* помѣщиковъ, основанномъ на правѣ землевладѣнія, по которому они одни могли обезпечить священниковъ земельными угодьями, дозволить на своей землѣ постройку церкви, дозволить рубить лѣсъ на постройку ея. Помѣщикъ-*ктиторъ*, построившій церковь на свой счетъ и обезпечившій содержаніе ея и причта, считалъ за собою безусловное право на выборъ священника. Но громады вступили въ борьбу какъ съ колляторствомъ польскимъ, такъ, со времени появленія толковъ объ уніи, и съ ктиторствомъ православнымъ, къ которому теряли довѣріе. Постепенно, особенно при помощи козацкихъ возстаній, установился *modus vivendi* между громадами и помѣщиками - колляторами и ктиторами (послѣднихъ однако не видно среди ополяченнаго дворянства): выборъ священника остался за громадою, но подъ условіемъ утвержденія его коллятором. Понятно однако, что для темной громады не легко было

приготовить своего кандидата на приходъ, а захожаго, напрашивающагося на приходъ достаточно оцѣнить—умѣетъ-ли правильно совершать богослуженія и требы, тянетъ-ли онъ за панами или за народомъ. Кромѣ того, принявъ сторонняго человѣка, нужно помочь ему завестись домомъ, хозяйствомъ—расходъ не малый. Поэтому, для громады было весьма выгоднымъ, если священникъ, уважаемый ею, самъ себѣ приготовлялъ преемника въ лицѣ своего сына или зятя, хорошо извѣстнаго ей, за котораго при томъ самъ священникъ можетъ поручиться въ точномъ и правильномъ совершеніи церковныхъ службъ. Свой человѣкъ все таки лучше чужаго, можетъ быть и хорошаго. Для священника тѣмъ болѣе выгодно было оставить наслѣдникомъ своей хаты и хозяйства своего сына или зятя, вѣрнаго притомъ хранителя установленнаго имъ въ приходѣ духа и порядковъ. Такая обоюдная выгода рано развила въ священническихъ семьяхъ право на приходъ по наслѣдству. *Батьковщина* и здѣсь стала играть ту-же роль, что и въ народѣ, и становилась нравственно обязательною для громады. Не мало было приходовъ, переходившихъ по наслѣдству въ теченіе 100—200 и болѣе лѣтъ, пока наконецъ или священникъ умиралъ бездѣтнымъ, или дѣти его оказывались ни къ чему негодными. Наслѣдственность стала казаться правомъ, а право избавляло кандидата отъ заискиваній и униженій предъ громадою, давало особый тонъ, гордость предъ собратами, получившими приходы отъ громадъ. Я хорошо еще помню случаи, когда священники, „сидѣвшіе на батьковщинѣ“, въ ссорѣ съ сосѣдомъ-новичкомъ въ околоткѣ, корили ихъ: „я отъ дѣда-прадѣда панъ въ своей парафіи, а ты—заволока, громадскій наймитъ“... Но *заволоки* раздѣлялись на два разряда, рѣзко различавшіеся другъ отъ друга. Одни появлялись въ приходахъ не вѣсть откуда, никто не зналъ роду-племени ихъ, спаивали громаду, унижались предъ нею, не скупились на всякія уступки и обѣщанія—и получали согласіе громады. Другіе или были лично знакомы громадѣ и получили отъ нея приглашеніе на приходъ, или были сыновьями или зятьями почтенныхъ сосѣднихъ священниковъ, которые могли поручиться за нихъ, какъ за самихъ себя. Предъ такими новичками въ околоткѣ прикусывали языкъ „родовитые попы“, особенно, если новичекъ съумѣлъ самъ утвердить свой авторитетъ въ приходѣ. Къ послѣдняго рода новичкамъ принадлежали и отецъ, и дѣдъ мой.

Фамильное наше преданіе гласило, что во время „великихъ руинъ“ козаки нашли по дорогѣ во рву однолѣтняго *хлопчика*, совсѣмъ умиравшаго отъ голода. Никто не могъ сказать, чье это дитя и гдѣ дѣвались его отецъ и мать. Козаки взяли съ собой этого *хлопчика*, отходили его и выростили, предварительно окрестивши его, такъ какъ не были увѣрены, что онъ крещенъ по православному. Вышелъ изъ хлопчика бравый козакъ. Въ мирные годы запорожскіе козаки, особенно молодые, расходились по деревнямъ цѣлаго края то для гулянокъ, то для заработковъ. Въ одну изъ такихъ гулянокъ молодой козакъ не выдержалъ козацкаго духа и женился. Жена оставалась въ деревнѣ при отцѣ, а онъ часто навѣщалъ ее. Это былъ мой прапрадѣдъ. Прадѣдъ, выросшій въ деревнѣ при семьѣ, не увлекся примѣромъ отца своего и предпочелъ мирную жизнь. Но, гордясь своимъ козацкимъ происхожденіемъ, не хотѣлъ прикрѣплять себя къ землѣ, чтобы не закрѣпиться за ляхомъ—помѣщикомъ, такъ какъ вся земля по правую сторону Днѣпра принадлежала только польской шляхтѣ, и кто получалъ въ пользованіе кусокъ этой земли, тотъ рисковалъ закрѣпить себя за мѣстнымъ *паномъ*. Поэтому прадѣдъ мой, не имѣя постояннаго мѣстопребыванія, оставлялъ свою жену и дѣтей у тестя, а самъ ходилъ на Донъ и въ Крымъ, откуда привозилъ и продавалъ по базарамъ рыбу, соль, рожки, фиги. Дѣдъ мой еще въ дѣтствѣ сопутствовалъ своему отцу въ далекихъ поѣздкахъ его и въ торговлѣ по базарамъ, а на всю зиму отправлялся съ нимъ, для прокормленія воловъ, въ степи. Степи-то были тогда привольныя, безконечныя, особенно за Винницей и Немировымъ. Располагайся, гдѣ хочешь, заготовляй сѣна, сколько хочешь. Зимою степи свободны отъ набѣговъ татарскихъ, набиралось тутъ изъ Украйны не мало такихъ-же чумаковъ и *воловодовъ* (торговцевъ скотомъ), приготовлявшихъ для себя обширныя землянки, а для скота, на случай стужи, *загороди*. Кочевая, торговая жизнь нуждалась въ грамотности и потому дѣдъ мой въ дѣтствѣ обученъ былъ грамотѣ. Грамотность сближала его съ духовнымъ міромъ, онъ любилъ читать и пѣть на клиросѣ и въ знаніи церковнаго устава могъ спорить съ любымъ дякомъ. Наслѣдовавъ послѣ смерти отца его хозяйство и продолжая вести кочевую жизнь, онъ много разъ подвергался разнымъ несчастіямъ, терялъ все свое походное достояніе, но ни

за что не хотѣлъ прикрѣплять себя къ землѣ. Козацкая кровь и въ немъ отзывалась, волнуясь при напоминаніи о панахъ и уніатахъ. Сильно любилъ онъ мѣста своего рожденія, дѣтства, промысловъ, но не менѣе сильно дорожилъ своей волей и боялся брать землю у помѣщика, чтобы не попасть въ панскія лапы. Долгое время, поэтому, онъ не обзаводился семьею. Наконецъ, напоминаніе о томъ, что уже и старость не за горами, что некому будетъ оставить небольшое свое имущество, рѣшило его участь: на 45 году онъ женился на настоящей невѣстѣ того времени—на тринадцатилѣтней дѣвицѣ. Женитьба однако не много измѣнила образъ жизни его: не жилось ему среди террора, который продолжался по всей югозападной Руси послѣ *Коліивщины* и перваго раздѣла Польши, когда вольный православный человѣкъ на каждомъ шагу подвергался оскорбленіямъ и подозрѣніямъ со стороны каждаго шляхтича и каждаго уніатскаго священника. По прежнему дѣдъ мой ѣздилъ на Донъ, по ярмаркамъ. Подходила третья турецкая война. По всей Украйнѣ, Волыни и Подольи народъ встрепенулся. „Покончивъ съ туркомъ, *москали* придутъ въ Польшу, и тогда панъ станетъ хлопомъ, а хлопъ паномъ"—шептались между собою крестьяне, дьячки и священники, православные и даже уніаты. У пьяныхъ срывались съ языка похвальбы и угрозы панамъ. Предъ панами всталъ грозный призракъ „Коліивщины"... Начались аресты, паны повсюду взывали: *do broni*, *panowie!* Православный епископъ (Викторъ Садковскій, только что рукоположенный) арестованъ, даже уніатскій епископъ на Волыни подвергся подозрѣніямъ въ измѣнѣ; множество священниковъ, дьячковъ томились въ тюрьмахъ, не мало изъ нихъ повѣшено; крестьянъ сѣкли, отрѣзывали имъ уши, отрубливали руки, многихъ повѣсили. Въ это время дѣдъ мой исчезъ, никто не зналъ, гдѣ онъ и что съ нимъ, считали его пропавшимъ. Прошло лѣто (1789 г.), прошла и зима, война окончена, русскія войска возвращаются со славою и снова встаютъ надежды русскихъ крестьянъ и духовенства въ Польшѣ. Вдругъ дѣдъ мой является въ семьѣ своей. При крикахъ радости сбѣжавшихся малыхъ дѣтей и родныхъ, онъ гордо вынулъ изъ-за пазухи какую-то бумагу, завернутую въ платокъ, и раскрылъ ее предъ всѣми на столѣ. На толстой бумагѣ было что-то написано, внизу большая печать и подпись. Указывая пальцемъ на подпись, дѣдъ торжественно про-

читалъ: „Потемкинъ“. Всѣ разинули рты. „Теперь, прибавилъ дѣдъ, не боюсь ляхівъ, я—руській дворянинъ“. То дѣйствительно была грамота на дворянство, данная дѣду за какія-то услуги его русскимъ войскамъ, при которыхъ онъ находился неотлучно во все время этого труднаго похода, въ качествѣ маркитанта. Въ чемъ именно состояла услуга дѣда, удостоенная такой награды, это осталось неразъясненнымъ въ потомствѣ. Толковалось про какую-то „кашу съ икрой“ (?), придуманную дѣдомъ для войскъ подъ Очаковымъ и очень понравившуюся Потемкину, про какія-то развѣдки въ турецкомъ станѣ, что очень возможно было со стороны дѣда, знавшаго по татарски и хорошо знакомаго съ татарскими обычаями, къ тому-же крѣпкаго и выносливаго человѣка. Какъ-бы то ни было, но завѣтная грамота долго хранилась въ семьѣ дѣда. Откуда-то появилось убѣжденіе, что изъ всей семьи тотъ только будетъ дворяниномъ, кому дѣдъ предъ смертію вручитъ эту грамоту. Но дѣдъ умеръ, хотя и въ глубокой старости, внезапно, отъ угара, никому не назначивъ грамоту. Съѣхались на погребеніе дѣти и взрослые внуки дѣда, *честно* похоронили его, а потомъ заспорили, кому должна принадлежать грамота. Долго спорили, стали вырывать другъ у друга злощастную грамоту, ратовала все женская половина. Вдругъ одна изъ внукъ, замужняя, найболѣе проникнутая честолюбіемъ, но найменѣе имѣвшая шансовъ на побѣду надъ прочими соперницами, схватила грамоту и—это было въ кухнѣ—швырнула ее въ печь, приговаривая: „нехай-же нікому не достанеця“. Прежде чѣмъ присутствовавшіе пришли въ себя отъ ужаса, отъ грамоты осталась только зола. Никому потомъ и въ голову не приходило добиваться возобновленія грамоты, всѣ были убѣждены, что пропала грамота—пропало и дворянство. Это было въ концѣ тридцатыхъ годовъ, когда въ краѣ шла повѣрка документовъ на дворянство и огромная масса шляхты, затерявшей свои документы, лишена была дворянства и составила приниженный классъ однодворцевъ. Къ тому-же, южнорусское духовенство подчинено было общимъ имперскимъ законамъ *о духовномъ сословіи*.

„Но мы на прежнее возвратимся“... Ожиданія русскаго народа скоро стали сбываться: въ 1792 году послѣдовалъ второй раздѣлъ Польши, по которому вся Украйна, часть Волыни и Подолья присоединены были къ Россіи. Дѣдъ мой съ своей семьей и

родственниками очутился въ чертѣ русскаго государства, подданнымъ *царицы*. Повсюду была радость безмѣрная; казалось, что сейчасъ „панъ станетъ хлопомъ, а хлопъ паномъ“. Прежде всего народъ сталъ изгонять уніатскихъ священниковъ. Изъ послѣднихъ многіе принимали православіе, но многія бѣжали въ Бѣлоруссію, гдѣ уніатскому духовенству жилось спокойнѣе, или пріючивались по панскимъ дворамъ при домовыхъ *капличкахъ*. Громады озаботчены были пріисканіемъ кандидатовъ на вакантные приходы. Въ это время пріѣхали къ дѣду моему, имѣвшему уже болѣе пятидесяти лѣтъ, посланцы отъ громады, хорошо знавшей его, съ просьбой принять *парафію* ихъ. Послѣ недолгихъ колебаній, дѣдъ теперь рѣшился бросить скитальческую жизнь. Но явилось затрудненіе: селеніе, въ которомъ ему предложена была парафія, принадлежало базиліанскому монастырю, находившемуся въ ближайшемъ городѣ и содержавшему извѣстныя въ краѣ школы, привиллегіи которыхъ, какъ и другихъ школъ, русское правительство вполнѣ подтвердило. Монастырь владѣлъ въ этомъ селѣ церковію и приходомъ, присылая своихъ монаховъ какъ для управленія имѣніемъ, такъ и для богослуженій. Выжить базиліанъ изъ прихода нельзя было, отнять у нихъ церковь трудно. Но всѣ старики живо помнили, что прежде у нихъ было *благочестіе* и священникъ былъ *благочестивый*, а потомъ богатый польскій вельможа, владѣлецъ обширнѣйшихъ имѣній въ краѣ, вызвавъ въ свой городъ базиліанъ и устроивъ школы, отдалъ имъ во владѣніе и это село съ церковію, удаливъ *благочестиваго* священника. Прибывъ въ это село, дѣдъ мой увидѣлъ на косякѣ входной церковной двери рѣзную надпись, гласившую о времени построенія *„сего православнаго храма“*. Надпись на одномъ изъ церковныхъ колоколовъ гласила, что онъ пожертвованъ для того-же „православнаго“ храма. Недолго думая, громада порѣшила представить эти доказательства о принадлежности храма православному архіерею въ подлинникѣ и просить содѣйствія его къ возвращенію ей этого храма. Снарядили подводы, выломали дверь съ косякомъ, сняли колоколъ, то и другое уложили на подводы, усадили на нихъ моего дѣда и нѣсколько депутатовъ отъ громады и отправили ихъ въ Переяславль къ епископу (епископская каѳедра впослѣдствіи перенесена изъ Переяславля въ Полтаву), которому издавна поручено было завѣдывать дѣлами право-

славныхъ въ польской Украйнѣ, части Волыни и Подолья. Доказательства оказались очень вѣскими: ходатаи являлись съ ними и къ архіерею, и въ консисторію, гдѣ всѣ писчики, повѣтчики и члены хохотали, глядя, какъ впереди рослый и крѣпкій дѣдъ мой несъ въ присутствіе семипудовый колоколъ, а за нимъ депутаты тащили дверь съ рамой. Всѣ экзамены (на стихарь, на діаконство, на іерейство) дѣдъ сдалъ хорошо и въ теченіе двухъ мѣсяцевъ прошелъ всѣ степени, отбылъ *обученіе* (практическое упражненіе въ богослуженіи подъ руководствомъ священника, назначеннаго архіереемъ) и вернулся въ свой приходъ, въ которомъ засталъ уже церковь въ рукахъ своихъ прихожанъ. Базиліане совсѣмъ присмирѣли, построили капличку и въ ней совершали свои богослуженія.

Базиліанскій монастырь въ городѣ и при немъ школы существовали до польской революціи 1831 года. До этого-же года оставалось во владѣніи монастыря и село, составлявшее приходъ моего дѣда [1]). Такимъ образомъ дѣдъ мой, жившій до 1837 года, постоянно имѣлъ сосѣдями базиліанскихъ монаховъ—управителей имѣнія, которые не могли равнодушно вспоминать о своемъ владѣніи церковію и приходомъ, о былomъ господствѣ уніи въ краѣ. Однако дѣдъ мой былъ человѣкъ миролюбивый и жилъ въ пріязни съ базиліанами, которые теперь не могли и думать объ интригахъ въ средѣ прихожанъ. Ссоры были рѣдки, совершенно домашняго свойства; обѣ стороны сору изъ избы не выносили и дружба продолжалась неизмѣнно. Зайдетъ бывало дѣдъ къ базиліанамъ отъ скуки побесѣдовать, или они зайдутъ къ нему. Пріемъ, конечно, бываетъ по-хозяйски, по-сосѣдски. Выпьютъ по одной—любовно поговорятъ, по другой—повеселѣютъ, по третьей, четвертой—и разговоръ склоняется къ воспоминаніямъ о прошломъ, представлявшемъ теперь такую огромную разницу для обѣихъ сторонъ. Чарка продолжаетъ переходить изъ рукъ въ руки, жгучая боль поднимается въ сердцѣ

---

[1]) Въ 1831 г. огромныя владѣнія польскаго магната, за дѣятельное участіе его въ революціи, конфискованы. Въ концѣ тридцатыхъ годовъ, они составили особый отдѣлъ югозападныхъ военныхъ поселеній. Село, составлявшее приходъ моего дѣда, тогда-же уничтожено, жители разселены по сосѣднимъ селамъ, а усадьбы ихъ обращены въ пахатныя поля.

базиліанъ, злорадство подмываетъ дѣда. На сцену являются вопросы о папѣ, о схизмѣ, объ исхожденіи св. Духа, о чистилищѣ... Простаки были управители-базиліане, не былъ богословомъ и дѣдъ мой; споры держались все на разсказахъ, басняхъ, остротахъ, крѣпкихъ словахъ: стороны все разгорячались, и обыкновенно оканчивалось тѣмъ, что унія и православіе бросались другъ на друга, и начиналась потасовка. Обыкновенно побѣда оставалась на сторонѣ православія, потому что крѣпкій дѣдъ мой легко справлялся съ двумя базиліанами. Но однажды сильно досталось дѣду. Пріѣхали изъ города для отдыха базиліане-профессоры. Дѣдъ стушевался: „ученые“... и не ходилъ къ базиліанамъ. Взяло однако дѣда любопытство посмотрѣть, послушать „ученыхъ“ и, какъ ни крѣпился, зашелъ въ *плебанію*. Конечно, приняли по старому, по-хозяйски. „Ученые“ пили одинаково съ неучеными, сыпали латинскими фразами, высокомѣрно относились къ дѣду. Какъ ни обидны были замѣчанія „ученыхъ профессоровъ“, но дѣдъ чувствовалъ полное свое безсиліе предъ ними на словахъ. Съ каждой чаркой нетерпѣніе его возрастало, руки чесались. Наконецъ, послѣ многихъ уже чарокъ, едва произнесъ одинъ изъ профессоровъ: „ta przeklęta schizma“, какъ дѣдъ ринулся на него и, ну!—тузить его, приговаривая: „ото тобі шизма, ото тобі папа“... Увы, кончилось тѣмъ, что базиліане еле живымъ привезли дѣда въ домъ его, гдѣ онъ долгое время отлеживался. Крѣпкая натура перенесла неожиданную катастрофу; у дѣда и у перепуганныхъ базиліанъ поубавилась охота къ богословскимъ спорамъ. Совсѣмъ уже старѣясь, дѣдъ, давно уже овдовѣвшій и выдавшій замужъ трехъ дочерей своихъ, взялъ старшаго сына своего изъ *риторики*, добылъ ему діаконскій санъ и поселилъ въ собственномъ домѣ, отдавъ при этомъ въ пользованіе его все свое хозяйство, какъ наслѣднику прихода, а вскорѣ совсѣмъ передалъ ему приходъ, оставаясь однако верховнымъ судьею въ домѣ и въ приходѣ до самой смерти своей. Умеръ мой дѣдъ въ томъ-же приходѣ предъ самымъ закрытіемъ его и уничтоженіемъ села, въ 1837 году, на 96 году жизни. Это былъ величественный патріархъ для своего рода, въ которомъ онъ видѣлъ много внуковъ и правнуковъ. Ничто въ этомъ родѣ не предпринималось безъ предварительнаго разрѣшенія его, слово его было для всѣхъ членовъ рода точно глаголъ Божій...

Отецъ мой родился въ 1798 году и былъ „мизинцемъ“ въ семьѣ своего отца, т. е. наименьшимъ, послѣднимъ дитятей. Спустя нѣсколько лѣтъ послѣ его рожденія, мать его умерла, и „мизинцу“ досталась горькая доля общаго „попыхача“ въ семьѣ, о нуждахъ котораго никто при томъ не заботился. Сестры одна по другой выходили замужъ, забирая въ приданое, что было лучшаго въ хозяйствѣ; наконецъ, все хозяйство перешло въ руки старшаго брата—діакона. Отецъ мой выросталъ какъ-бы на хлѣбахъ у брата и жилъ въ семьѣ, по любимому выраженію его, *аки врань на нырищи.* Отецъ его уже не имѣлъ средствъ отдать его въ школы и довести его хотя-бы до *риторики,* подобно старшему брату. За то его отдали въ науку къ знаменитому тогда въ обширномъ околоткѣ дяку Яну. Этотъ Янъ считался на большомъ районѣ приходовъ знаменитостью, дьячковскимъ геніемъ. Цѣлыя поколѣнія священниковъ и дьяковъ воспиталъ онъ въ большомъ числѣ приходовъ; его метода славилась особеннымъ духомъ, тономъ, выдержкою. Еще на моей памяти говаривали о какомъ-либо священникѣ, отличавшемся достоинствами чтенія, служенія: „а, онъ учился у Яна“! Во дни первой моей юности Янъ былъ въ средѣ духовенства какимъ-то миѳомъ, идеаломъ дяка, богомъ клироса. Разсказывали, что даже опытные въ богослуженіи священники, бывшіе ученики его, трусили, когда во время служенія ихъ вдругъ появлялся на клиросѣ Янъ, прибывшій на „храмъ“, или просто провѣдать бывшаго питомца. Не дай Богъ священнику сдѣлать ошибку въ чтеніи и служеніи или повести себя вяло, нарушить *Яновскій* тонъ и тактъ,—Янъ безъ церемоніи тутъ-же могъ громко замѣтить: „э-э, мало я тебе за уха тянувъ!“—или-же просто назвать *дурнемъ.* Никому и въ голову не приходило аппелировать на критику Яна, всякій считалъ за лучшее смириться, принять отзывъ его за шутку, иначе отзывъ ложился на него клеймомъ. Отецъ мой зналъ всѣ мѣстные напѣвы, владѣлъ обширнымъ теноромъ, слылъ превосходнымъ (по мѣстному, тогдашнему) пѣвцемъ, любилъ и хорошо зналъ церковную службу, во время богослуженія держалъ себя съ большою смѣлостью и свободою дѣйствій и всегда утверждалъ, что всѣми своими достоинствами онъ обязанъ Яну. Несложная дьячковская наука у Яна получала разнообразныя формы, дрессировавшія умъ и характеръ, и распространявшіяся на все поведеніе дяка-діакона-священника при

богослуженіи. Канва этой науки, на которой тогдашніе дяки выводили свои узоры, была слѣдующая: обученіе чтенію и письму, чтеніе и пѣніе на клиросѣ, прислуживаніе въ олтарѣ священнику, хожденіе съ причтомъ по требамъ. Изъ разсказовъ отца можно было составить понятіе о тѣхъ узорахъ, которые Янъ выводилъ на этой канвѣ. 1) Чтеніе должно быть громкое, отчетливое, выразительное, пѣвучее въ *апостолѣ* и *парамеяхъ*, ровное, какъ струна, во всемъ прочемъ. Заставивъ адепта читать на клиросѣ, онъ постоянно покрикивалъ на него: „голосніше, не біжи такъ (медленнѣе), кріпче вымовляй“ (отчетливѣе). Совралъ что-нибудь чтецъ, Янъ останавливалъ его, заставлялъ повторять то-же слово, а за видимо разсѣянное ученіе тутъ-же бралъ чтеца „за чубъ“, причемъ тотъ долженъ былъ стойко выдерживать наказаніе, не прерывая чтенія. Если Янъ хотѣлъ кого-либо изъ учениковъ выслать на средину церкви для чтенія *апостола*, то предварительно дома самъ показывалъ ему и позу во время чтенія, и мѣста передышекъ, повышеній и пониженій голоса, тонъ, темпъ, финальный мотивъ и наконецъ поклонъ на три стороны,—нѣсколько разъ экзаменовалъ, поправлялъ, наказывалъ... 2) При пѣніи Янъ строго требовалъ смотрѣть „до Бога“, т. е. вверхъ, что и самъ строго соблюдалъ. Можетъ быть отъ этого нехитраго пріема обученія произошло то, что отецъ мой до самой смерти своей при пѣніи вскидывалъ очи и голову вверхъ и всегда пѣлъ съ глубокимъ чувствомъ, часто со слезами. Въ кругъ пѣнія входили не одни церковныя пѣсни, гласы, ирмосы подобные и т. д., но и разнообразныя домашнія духовныя пѣсни, которыхъ отецъ мой усвоилъ немало. 3) На домъ приносились всякія богослужебныя книги, по которымъ *школяръ* обязанъ былъ подыскать и „затвердить“ всѣ тропари, кондаки, стихиры, сѣдальны, канонъ и проч., что требовалось по уставу для наступающаго богослужебнаго дня: недѣли, святаго, праздника, поста и под. 4) Отправляясь на требу въ домы прихожанъ, Янъ бралъ съ собою *школярей*, требовалъ отъ нихъ держать себя здѣсь чинно, стоять во время чтенія и пѣнія, выдвинувъ одну ногу впередъ, „съ повагой“, умѣть поклониться, привѣтствовать хозяина, отвѣтить изреченіемъ изъ псалтыри и т. п. 5) Послѣ богослуженія, дома, Янъ дѣлалъ предъ своими *школярами* (старшими) отзывы о поведеніи священника въ церкви—какъ онъ читалъ, кадилъ, держалъ чашу, благословлялъ, раздавалъ антидоръ

и т. п., показывалъ, какъ-бы онъ все это дѣлалъ, какъ дѣлаютъ это другіе священники и т. д. При всемъ своемъ дарѣ, почетѣ и завидной славѣ, Янъ никогда не искалъ ни священства, ни діаконства, былъ поэтомъ, обожателемъ своей профессіи, умеръ въ глубокой старости тѣмъ-же дякомъ. Но и у Яна, какъ педагога, былъ одинъ недостатокъ, притомъ очень крупный, хотя и мало замѣченный современниками его, именно—онъ твердо писалъ, только *по-старому,* т. е. уставомъ и полууставомъ, и не могъ хорошо обучить своихъ учениковъ „новому“ письму, т. е. скорописи. Не диво, въ теченіе восемнадцатаго вѣка православные причты Украйны, Подолья и Волыни, управляемые изъ-за кордона (Переяславля), свободные отъ личнаго надзора и руководства епархіальной власти, притомъ часто разгоняемые уніатами и надолго превращавшіеся въ частныхъ лицъ, не видѣли нужды и возможности въ правильной отчетности предъ громадою. Даже метрики не могли быть ведены ими исправно, а это были едвали не единственные документы, требовавшіе отъ причта умѣнья писать. Писались онѣ почти всюду полууставомъ, замѣтками то на церковныхъ книгахъ, то на клочкахъ бумаги, рѣдко въ особыхъ книгахъ. Записи были несложныя: „у Василя Козака родился сынъ, наречепъ Иванъ. Крестилъ и муромъ св. помазалъ іерей NN“; или: „N дня и мѣсяца умре (преставися, скончалъ житіе) Омелько Довгій“. Правильныя записи и отчетность стали обязательными только съ 1792 года. Но еще на моей памяти дяки-искусники въ письмѣ были рѣдки: метрическія записи велись на клочкахъ бумаги. Подходитъ время отчетности—привозятъ со стороны дяка-писаку, тотъ впишетъ все по порядку въ книги, разыщетъ по селу пропущенные случаи крещенія, брака, смерти, составитъ вѣдомости и т. п. Такимъ образомъ Янъ, выросшій и окрѣпшій въ цѣломъ своемъ строѣ во времена Польши, впослѣдствіи до самой смерти своей могъ не видѣть надобности для дьяка и священника *въ новомъ письмѣ*, скорописи. Отецъ мой, свято чтившій науку Яна во всѣхъ ея подробностяхъ, такъ и остался при полууставѣ и до смерти своей не могъ твердо выводить буквъ *по новому.*

Разъ Янъ сказалъ отцу моему: „шукай собі долі, зъ тебе буде добрый дякъ“. Это было тогда для молодаго человѣка аттестатомъ зрѣлости. Не захотѣлъ отецъ оставаться въ дякахъ при

братѣ, тогда уже священникѣ: поклонился отцу своему въ ноги, получилъ отъ него благословеніе и пошелъ искать доли межъ людей. На первый разъ однако онъ пристадъ у одного изъ своихъ зятей - священниковъ. Но здѣсь вмѣсто дячковства онъ нашелъ долю *наймита*, да еще дароваго. Зять, по давнимъ уніатскимъ эрекціямъ, пользовался большими земельными угодьями, велъ обширное хозяйство, посылалъ свою пшеницу прямо въ Одессу; вмѣсто любимаго клироса, отцу пришлось постоянно работать на поляхъ, при домѣ, проводить долгіе дни въ *чумачкѣ*, наравнѣ съ прочими наймитами зятя. Бросилъ отецъ этого зятя, пошелъ къ другому, имѣвшему скромное хозяйство. Тутъ стало легче, и отецъ сталъ часто показывать искуство свое на клиросѣ и на требахъ, въ качествѣ *поддячего* при старомъ дякѣ. Прихожане полюбили голосистаго поддячего и назначили ему опредѣленныя приношенія за службу, такъ что отецъ уже былъ ни отъ кого независимъ въ одежѣ, даже въ пищѣ, сталъ „выбиваться на дорогу“. Но такое положеніе не могло долго служить: 1) въ компаніяхъ настоящіе дяки относились къ нему пренебрежительно, какъ недозрѣлому, будто читающему еще по складамъ, и звали его: „эй, ты, покой-он-по добро-я-дя чер-і-чі й“ (поддячій), или сокращенно: „поко-он-по добро-я-дя“, что еще болѣе казалось обиднымъ, такъ какъ заключало въ себѣ намекъ, будто онъ не умѣетъ сложить слова до конца; 2) какъ ни любили его прихожане, но при размолвкѣ могли сказать ему: „иди себѣ на всѣ четыре стороны“. О дьячествѣ рано еще и мечтать, совсѣмъ не тѣ времена стали! Нужно было или пріобрѣсти реноме въ околоткѣ, чтобъ выбрали въ дяки, или добиться посвященія въ стихарь. Стихарь, архіерейская грамота давали тогда имя; предъ ними прикусывали языкъ самые главные дяки. Задался отецъ мой честолюбіемъ, потерпѣлъ еще съ годъ, заручился *одобреніемъ* отъ прихожанъ въ качествѣ поддячего и пошелъ въ далекій епархіальный городъ попробовать счастья.

Чрезъ недѣлю пути пѣшкомъ, предъ глазами отца выросъ дивный городъ съ множествомъ золотоглавыхъ церквей. Но только въ городѣ сообразилъ онъ, что у него въ карманѣ всего нѣсколько пятаковъ, а между тѣмъ нужно здѣсь жить, въ консисторіи, что ни ступишь—плати... Но попробовать, не возвращаться же назадъ! Нѣсколько дней онъ перебивался по монастырскимъ дворамъ, гдѣ

вольно было всякому богомольцу располагаться на обширномъ дворѣ для отдыха и ночлега. *Слымаки* (послушники)—свой народъ, пускали голосистаго поддячего къ себѣ переночевать въ непогоду; на кухнѣ всегда можно было поживиться, даже попасть съ братіей въ трапезу. Но въ консисторіи—ни приступу! Уже и прошеніе написано услужливымъ и опытнымъ слымакомъ, подано архіерею... Но какъ узнать резолюцію? Долгія ожиданія въ сѣняхъ консисторіи, поклоны проходившимъ тутъ чинамъ, просьбы съ приговариваніемъ: „явите милость, я бідный, гроша не маю за душею“... ни къ чему не приводили, *писчики* и *канцеляристы* оставались нѣмы и глухи. Рѣшился отецъ пойти къ *повітчику* на домъ. „Явите милость, я бідный“... Выслушавъ просьбу, повітчикъ кликнулъ сторожа и велѣлъ назначить просителю работу. Началъ отецъ мой чистить дворъ, лошадь, конюшню повітчика, копаться въ огородѣ его, ходить за повітчицей съ корзиной на базаръ и т. п. Такъ прошла недѣля; отецъ рѣшился напомнить о своей просьбѣ, но услышалъ въ отвѣтъ: „якій скорый... послужи еще“... Прошла еще недѣля, прошла и другая—и конца не видно выслугѣ! Дерзнулъ отецъ мой бросить повітчика и пойти къ самому секретарю. Тутъ тотъ-же пріемъ, только работы стало больше. Узналъ отецъ, что ректоромъ мѣстной бурсы состоитъ архимандритъ, однофамилецъ его. „Не родственникъ-ли далекій? Попытать счастья“. Но архимандритъ о родствѣ не заговаривалъ, дозволилъ отцу ночевать на сѣновалѣ и кормиться на бурсацкой кухнѣ, а о дѣлѣ сказалъ: „самъ хлопочи“. Два мѣсяца бился отецъ, не вѣдая, съ какой стороны подступить къ дѣлу удачно. Хотѣлъ уже поступить въ монастырь, въ которомъ такое чудное пѣніе было, да влеченіе къ роднымъ мѣстамъ взяло перевѣсъ надъ случайнымъ аскетическимъ порывомъ. Но вотъ однажды досидѣлся онъ подъ консисторіей на травѣ до вечера; на каѳедральной колокольнѣ ударилъ благовѣсть къ вечерни... Отцу вдругъ захотѣлось пробраться въ домовую архіерейскую церковь. Вошелъ... все ближе и ближе сталъ подвигаться къ клиросу, смѣлѣе и смѣлѣе подпѣвать, накопецъ очутился рядомъ съ дьячками и запѣлъ полнымъ своимъ, звучнымъ и гибкимъ, голосомъ... читалъ каѳизмы, стихиры... Понравилось ему здѣсь, на другой день онъ отправился сюда на литургію, читалъ часы, пѣлъ и выпросилъ позволеніе прочитать апостола. „И вшкварив-же тоді апостола“, въ простотѣ души

выражался отецъ мой, часто поминая про этотъ случай, имѣвшій рѣшительное вліяніе на дальнѣйшую его карьеру. На югѣ Руси, въ епархіальныхъ городахъ, только со времени посѣщенія импер. Екатериною II Кіева, начало прививаться чтеніе апостола и евангелія басомъ, начиная съ октавы и постепенно восходя до *nec plus ultra* басовой ноты. Это обычай—развившійся исключительно на сѣверѣ Руси, безъ сомнѣнія, благодаря суровому климату, и доселѣ нигдѣ, кромѣ Россіи, не существующій. Въ описываемое нами время и на югѣ Россіи стало уже чуть не закономъ, чтобы протодіаконъ былъ самый, что ни есть, свирѣпый басъ, отъ котораго стѣны дрожали-бы. Мѣстные діаконы и даже дяки уже увлекались этимъ мнимымъ величіемъ чтенія и, поддобряемые великорусскими купцами, переселявшимися въ южнорусскіе города, старались копировать своего протодіакона. Но въ деревняхъ оставался во всей неприкосновенности древній, принятый отъ грековъ обычай чтенія апостола и евангелія на распѣвъ. Греческія особенности его (чтеніе въ носъ, съ трелями и руладами), доселѣ господствующія въ православныхъ церквахъ Греціи, Сиріи, Болгаріи и Сербіи, на югѣ Руси измѣнены сообразно духу народному и излюбленнымъ его мотивамъ. Чтеніе держалось здѣсь на среднемъ теноровомъ *до*, повышаясь по мѣстамъ не болѣе, какъ на одну ноту, и понижаясь не болѣе, какъ на три ноты; все искусство состоитъ въ переходахъ отъ одной ноты къ другой; звуки должны идти мѣрно, плавно. Мнѣ, уже послѣ моего ознакомленія съ разными способами церковнаго чтенія и съ церковными напѣвами и партесами, всегда казалось въ этомъ чтеніи, какъ и въ пѣніи южнорусскомъ, что-то наболѣвшее, просительное, плачущее. Вся исторія южной Руси отражалась въ немъ. Грубо заблуждаются тѣ изъ нашихъ ревнителей чистоты православія, которые производятъ южнорусское церковное чтеніе и пѣніе изъ католическихъ костеловъ. Отецъ мой, рѣшившись отличиться при такомъ особенномъ случаѣ, предъ архіерейскими дьячками, призвалъ все свое искусство, вспомнилъ всѣ завѣты Яна; молодой, звучный голосъ его рѣкой разливался подъ сводами уютнаго храма. Когда онъ окончилъ чтеніе и, закрывъ книгу, глядя „до Бога“, выводилъ мотивы послѣдняго слова, вдругъ за стекляною дверью, направо у олтаря, приподнялась занавѣска и появился архіерейскій ликъ... Глянулъ отецъ на дверь, такъ и оборвался и едва дошелъ до кли-

роса отъ страху. Тогдашній архіерей былъ изъ малороссовъ и, хотя держалъ протодіакона, знаменитаго тогда въ южной Россіи баса, однако очень любилъ старинное деревенское чтеніе и пѣніе. Когда окончилась литургія, стекляная дверь распахнулась, на порогѣ появился архіерей; всѣ по обыкновенію подходили къ нему за благословеніемъ. Подошелъ и отецъ мой и палъ ему въ ноги. „Кто ты, откуда?"—спросилъ архіерей. Такъ и такъ, едва помня себя отъ страху, разсказалъ отецъ мой. „Хорошо ты читаешь и поешь; готовься на слѣдующее служеніе мое къ стихарю", сказалъ архіерей и прибавилъ, обращаясь къ стоявшему тутъ-же монаху: „скажи, чтобы для него все было готово"... Обыкновенно, когда отецъ мой вспоминалъ этотъ случай, голосъ его на этомъ мѣстѣ прерывался и на глазахъ появлялись слезы...

Дальнѣйшая карьера отца пошла какъ по маслу. Тотъчасъ онъ нашелъ себѣ дьячковское мѣсто и зажилъ припѣваючи. Онъ любилъ поминать золотое время своей молодости въ званіи *стихарнаго дяка*. Стихарный дякъ, молодой и пѣвецъ, былъ настоящимъ львомъ въ тогдашнемъ русскомъ деревенскомъ обществѣ. Въ это время едва только намѣченъ былъ планъ перемѣны въ цѣломъ положеніи южнорусскаго духовенства. Въ 1819 году кіево-могилянская академія, бывшая дотолѣ всесословнымъ учрежденіемъ, заключавшимъ въ себѣ по тогдашнему полный кругъ образованія, преобразована въ учрежденіе сословное, духовное, и распалась на три учебныя заведенія, составлявшія три степени духовнаго образованія: *бурсу* или низшее училище—для приготовленія причетниковъ и кандидатовъ для дальнѣйшаго образованія, *семинарію*—для приготовленія священниковъ и *академію* для высшаго духовнаго образованія. Реформа имѣла въ виду измѣнить старыя бытовыя отношенія въ духовенствѣ и надѣлить всѣ приходы образованными священниками, болѣе свѣдущими діаконами и причетниками, предоставивъ архіереямъ назначать ихъ по своему усмотрѣнію, а не по выбору невѣжественной громады. Подъ вліяніемъ идей XVIII вѣка объ абсолютной силѣ просвѣщенія и абсолютномъ вредѣ невѣжества, которое воплощала въ себѣ „чернь непросвѣщенна", забыта была необходимость нравственной связи священника съ приходомъ, забыты были историческія, народныя начала, нарушеніе которыхъ ведетъ за собою разобщеніе и нравственное безсиліе самаго про-

свѣщенія,—не вѣдалось, что радикализмъ въ особенности вредно отзывается на религіозной нравственности. Но въ описываемое нами время планъ былъ только поставленъ, въ деревняхъ совершенно не знали о немъ, старыя отношенія продолжали здѣсь царить съ полнымъ своимъ авторитетомъ. Дьячкамъ не было еще соперниковъ въ лицѣ *„богослововъ“*. Никогда не были серьезными соперниками ихъ тѣ немногіе „латынщики“, которые дошли въ академіи (потомъ въ бурсѣ) до *инфимы*, *грамматики* и даже *риторики*, потому что они, пранадлежа къ неуспѣвающимъ ученикамъ и проводя въ академіи время въ совершенной праздности, приносили съ собою въ деревню только полное ничегонезнайство и дурныя нравственныя качества и справедливо подвергались злымъ насмѣшкамъ въ кругу дяковъ. Про нихъ сложено было не мало куплетовъ, въ родѣ напр. слѣдующихъ, которые и я въ раннемъ дѣтствѣ распѣвалъ:

Бувъ Грицько мудрый,
Родомъ зъ Коломиі,
Вчився винъ добре на филозофіи:
Въ шестнадцять лiтъ письмо мимривъ,
Та все по латыни ливривъ... (отъ *liber*, *книга*)
А на семнадцатимъ перéчитомъ
Всю псалтырку винъ знавъ...

Не было соперниковъ дякамъ-кавалерамъ и со стороны другихъ слоевъ населенія. То была странная, сказочная пора. На русской землѣ, въ русской державѣ русскій народъ непосредственно и почти безконтрольно владѣемъ, судимъ и рядимъ былъ пришельцами особаго племени, враждебнаго всему русскому. Польскіе вельможи, паны, *панки* и *підпанки*, составляли господствующій классъ въ краѣ, все интеллигентное, чиновное, строго отдѣлявшее себя отъ остальнаго населенія, съ которыми у него ничего не было общаго. Тѣмъ крѣпче жались другъ къ другу оба тогдашніе классы русскаго населенія, духовенство и крестьянство, представляя собою особый міръ въ краѣ, особую самодовольную общественность. Главный тонъ въ этой общественности давали священники и почетнѣйшіе въ приходахъ хозяева, жены и дочери тѣхъ и другихъ, а соль этой общественности, цвѣтъ молодежи ея составляли дяки и поповичи—наслѣдники приходовъ, лучшіе женихи.

Сезонъ веселій въ тогдашней украинской деревнѣ — осень, точнѣе время отъ *Преображенія Господня* (6-го авг.), когда оканчивалась косовица и жатва, поспѣвали фрукты въ садахъ и въ огородахъ, значитъ начиналось въ домахъ обиліе благъ земныхъ, и до *зимняго Николая* (6 декабря), когда наконецъ необходимо было перестать продавать и расточать, но подумать о сбереженіи продуктовъ для новаго посѣва и о прокормленіи семьи и скота до слѣдующей жатвы. На это время доселѣ припадаютъ въ южнорусскихъ приходахъ всѣ храмовые праздники, всѣ свадьбы, поминки и т. п. Самымъ торжественнымъ случаемъ въ приходѣ былъ храмовой день. Вся околица приходила въ этотъ день въ движеніе, все званное и незванное ѣхало и шло „на храмъ", у каждаго хозяина въ приходѣ были свои гости. Къ литургіи съѣзжались сосѣдніе и дальніе священники, дяки и поддячіе, такая голосистая служба бывала въ приходѣ только разъ въ году, и мой отецъ въ такихъ случаяхъ бывалъ самымъ желаннымъ въ околицѣ гостемъ на клиросѣ. Невдали отъ церкви, на открытомъ воздухѣ, въ цѣломъ рядѣ выкопанныхъ въ землѣ печей первыя хозяйки въ приходѣ готовили громадскій обѣдъ. Разставлялись столы, со всѣхъ хатъ сносились миски, ложки, и тотчасъ послѣ литургіи за столы садились попы, дяки, почетные хозяева, свои и пріѣзжіе, прочіе группами располагались на травѣ — громада *честно* принимала всѣхъ своихъ гостей. Во время обѣда дяки и попы часто вставали съ своихъ мѣстъ, за ними и вся громада, и пѣли то тропарь храмовому празднику, то *„Покой, Спасе нашъ, съ праведными"*...—въ память умершихъ въ приходѣ, а въ заключеніе—*Со духи праведныхъ* и *вѣчную память*. Послѣ обѣда, хозяева запрашивали къ себѣ пріѣзжихъ гостей, изъ коихъ каждый находилъ пріютъ и угощеніе до слѣдующаго дня. Всѣ пріѣзжіе священники и дяки, многіе изъ почетныхъ хозяевъ, предоставивъ женамъ и сыновьямъ принимать своихъ гостей, шли къ мѣстному священнику. Располагались въ комнатахъ, на *призбѣ* подъ *стріхою,* въ саду и гдѣ попало. Всѣмъ разносилось вдоволь яствія и питія. Молодежь обыкновенно тянуло въ кухню, гдѣ свои и пріѣзжіе поповны и дочери дяковъ суетились по хозяйству, то для порядка, то для вида. Тутъ располагался и амуръ съ своими стрѣлами. Молодые дяки и поповичи помогали паннамъ лѣпить вареники, *скубать* куръ, подать, принести, выне-

сти, причемъ сыпали поговорками, намеками, изреченіями изъ псалтыри и под., живое веселіе не прерывалось, сердца пламенѣли. А между тѣмъ въ *покояхъ* и за покоями шелъ оживленный говоръ, изъ рукъ въ руки непрерывно ходили чарки съ *варенухой*, медомъ, вишневкой, сливянкой и т. п., попадьи то тамъ, то сямъ тихо заводили унылыя пѣсни. Вдругъ хозяинъ или благочинный закричитъ въ дверяхъ: „эй, паны-дяки, панычи"... и тѣ уже знаютъ, зачѣмъ зовутъ ихъ. Всѣ дяки располагались у порога, къ нимъ присоединялись всѣ, кто хорошо пѣлъ, всѣ вставали, какъ-бы ни были пьяны, у оконъ толпились гости, располагавшіеся на дворѣ, изъ сосѣдней комнаты выглядывали панны—поповны. Авторитетный пѣвецъ зачиналъ—непремѣнно: *Хвалите Господа съ небесъ*... Изстари это была начальная пѣснь. За нею непосредственно шла также печальная духовная пѣснь—произведенія школьнаго:

Излій на мя, Боже, со небесе росу,
Да сему пѣнію начало принесу.
Туга мнѣ зѣла и сердце снѣдаетъ,
Аки мечемъ обоюднымъ сквозѣ пробождаетъ.
Ахъ, уподоблюся вранови нощному,
День и нощь во грѣсѣхъ (?) пребывающему...
И т. д.

Шли затѣмъ другія подобныя пѣсни, излюбленные грустные мотивы разнообразились, глубже и глубже отзывались въ душѣ. Гости молча слушали, подпѣвали, кто свѣсилъ голову, кто утиралъ слезы... „Призри на насъ, Боже, со святыхъ высотъ, дай утіху сирымъ отъ своихъ щедротъ"... полились одушевленные плачущіе звуки! При словахъ: „сиріткамъ маленькимъ, вдовицамъ убогимъ"... громко начинали рыдать вдовы и вдовцы, за ними всѣ женщины, у самыхъ стойкихъ выступали на глазахъ слезы, всякій вспоминалъ своего отца, мать, умершихъ дѣтей и родныхъ, всякому начинало казаться, что и онъ сирота. А пѣніе разливалось какъ рѣка и заливало душу мотивами историческаго горя! „Буде вже, годі"—кричалъ невыдерживавшій тоски хозяинъ—„дай намъ, Боже, веселыми та здоровыми бути", и снова начиналось чествованіе, чарки ходили изъ рукъ въ руки, измученные нервы быстро переходили въ противуположное состояніе, начинался смѣхъ, веселіе...

Отецъ мой также считалъ себя тогда сиротою, выросшимъ въ бѣдѣ и горѣ. Тутъ-то давалъ себя всѣмъ чувствовать его обширный голосъ, сиротское чувство проникало его огнемъ, и онъ тогда рѣшительно покорялъ себѣ сердца поповенъ и участіе попадей. На одномъ изъ такихъ праздниковъ общимъ голосомъ порѣшили дать ему въ невѣсты поповну, дочь мѣстнаго священника, которая сильно занимала его и, не смотря на тринадцатилѣтній возрастъ, слыла первой пѣвуньей въ околоткѣ. Скоро за симъ состоялась и свадьба. Это было въ 1821 году.

Живые, веселые, любившіе общество, обое пѣвцы, молодые супруги плохіе были хозяева. Пошли и дѣти, получилъ отецъ и діаконскій санъ (1824 г.), по душѣ пришелся новой громадѣ, мирно жилъ съ священникомъ, кидался на промыслы, много работалъ, а достатка не было. Отецъ мой никогда до самой смерти своей не выпивалъ рюмки водки самъ-на-самъ и ненавидѣлъ такихъ людей, хотя-бы пьющихъ *стомаха ради*. Но отъ компаніи онъ не отставалъ и для друга-пріятеля готовъ былъ и послѣднее отдать. Мать любила общество,—поговорить, попѣть, потанцовать, угостить варенухой, которую она хорошо приготовляла. Причина недостатка въ домѣ была такимъ образомъ ясна, только не для самихъ хозяевъ, которые, продолжая то предаваться житейской поэзіи, то горевать, напрягать силы, ждали завѣтнаго тридцатилѣтія жизни отца, какъ избавленія отъ всѣхъ бѣдствій. По церковнымъ канонамъ, никто не можетъ получить священническаго сана раньше тридцатилѣтняго возраста; исключеніе сдѣлано у насъ только для получившихъ богословское образованіе. Счастье улыбнулось горемыкамъ-супругамъ: едва минуло отцу тридцать лѣтъ, какъ умираетъ священникъ—ближайшій сосѣдъ тестя его, не оставивъ послѣ себя наслѣдника прихода. Тесть, хорошо знакомый въ этомъ приходѣ, тотчасъ вызвалъ зятя и съ нимъ явился къ громадѣ. Громада въ это время убирала въ стоги помѣщичье сѣно. На сѣнокосѣ происходила первая рекомендація. Чтобы рельефнѣе показать достоинства зятя—кандидата, тесть просилъ у громады позволенія прослужить съ нимъ въ мѣстной церкви вечерню, утреню и литургію. Служеніе отлично зарекомендовало отца предъ громадою. Соперниковъ у него не было, потому что не могъ-же считаться соперникомъ хриплый и вялый сосѣдній діаконъ и другой, священникъ,

извѣстный въ околоткѣ своимъ неспокойнымъ характеромъ. По литургіи громада приглашена была во дворъ покойнаго священника для постановленія окончательнаго рѣшенія. Тутъ конечно ожидало громаду угощеніе на счетъ просителя. Тутъ-же производилось и испытаніе житейскихъ достоинствъ кандидата: умѣетъ-ли онъ почтить хозяина, поговорить по душѣ, не драчунъ-ли въ пьяномъ видѣ и т. п. Послѣ сего уговаривались о платѣ за требы. На этомъ пунктѣ отецъ мой сдѣлалъ промахъ: „що ласка ваша, громада,—хто якъ може“, отвѣтилъ отецъ на вопросъ о количествѣ платы. Громадѣ отвѣтъ очень понравился, но въ послѣдствіи отецъ не разъ сожалѣлъ объ этомъ, такъ какъ отъ этой неопредѣленности возникало немало недоразумѣній для обѣихъ сторонъ и прихожане сами часто тяготились невѣдѣніемъ, что дать священнику за трудъ, чтобы и себя и его не обидѣть. Какъ-бы то ни было, составлено было *одобреніе*, съ которымъ отецъ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ хозяевъ, отправился къ мѣстному помѣщику. Старикъ и простакъ панъ ласково принялъ отца, вышелъ на крыльцо въ сопровожденіи содержателя корчемъ и мельницъ въ его имѣніи и фактора по дѣламъ его, еврея Азриля, принялъ одобреніе, подписалъ его и вручилъ отцу, сказавши: „jak będziesz dobrym, to i tobie będzie dobrze“ и затѣмъ даже выслалъ отцу рюмку водки, которую тотъ почтительно выпилъ за здоровье пана.

Съ *одобреніемъ* въ карманѣ, засвидѣтельствованнымъ и благочиннымъ, отецъ на радости продалъ послѣднее добро и отправился въ епархіальный городъ. Здѣсь все окончилось успѣшно. Но мытарства, которыя прошелъ онъ въ консисторіи и въ каѳедральномъ соборѣ—отъ подачи прошенія до экзамена, отъ экзамена до рукоположенія, отъ рукоположенія до полученія ставленнической грамоты—такъ подѣйствовали на его впечатлительную натуру, что потомъ въ теченіе двадцати-семилѣтняго служенія своего онъ ни одного разу не былъ въ консисторіи и только два раза былъ у архіерея (оба раза неудачно), и то подъ конецъ жизни своей.

Посвященіе отецъ получилъ 4 августа 1828 г. — день свято чтимый имъ ежегодно, а къ храмовому празднику (8 сент.) онъ уже былъ въ своемъ приходѣ. Служеніе отца въ церкви очень понравилось громадѣ. Въ тотъ-же день полились приношенія: кто дарилъ яловку, бычка, овцу, свинью, кто курицу съ пѣтухомъ,

утку, гуся, кто мѣрку, а кто и корецъ жита, пшеницы, ячменя, овса и под. Тутъ-же пообѣщали достать для него—кто вербу, кто дубъ, ясень и под. на постройки, такъ какъ предшественникъ отца, не оставляя послѣ себя наслѣдника, не заботился о постройкахъ и оставилъ все въ разрушенномъ видѣ, а годное къ употребленію дерево изъ построекъ забрали родственники его. Усадьба для священника была церковная, но постройки на ней онъ долженъ былъ имѣть собственныя. Зиму прожилъ отецъ въ крестьянскомъ домѣ, а въ слѣдующее лѣто у него готовъ уже былъ свой домъ и хозяйственныя службы. По эрекціямъ, даннымъ мѣстнымъ уніатскимъ священникамъ давнимъ владѣльцемъ имѣнія, знаменитымъ польскимъ магнатомъ, земельныхъ угодій въ пользованіи священника было достаточно для того, чтобы жить по тогдашнему въ довольствѣ. Народу жилось тогда довольно просторно. Панъ подолгу живалъ въ городахъ, занимая какія-то общественныя должности и исполняя какія-то выгодныя для него порученія магнатовъ; крестьяне имѣли вдоволь земельныхъ угодій, владѣли хуторами, занимались промыслами, ремеслами, ходили на Донъ, въ Крымъ въ степи на заработки и т. п., а потому жили въ довольствѣ даже въ обиліи сельскихъ благъ. Все обѣщало отцу жизнь спокойную и довольную. Впослѣдствіи всю жизнь поминалъ онъ это первое время въ приходѣ, какъ время найбольшаго общаго довольства и спокойствія.

Польская революція 1831 года измѣнила все положеніе края.

(Продолженіе будетъ).

Два документа по дѣлу передачи почаевской лавры изъ вѣдѣнія уніатовъ въ вѣдомство православное.

Въ іюньской книжкѣ «Кіевской Старины» помѣщены воспоминанія кн. Голицына о посѣщеніи имъ въ 1855 г. почаевской лавры. Эти воспоминанія, хотя и необильныя фактами, дополняютъ «Сказаніе о почаевской успенской лаврѣ» архим. Амвросія (1878 г.) и вмѣстѣ съ нимъ служатъ почти единственными для публики источниками свѣдѣній объ одномъ изъ важнѣйшихъ религіозныхъ пріютовъ въ южной Россіи, имѣвшемъ огромное вліяніе на народъ, особенно въ періодъ уніатскій. Съ переходомъ въ православіе, шумная дѣятельность почаевской лавры замираетъ, громкая въ народѣ слава ея меркнетъ. Безъ сомнѣнія, эта мертвая тишь распростершаяся надъ знаменитою лаврою, только временная. Старинный народно-религіозный центръ Галичины, Волыни и Подолья тихо и медленно, но вѣрно исполняетъ свое призваніе, и вѣроятно недалеко то время, когда обновленная дѣятельность ея зацвѣтетъ среди обновленнаго народа.

Необходимо-бы изслѣдовать причины ослабленія дѣятельности почаевской лавры съ переходомъ ея въ православіе. Безъ сомнѣнія окажется, что это ослабленіе было неизбѣжно, но что причины его временныя. Одною изъ такихъ причинъ было прекращеніе церковно-издательской дѣятельности лавры. Кто однако не согласится, что оно неизбѣжно было для почаевской лавры съ переходомъ ея въ православіе, но что причина, вызвавшая его, теперь уже не существуетъ, что легко можетъ возобновиться эта дѣятельность ея и въ числѣ многихъ другихъ изданій, полезныхъ для народа, возвратить народу старинныя, любимыя имъ, пѣсни духовныя, сборники которыхъ съ такимъ успѣхомъ распространяли почаевскіе базиліане! Кто не знаетъ, съ какою любовію народъ слушаетъ эти пѣсни въ устахъ нищихъ, слѣпцовъ, лирниковъ, искаженныя и схоластическими виршами базиліановъ, и самими пѣвцами, изучающими ихъ по наслышкѣ отъ своихъ собратій! Кто не видитъ, какъ сильно вліяетъ это простодушное пѣніе на народъ и какое подспорье въ этихъ пѣсняхъ, обновленныхъ и упрощенныхъ, нашли-бы для себя проповѣдники и пастыри сельскаго люда! Кіево-печерская лавра продолжаетъ свою почтенную старинную миссію по изданію богослужебныхъ церковно-обрядовыхъ книгъ. Синодальная типографія въ

послѣднее время сосредоточила свою дѣятельность на величайшемъ дѣлѣ распространенія въ народѣ книгъ священнаго писанія. То, что такъ оживляетъ и укрѣпляетъ домашнюю и частную жизнь христіанина, что съ такимъ успѣхомъ проводила въ народъ *уніатская* почаевская лавра, цѣлая область эстетическихъ и нравственныхъ мотивовъ въ приложеніи ко всевозможнымъ случаямъ частной жизни христіанина, въ особенности простаго люда, въ видѣ сборниковъ молитвъ, духовныхъ пѣсней, наставленій, религіозныхъ изображеній и т. п. ожидаетъ своихъ дѣятелей, и, кажется, нѣтъ болѣе причинъ не возобновлять этой дѣятельности въ *православной* почаевской лаврѣ. Съ другой стороны, невозможно было *православной* почаевской лаврѣ продолжать, въ обновленномъ духѣ, историческое призваніе ея въ народѣ въ то время, когда она еще окружена была почти сплошнымъ моремъ уніатства. Но съ 1839, особенно съ 1875 года (возсоединеніе холмскихъ уніатовъ) и эта причина устранена, и возсоединенный съ православною церковію народъ, точно *земля жаждущая*, ждетъ росы небесной, освѣженія, подкрѣпленія и руководства своего религіознаго чувства, которое всегда было однимъ изъ самыхъ сильныхъ двигателей его жизни. Если районъ давняго вліянія почаевской лавры все еще не вполнѣ возстановленъ, если въ настоящую пору три милліона нашихъ галицкихъ братій, глубоко чтущихъ *свою* почаевскую лавру, могутъ пробираться къ ней только тайкомъ, подъ страхомъ обвиненія въ государственной измѣнѣ, за то въ остальной части стариннаго района ея *жатва многа, а дѣлателей мало!* Не разъ намъ приходилось въ средѣ возсоединенныхъ жителей Холмщины и Подлясья выслушивать вопрошающихъ, гдѣ можно купить «почаевскія книжечки», и читать на ихъ лицахъ глубокое недоумѣніе и смущеніе при отвѣтѣ, что такихъ книжекъ нигдѣ нельзя теперь купить...

Но не объ этомъ у насъ здѣсь рѣчь, а объ одной изъ тѣхъ мнимыхъ причинъ упадка дѣятельности почаевской лавры, послѣ обращенія ея въ православное вѣдомство, о которыхъ въ свое время громко вопилъ уніатскій и польско-католическій міръ какъ у себя дома, такъ и по Европѣ. Въ началѣ іюня 1831 г. въ почаевскій монастырь прибылъ съ своимъ отрядомъ генералъ польскихъ мятежныхъ войскъ Дверницкій. Базиліане радушно приняли его, угощали весь отрядъ, снабдили всѣмъ нужнымъ. 13 іюня настоятель монастыря, казначей и экклесіархъ арестованы по распоряженію высшей власти и подъ конвоемъ отправлены въ Кіевъ, въ монастырѣ наскоро устроено было временное управленіе. Въ сентябрѣ уже послѣдовало Высочайшее повелѣніе о передачѣ почаевскаго монастыря въ православное вѣдомство. Назначена была коммисія для пріема монастыря. Эта коммисія, состоявшая изъ самыхъ разнородныхъ лицъ, побуждаемыхъ самымъ составомъ своимъ быть точными и аккуратными въ исполненіи возложеннаго на нихъ порученія, не нашла и слѣдовъ предполагавшихся огромныхъ суммъ монастыря, открыла безпорядочность въ денежныхъ счетахъ, видимо произведенную намѣренно, не нашла многихъ драгоцѣнностей и т. п. Но вслѣдъ за окончаніемъ пріема монастыря въ православное

вѣдомство, появилась молва, что въ лаврѣ накоплены были уніатами несмѣтныя сокровища, дававшія базиліанамъ возможность широко распространять вліяніе ея, и что эти сокровища разграблены лицами, которымъ порученъ былъ пріемъ лавры со всѣмъ ея имуществомъ въ православное вѣдомство. Мѣстные польско-католическіе языки распространяли эту молву повсюду, именуя главныхъ *грабителей* и увеличивая цифру *заграбленныхъ* суммъ до баснословныхъ размѣровъ; бывшіе почаевскіе базиліанскіе монахи злобно поддерживали эти толки, а польская заграничная печать разнесла ихъ по Европѣ. На Волыни многіе еще помнятъ эти толки, которые дошли даже до императора Николая Павловича. По высочайшему повелѣнію, дѣло это изслѣдовано было житомірскою военно-судною коммисіей и документы о немъ имѣются въ разныхъ волынскихъ канцеляріяхъ. Желательно было извлечь эти документы на свѣтъ Божій и выяснить по нимъ темную исторію, надѣлавшую въ свое время много шуму и теперь не утратившую своего значенія. Въ архивѣ яблочинскаго монастыря [1]) мы нашли въ копіяхъ отзывъ военно-судной коммисіи въ волынскую духовную консисторію и черновую показанія игумена яблочинскаго монастыря Іоанникія. Оба эти документы знакомятъ насъ съ весьма интересными сторонами этого дѣла, но далеко не даютъ о немъ полнаго и точнаго понятія. Сообщеніемъ этихъ документовъ на страницы «Кіевской Старины» мы желали-бы вызвать на подражаніе намъ другихъ, владѣющихъ большимъ матеріаломъ, и такимъ образомъ поднять изъ пыли архивной это дѣло, важное уже и потому, что оно осталось несмытымъ пятномъ на чести пріемной коммисіи и не осталось, кажется, безъ вліянія на судьбу тѣхъ изъ ея членовъ, которые менѣе всего могли-бы быть тутъ въ чемъ либо виновны.

№ 1.

Отношеніе коммисіи военнаго суда, въ г. Житомірѣ надъ мятежниками учрежденной, въ волынскую греко-россійскую духовную консисторію.

„По содержанію производимаго по высочайшему повелѣнію военно-суднаго дѣла о расхищеніи имущества бывшаго базиліанскаго почаевскаго монастыря ксендзами онаго при передачѣ

---

[1]) Яблочинскій монастырь находится въ сѣдлецкой губерніи, бѣльскаго уѣзда, на островѣ р. Буга, вблизи дер. Яблочной. Основанъ въ XVI вѣкѣ и извѣстенъ тѣмъ, что, будучи сплошь окруженъ уніей и подвергаясь всевозможнымъ нападеніямъ, онъ ни разу не измѣнялъ православію. Нынѣ онъ возведенъ на степень первокласснаго монастыря, съ увеличеніемъ содержанія и числа братіи.

въ лоно православія и къ приведенію обстоятельствъ дѣла въ положительную извѣстность, коммисія нужнымъ находитъ:

„*Первое.* Сообщить оной консисторіи слѣдующія показанія іеромонаха Вышатицкаго, что, за отъѣздомъ архимандрита Скивскаго въ г. Кіевъ 1831 года, іюля 13 дня, поручено ему жандармскимъ полковникомъ Яковлѣвымъ словесно 15 іюля 1831 года исправлять должность настоятеля въ монастырѣ, съ приказаніемъ смотрѣть, чтобы монахи безъ вѣдома его никуда не отлучались и исполняли бы неопустительно свои обязанности; — занимаясь симъ, не вмѣшивался онъ ни въ какія хозяйственныя по монастырю распоряженія, ибо таковыя Скивскимъ поручены были другимъ іеромонахамъ (которые ниже будутъ поименованы), а равно (показанія) монаховъ: Шивурскаго, Галинскаго, Даниловича, Ильясевича и Дзелинскаго, что прошлаго 1831 года октября 8 дня вечеромъ прибыли въ почаевскій бывшій базиліанскій монастырь: архимандритъ Флавіанъ, протоіереи Рафальскій и Новицкій [1]), говоря, что они ѣдутъ на встрѣчу митрополиту Евгенію, а какъ было уже поздно и шелъ сильный дождь, то, по приглашенію базиліанъ, остались переночевать въ монастырѣ. На другой день, то есть втораго числа (часа?) поутру, кременецкій исправникъ Бульковскій, собравъ много крестьянъ, окружилъ оными монастырь и не велѣлъ никого пущать въ оный или изъ онаго, а послѣ обѣда, въ 4-мъ или 5-мъ часу, прибыли въ монастырь: корпуса жандармовъ порутчикъ Кирѣевъ, полковникъ Вильяшевъ, исправникъ Бульковскій, засѣдатели: Сонцевъ, Горскій, секретарь греко-россійской духовной консисторіи Карашевичъ, игуменъ Іоанникій и іеромонахъ Маврикій, коп съ предъименованными лицами составили коммисію для принятія монастыря со всѣмъ его имуществомъ въ православное вѣдомство. Чиновники сіи того же дня, объявя собравшимся по ихъ приказанію въ трапезѣ базиліанамъ высочайшую волю о передачѣ того монастыря въ православіе, тотчасъ отобрали отъ нихъ всѣ ключи отъ церкви, казначейства, кладовыхъ, погребовъ и амбаровъ, опечатали оные своими печатьми, безъ приглашенія базиліанъ, и поставили военный караулъ внутри и снаружи мо-

---

1) Архим. Флавіанъ—ректоръ волынской духовной семинаріи; протоіерей Рафальскій—впослѣдствіи Антоній, архіепископъ варшавскій и митрополитъ петербургскій; протоіерей Наркиссъ Новицкій умеръ въ должности каѳедральнаго протоіерея житомірскаго собора въ 1850-хъ годахъ.

настыря, также при дверяхъ церкви, всѣхъ хранилищъ монастырскаго имущества и келій тѣхъ базиліанъ, кои завѣдывали какою-либо частію монастырскаго имущества, а исправлявшаго должность казначея, іеромонаха Шивурскаго, держали подъ карауломъ восемь дней. Хотя же базиліане сихъ чиновниковъ просили обождать, покуда они получатъ отъ своего начальства предписаніе о передачѣ монастыря въ лоно православія (о чемъ послѣдовалъ на имя Вышатицкаго указъ изъ литовской греко-уніатской консисторіи отъ 16 октября 1831 года, а имъ полученъ 29 октября того-же мѣсяца) или для исправной сдачи онаго со всѣмъ имуществомъ вытребовать въ Почаевъ архимандрита Скивскаго, казначея Постилькевича и экклезіарха Стародубовскаго, знавшихъ во всѣхъ подробностяхъ состояніе монастыря и при выѣздѣ своемъ въ г. Кіевъ имъ ничего не сдавшихъ, но чиновники, не согласившись, отозвались, что они и сами будутъ умѣть принять все исправно, и начали такимъ образомъ: въ монастырской кладовой исправлявшій должность казначея Шивурскій подъ арестомъ отдавалъ имъ тѣ деньги, которыя были ему извѣстны, а неизвѣстныя сами они нашли въ секретныхъ ящикахъ; тѣ и другія, пересчитавши, вложили въ мѣшки, привязали къ нимъ ярлыки и опечатали своими печатьми. Въ первыхъ росписались: Вышатицкій и онъ, Шивурскій, а въ послѣднихъ не приказывали имъ росписываться чиновники. Потомъ описывали заставныя вещи, какъ-то: золотыя и серебряныя кольца, табакерки, серьги, часы карманные, монисто (монисты?), соболій воротникъ, старопольскіе золотые и серебренные поясы, серебряные подсвѣшники, столовыя и разныя ложки, ножи и вилки [1]). За симъ приступили къ осмотру церковныхъ вещей, которыя представлялъ іеромонахъ Ильясевичъ. Архимандритъ Флавіанъ съ чиновниками, по имѣвшейся у него описи, повѣрилъ каждое облаченіе, каждый сосудъ и каждую металлическую принадлежность церкви; назвавъ оные прежде по той описи, приказывалъ подавать ему и прочимъ чиновникамъ для осмотру. Священническія облаченія не только оказались всѣ, но еще болѣе противъ описи; изъ серебряныхъ и золотыхъ сосудовъ нѣкоторыхъ не оказалось и, какъ помнитъ Ильясевичъ, монстранціи одной, чашъ и подсвѣчниковъ нѣсколько (впослѣдствіи отысканныхъ). Привѣсокъ

[1]) Отцы базиліане, очевидно, соперничали съ жидами – ростовщиками.

(вѣта) серебряныхъ вызолоченныхъ, взятыхъ изъ епископской кладовой, изъ пещерной церкви и изъ скарбца, не считали, но только перевѣсили и, не объявивъ базиліанамъ о количествѣ вѣсу, уложили въ сундукъ, а висящихъ въ храмѣ на чудотворномъ образѣ Божіей Матери и вокругъ онаго до 600, а можетъ быть болѣе, также вокругъ распятія и св. Николая, тоже не считали и вовсе не вѣсили, и хотя Ильясевичъ просилъ о семъ архимандрита Флавіана и чиновниковъ, но они ему сказали, что видятъ тѣ привѣски и сего довольно. Послѣ того осматривали монастырскій архивъ, но не описывали бумагъ,—сказали, что много требуется на то времени, затѣмъ библіотеку, всѣ монастырскія заведенія, какъ то: типографію, восковой заводъ (блѣхъ), богадѣльню, повѣтовое училище, аптеку. О монастырской конюшнѣ, хлѣбномъ, желѣзномъ и строеваго дерева магазинахъ, мастерскихъ и пасѣкахъ іеромонахъ Дзѣлинскій отдалъ имъ полные регистры, но фольварки съ людьми, скотомъ, хлѣбомъ и хозяйственными заведеніями, какъ не бывшіе въ его завѣдываніи, чиновники принимали и описывали сами, а Дзелинскій только по приказанію ихъ только подписался подъ вѣдомостью о числѣ крестьянъ. Такъ равно у іеромонаха Данилевича приняты ими погребъ съ сыченымъ медомъ, кладовая съ полотномъ и сукномъ чорнымъ на габиты монахамъ и хранившіяся въ сей кладовой въ запечатанныхъ сундукахъ вещи покойнаго провинціала Билинкевича. Монастырскій буфетъ, погреба съ виномъ и водкою, по показанію іеромонаха Галинскаго, чиновники описали въ два дня, подъ описью же онъ Галинскій не подписывался, ибо не имѣлъ отъ нихъ на сіе приказанія. Вышепоименованные чиновники не всѣ вмѣстѣ ревизовали одну какую либо часть монастырскаго имущества, но раздѣльно: одни повѣряли одну, а другіе другую отрасль достоянія, оставивъ въ бездѣйствіи базиліанскихъ іеромонаховъ, завѣдывавшихъ монастырскимъ имуществомъ, такъ что они вовсе таковаго не передавали чиновникамъ, отъ правительства для сего назначеннымъ, но сіи послѣдніе сами собою забирали все, а базиліане были только зрителями и то тогда, когда къ тому приглашены были. Каковый пріемъ безъ депутатовъ со стороны базиліанъ, о которыхъ православные чиновники отозвались, что ихъ имъ не нужно, продолжался съ 9 октября до послѣднихъ чиселъ ноября, а къ сему времени они сами, безъ присутствія бывшаго въ должности настоятеля монастыря іеромонаха Вышатицкаго и другихъ должностныхъ

ксендзовъ, составили сдаточныя всему имуществу описи въ трехъ экземплярахъ и приказали съ угрозами оныя подписать базиліанамъ, которые совершенно не знаютъ, что въ оныхъ заключалось, ибо таковыя ими не читаны, а сами не могли знать по неразумѣнію россійскаго языка; притомъ чиновники не объявляли имъ ни о какихъ недостаткахъ".

„Архимандритъ Скивскій объяснился, что въ бытность его настоятелемъ, въ монастырѣ всѣ церковныя облаченія и дорогіе изъ камней и металловъ сосуды и украшенія были въ цѣлости, кромѣ что изъ первыхъ (одеждъ) по ветхости нѣкоторыя передѣланы изъ двухъ или трехъ на одну, но на мѣсто убылыхъ построены новыя, а изъ послѣднихъ нѣкоторыя по надобности передѣланы на другія, или проданы, а деньги употреблены на церковныя потребности, и часть оныхъ въ 1822 году неизвѣстно кѣмъ украдена. Потомъ Скивскій продолжаетъ, что аптека при монастырѣ была домашняя и завѣдывалъ оною послушникъ Базилевичъ, у котораго были шнуровыя книги для записи прихода и расхода денегъ, лекарствъ и матеріаловъ. Дохода отъ оной деньгами не только не было, чтобы уплачивать ежегодно бывшему кременецкому лицею по 150 злотыхъ, но еще изъ монастырской суммы давались деньги по мѣрѣ надобности на покупку лекарствъ. Въ кладбищной церкви, какія были деньги 43 руб. сереб., онъ навѣрное не знаетъ, а полагаетъ, что или приходскаго монаха Павловскаго, или погребальщиковъ. Типографія была привиллегированная, восковой заводъ (блѣхъ)—хозяйственное заведеніе; завѣдывали іеромонахи—первого Зиневичъ, второго Абрамовичъ. По двадцати и болѣе тысячъ злотыхъ удерживали они у себя съ вѣдома настоятеля для покупки матеріаловъ, платы работникамъ, поддержанія въ исправности строеній, въ коихъ помѣщались заведенія, машины и посуды. Приносили доходъ (типографія и свѣчной заводъ) деньгами въ разномъ числѣ и матеріалами, книгами и свѣчами. Въ сихъ заведеніяхъ были шнуровыя книги, данныя отъ него, Скивскаго, іеромонахамъ, кои по тѣмъ книгамъ были обязаны сдать чиновникамъ, принимавшимъ монастырь въ православіе, во всей исправности и безъ недостатковъ, а почему того не сдѣлали,—ему, Скивскому, неизвѣстно, причемъ онъ, архимандритъ, присовокупилъ, что если-бы высшее начальство соблаговолило возвратить изъ г. Кіева въ Почаевъ его, казначея Постилькевича, и экклезіарха Стародубовскаго, хотя подъ стражайшимъ карауломъ, и велѣно имъ сдать

монастырь со всѣмъ онаго имуществомъ, то бы они, какъ знавшіе въ подробности всѣ достоянія монастыря и тѣхъ монаховъ, кои кто чѣмъ завѣдывалъ, сдали бы все въ исправности. Чиновниками, принимавшими сей монастырь въ православіе въ концѣ 1831 года, взято въ наличности болѣе 12 тысячъ руб. сереб. оттого, что въ предъидущихъ годахъ полученные не вполнѣ отъ должниковъ проценты и нѣкоторые капиталы, а равно весь приходъ за 1831 годъ не были записаны въ шнуровую книгу. Также чиновники забрали изъ всѣхъ мѣстъ суммы, которыя базиліанами оставлялись тамъ по надобностямъ, какъ-то въ типографіи и въ блѣху, а потому, соединивши всѣ деньги въ одну сумму, могъ быть наличный остатокъ болѣе 12 тыс. руб. сер.".

„Показанія іеромонаховъ Стародубовскаго и казначея Постилькевича о вышеизложенныхъ предметахъ согласны съ архимандритомъ Скивскимъ, причемъ Постилькевичъ присовокупилъ, что, при выѣздѣ своемъ въ г. Кіевъ 1831 года іюня 13 дня, письменныя казначейскія и прочія дѣла оставилъ въ безпорядкѣ разбросанными, потому что бывшая въ томъ монастырѣ комиссія для изслѣдованія причинъ прихода туда мятежника Дверницкаго, всѣ казначейскія письменныя дѣла заарестовавъ болѣе мѣсяца разсматривала и перемѣшанныя возвратила ему Постилькевичу въ безпорядкѣ, а онъ, по краткости времени и за занятіями, не успѣлъ таковыхъ привесть въ порядокъ до выѣзда въ Кіевъ; деньги же по полу были разбросаны вѣроятно отъ того, что мѣшокъ съ деньгами, отъ какого-либо движенія опрокинувшись, развязался".

„Посему, для соображенія всѣхъ вышеизложенныхъ предметовъ, коммисія имѣетъ честь покорнѣйше просить консисторію доставить въ поспѣшности слѣдующія свѣдѣнія:

а) „Увѣдомить, какіе именно чиновники принимали сказанный монастырь въ православное вѣдомство (ибо главнѣйшіе между оными были, по показанію базиліанъ: архимандритъ Флавіанъ, протоіереи: Рафальскій и Новицкій, игуменъ Іоанникій, іеромонахъ Маврикій—нынѣшній экклезіархъ почаевской успенской лавры, также секретарь оной консисторіи Карашевичъ), какое они имѣли отъ высшаго начальства предписаніе или инструкцію, или же особыя наставленія (съ коихъ прислать копіи) о порядкѣ принятія монастыря въ православіе, какими документами и визитою 1823 года епископа (уніатскаго) Мартусѣвича руководствовались при пріемѣ онаго, съ какого числа, мѣсяца и

года начался пріемъ, какимъ порядкомъ оный былъ производимъ и когда именно совершенно оконченъ".

б) „Были-ли при сдачѣ монастыря со стороны базиліанъ депутаты: суперіоръ кременецкаго монастыря Климентій Гриневецкій и владимірскій деканъ Іоаннъ Абрамовичъ, или кто именно другіе, назначенные вслѣдствіе Высочайшей воли литовскою греко-унитскою консисторіею, о чемъ оная указомъ отъ 16 октября 1831 года дала знать управлявшему тогда почаевскимъ монастыремъ іеромонаху Вышатицкому, буде же они при этомъ не присутствовали, то по какой причинѣ, и на случай, если бы о устраненіи ихъ отъ сей обязанности послѣдовало отъ начальства распоряженіе, то съ онаго прислать копію".

„*Второе.* Изложить подробные доводы противъ показаній базиліанскихъ ксендзовъ о немогшемъ якобы произойти недостаткѣ въ церковныхъ одеждахъ и драгоцѣнностяхъ, обнаруженныхъ впрочемъ при пріемѣ монастыря и консисторіею въ вѣдомостяхъ, доставленныхъ въ коммисію при отзывѣ отъ 17 февраля № 341 подъ литерою А и 7 апрѣля № 1349 подъ литерою І показанныхъ: фелоновъ 15 и стихарей 10, о которыхъ архимандритъ Скивскій и экклезіархъ Стародубовскій объявили, что отъ ежедневнаго употребленія таковыя портились, посему съ дозволенія перваго послѣдній дѣлалъ изъ двухъ, а иногда изъ трехъ ветхихъ одинъ аппаратъ годный, чрезъ что и могъ сдѣлаться упоминаемый недостатокъ, а хотя передѣланные убыли и измѣнились въ номерахъ описанія, а можетъ быть и наименованія, но на мѣсто убылыхъ поступили вновь сшитые изъ купленныхъ и пожертвованныхъ молельщиками матерій на ризы и на завѣски чудотворнаго образа, и потому въ общемъ счетѣ передѣланныхъ и вновь сшитыхъ не только число оныхъ не могло быть меньше противъ той визиты, но еще превышало. Въ дѣйствительности его подтвердилъ іеромонахъ Саллюстій Ильясевичъ, сдававшій сіи одежды и объяснявшій чиновникамъ такое измѣненіе одеждъ. Церковнаго серебра въ сосудахъ и прочемъ, въ церковной ризницѣ употребляемыхъ, сведенныхъ въ общія статьи по собственнымъ своимъ наименованіямъ каждой вещи означено по тѣмъ-же вѣдомостямъ недостающими подъ литерою А артикуловъ 26, по вѣдомости же подъ литерою І показано уже только 13 артикуловъ. Сіи вѣдомости учинены были въ монастырѣ: 1) съ 1-го февраля, изъ новой вѣдомости о недостающихъ вещахъ собственною рукою архимандритомъ Флавіаномъ отмѣченныхъ и подпи-

сомъ базиліанскихъ монаховъ засвидѣтельствованныхъ, а послѣдняя подъ литерою I—29 марта. Изъ сего оказывается, что въ продолженіи двухъ мѣсяцевъ отыскано: корона одна, монстранція одна, потировъ 9, дискосовъ 11, звѣздицъ 10, крестъ одинъ, ложицъ 10, подсвѣчниковъ вышиною въ аршинъ 4, до 7 вершковъ—2 и меньшихъ всего 12, чашъ 4 и сверхъ того изъ серебряныхъ привѣсокъ отыскано 4, но въ какихъ мѣстахъ всѣ сіи вещи открыты, того не объяснено. Затѣмъ о послѣднихъ недостающихъ вещахъ, поименованныхъ въ той-же вѣдомости подъ литерою I, экклезіархъ Стародубовскій и впослѣдствіи заступавшій его мѣсто Ильясевичъ показали: *двѣ золотыя короны*, ватиканскія на чудотворномъ образѣ Божія Матери *двѣ короны серебряныя позолоченныя* съ дорогими каменьями на намѣстныхъ иконахъ Спасителя и Божіей Матери въ пещерной церкви, *одна серебряная* 4-ой (84?) пробы, а *другая мѣдная*, обѣ позолоченныя, съ разноцвѣтными стеклами на подобіе камней, въ зимней церкви на намѣстныхъ иконахъ, *стаканчикъ* отъ стопы Божіей Матери давно еще во время монастырскаго храма (т. е. храмоваго праздника) украденъ, — *два реликвіара* (для храненія частицъ св. мощей?), *корзина* для пшеницы, *веночники*, *лампадки*, *поднось* — были въ скарбцѣ, а оловянные подсвѣчники на престолахъ въ наличности, и всѣ оные іеромонахъ Саллюстій показывалъ чиновникамъ, принимавшимъ монастырь, они ихъ описывали и не говорили ему, что еще такихъ вещей не достаетъ, кромѣ какъ только не оказалось, сколько онъ помнитъ, монстранціи одной, чашъ и подсвѣчниковъ нѣсколько, вѣроятно тѣхъ, кои отысканы при гробѣ Каневскаго [1]) и въ столбѣ подъ чудотворнымъ образомъ. Серебряныхъ привѣсокъ вокругъ чудотворнаго образа Божіей Матери на стѣнѣ и столбахъ висящихъ до 600 штукъ, а можетъ быть и болѣе, равно вокругъ Распятія и подъ иконою св. Николая архимандритъ Флавіанъ и чиновники не считали, хотя ихъ Ильясевичъ о томъ просилъ, но они сказали, что видятъ тѣ привѣски и сего довольно. Тѣхъ же привѣсокъ, кои были за излишествомъ сложены въ бискупской кладовой, въ скарбцѣ и въ пещерѣ, также не считали и не говорили, сколько оныхъ должно быть, но только перевѣсили и не объявили количества

[1]) Т. е. старосты каневскаго — Николая Потоцкаго, строителя главнаго собора и монастырскихъ зданій (1771—1772 г.), умершаго въ 1782 г. и похороненнаго въ подвалѣ собора.

вѣсу. Архимандритъ Скивскій, равно іеромонахъ Стародубовскій добавили къ тому еще слѣдующее: что изъ числа сихъ привѣсокъ, не могшихъ помѣщаться вокругъ чудотворнаго образа и другихъ, были сдѣланы двѣ или три чаши, шата на образъ Божіей Матери въ (слово неразборчиво написанное) на престолѣ стоявшей, напрестольный крестъ, а какъ еще предполагалось сдѣлать шесть подсвѣчниковъ вышиною въ локоть, то изъ тѣхъ же привѣсокъ значительное число оныхъ разной величины и пробы для уравненія качества металла стопилъ Стародубовскій въ слиткѣ вѣсомъ *до полтора пуда*, которые и были скрыты въ столбѣ подъ чудотворнымъ образомъ (а послѣ найдены тамъ), также употреблено оныхъ на посеребреніе мѣдныхъ рамъ на антипедіи главнаго престола. Слѣдовательно, посчитавши сіи подѣлки и слитки серебра со всѣми наличными привѣсками въ храмѣ на иконахъ висящими и съ излишними, бывшими схороненными въ сказанныхъ мѣстахъ, не можетъ оказаться недостатка".

Относительно того, что консисторія въ отзывѣ своемъ отъ 17 февраля № 341 упоминала, что значущихся въ книгѣ приношеній (офярь) драгоцѣнныхъ вещей вовсе не оказалось, но въ доставленной при отзывѣ оной-же отъ 7 апрѣля, № 1394, вѣдомости подъ литерою К. показано довольное количество вещей по наименованіямъ въ книгѣ офяръ значущихся и по счисленіи (сличеніи?) съ оною духовный соборъ сдѣлалъ отмѣтку: „тѣ ли самыя вещи, какія помѣщены въ сказанной книгѣ, неизвѣстно". Далѣе въ первомъ отношеніи, № 341, продолжаетъ, что самый приходъ тѣхъ пожертвованій базиліанами показанъ только по 6 число іюля 1827 года, и съ сего времени дальнѣйшаго слѣда о подобныхъ приношеніяхъ, которыя не могли не быть и въ послѣдовавшихъ годахъ, ни по сей книгѣ, ни по другимъ монастырскимъ актамъ не имѣется. Но архимандритъ Скивскій и бывшій экклезіархъ іеромонахъ Стародубовскій, на запросъ о семъ и по предъявленіи имъ вышеписанной вѣдомости подъ литерою К., объяснили, что показанныя въ оной вещи суть тѣ самыя, которыя были молельщиками приносимы въ даръ церкви и записаны въ регистръ офяръ, недостающія-же противъ онаго многія были украдены въ 1822 году, а червонцы, золотыя медали и кольца употреблены на позолотку чашъ, крестовъ и другихъ сосудовъ церковныхъ и антипедіи, а нѣкоторыя по ненадобности проданы и деньги издержаны на потребности монастырскія, и что сіи добровольныя приношенія не

были болѣе дѣлаемы послѣ 6-го іюля 1827 года, а Стародубовскій добавилъ, что сіи вещи также суть тѣ самыя, которыя онъ скрылъ въ столбѣ подъ чудотворнымъ образомъ Божія Матери и при гробѣ Каневскаго. А какъ епископъ Мартусевичъ при ревизіи не свидѣтельствовалъ книги офяръ, ибо нѣтъ его въ оной подписи, какъ таковыя дѣлали провинціалы, консисторія же и лаврскій соборъ не упоминаютъ, чтобы сіи вещи были Мартусевичемъ показаны въ общей его визитной описи, то вѣроятно, что сіи вещи суть тѣ самыя, кои записаны въ книгѣ офяръ. Но для достовѣрности консисторія не оставитъ аккуратнѣйшую выправку касательно недостатка въ церковныхъ вещахъ и затѣмъ доставитъ въ коммисію для соображенія самовѣрнѣйшія вѣдомости: а) полную всему монастырскому имуществу, поступившему отъ базиліанъ въ православное духовенство, въ суммахъ, вещахъ и недвижимостяхъ заключающемуся; b) сколько суммъ и вещей и какихъ наименованій, за всѣми отысканными, не достаетъ противъ визиты 1823 года и другихъ документовъ, коими руководствовались при пріемѣ православные; c) сколько оказалось противъ тѣхъ-же, визиты и документовъ, излишними суммъ и вещей и какихъ наименованій. Притомъ изъяснить, отчего въ отзывахъ оной и вѣдомостяхъ произошла вышеписанная разница въ недостаткѣ церковныхъ вещей, наименовавъ тѣ мѣста, въ коихъ впослѣдствіи открыто 13 артикуловъ церковнаго серебра и 4 привѣски".

Третье. По вѣдомости, приложенной консисторіею при отношеніи отъ 7 апрѣля, № 1349, о суммахъ, поступившихъ отъ базиліанъ въ православіе, показано: а) что въ казначейской кладовой отыскано въ скрытыхъ мѣстахъ до 6 тысячъ руб., серебромъ, а завѣдывавшій симъ монастыремъ іеромонахъ Вышатицкій показалъ (можетъ быть ошибочно), что при открытіи потаенныхъ ящиковъ въ шкафахъ вынуто оттоль въ шести мѣшкахъ серебряными рублями 6250 р. с., которые принявъ, православные не позволили ему подъ итогомъ подписаться. b) Въ ризницѣ соборной церкви взято 127 руб. 82½ коп. серебромъ и 42 р. 52 коп. мѣдью, безъ книги приходо-расходной. Но архимандритъ Скивскій, іеромонахи Постилькевичъ и Стародубовскій отозвались, что деньги сіи давались молельщиками и на записку оныхъ, а равно и вырученныхъ за продажу бутылочекъ на святую воду была тамъ всегда книга не шнуровая, выданная изъ монастырскаго казначейства, которая, какъ объявилъ помощникъ эклезіарха іеромонахъ Ильясевичъ, находилась на столѣ и въ то время, когда архимандритъ Флавіанъ

и іеромонахъ Маврикій принимали упомянутыя деньги, но по той книгѣ, означающей приходъ оныхъ, не повѣряли и просьбы о томъ Ильясевича не уважили. Книга же сія величиною была въ листъ, сложенный въ длину пополамъ, толщиной въ полторы дести, выдана въ закрытіи экклезіархомъ Стародубовскимъ. c) Въ келіи ксендза Шавурскаго принято 159 руб. 80$^{3}/_{4}$ коп. серебромъ то же безъ всякой отчетности, напротивъ того Вышатицкій увѣряетъ, что при немъ архимандритъ Флавіанъ отобралъ у Шавурскаго деньги, бывшія на ежедневные расходы, съ расчетомъ онымъ, а послѣдній, утверждая сіе, говоритъ, что таковый поданъ имъ написанный его рукою, но неподписанный. d) Подобно сему въ монастырской типографіи и лаврской аптекѣ, въ коихъ такъ-же найдены и приняты суммы, означенныя въ упомянутой вѣдомости безъ всякихъ свѣдѣній, по объявленіямъ-же архимандрита Скивскаго и казначея Постилькевича въ означенныхъ мѣстахъ имѣлись на записку денегъ, а въ послѣдней и лекарствъ, книги, но почему православными чиновниками таковыя не приняты и не общитаны, имъ неизвѣстно. e) Касательно оказавшагося недостатка при учетѣ книги въ свѣчной лавкѣ и восковомъ заводѣ (блѣхѣ) денегъ 4758 злотыхъ 19$^{1}/_{2}$ грошей или 714 руб. 79$^{2}/_{3}$ коп. серебромъ, не видно, чтобы завѣдывавшій онымъ іеромонахъ Абрамовичъ, который сдавалъ всю о томъ отчетность, былъ опрошенъ православными чиновниками о происшедшемъ у него недостаткѣ, а потому консисторія не оставитъ также распорядиться, чтобы въ поспѣшности были учинены выправки объ отысканіи упомянутыхъ денежныхъ документовъ и если таковые окажутся, то сдѣлать по онымъ надлежащую тѣмъ суммамъ повѣрку и о послѣдующемъ почтить коммисію извѣщеніемъ, добавя притомъ, отчего меньше показано суммы, отысканной казначейской кладовой въ секретныхъ ящикахъ шкафовъ противъ показанія Вышатицкаго, и былъ-ли, какъ выше означено, членами принимавшими въ православіе монастырь запрашивалъ іеромонахъ Абрамовичъ о вышеобъясненномъ недостаткѣ у него денегъ, и буде имѣется о семъ его объясненіе, то прислать оное въ коммисію".

„И наконецъ *четвертое*. Присланная при отзывѣ духовнаго собора почаевской лавры на имя консисторіи отъ 5 апрѣля № 152 книга, или опись всему монастырскому имуществу безъ конца была предъявляема архимандриту Скивскому, коимъ признана тою самою, которая составлена 1824 года провинціаломъ Милинкевичемъ и ему Скивскому вручена при постановленіи его суперіоромъ

бывшаго почаевскаго базиліанскаго монастыря, для руководства при принятіи и въ случаѣ сдачи монастырскаго имущества, и что оная книга, при выѣздѣ его въ Кіевъ, оставлена въ келіи его съ концемъ и утверждена подписомъ того провинціала. Судебная коммисія имѣетъ честь просить покорнѣйше консисторію приказать вновь сдѣлать вѣрнѣйшую выправку по дѣламъ бывшимъ въ келіи Скивскаго, которые, какъ видно изъ производимаго дѣла, православными чиновниками, бывъ взяты, сложены въ мѣшки и положены въ кладовой, не окажется-ли окончанія сказанной книги, необходимо для соображенія нужной, и буде отыщется, то прислать въ коммисію".

„Подлинное подписали: Презусъ подполковникъ Македонскій, аудиторъ 13-го (?) класса Михайловъ".

„Съ подлиннымъ вѣрно: за секретаря титулярный совѣтникъ Михаилъ Правосудовичъ".

Г. Житоміръ
10 декабря 1833 года
№ 219.

№ 2.

Въ в(олынскую) д. консисторію яблоченскаго св. Онуфріевскаго монастыря настоятеля, игумена Іоанникія.

Репортъ.

„Въ исполненіе Его Императорскаго Величества указа изъ волынской духовной консисторіи отъ 30 декабря истекшаго 1833 года за № 6947, съ приложеніемъ копіи отношенія коммисіи военнаго суда, въ г. Житомірѣ надъ мятежниками учрежденной, отъ 10 числа того-жъ декабря за № 219 ко мнѣ послѣдовавшаго, а мною 22 сего генваря полученнаго, долгъ имѣю покорнѣйше донести волынской духовной консисторіи: острожско дерманскаго первокласснаго монастыря настоятель о. архимандритъ Іерофей 5 октября 1831 года, получивъ отъ преосвященнѣйшаго Амвросія, бывшаго епископа волынскаго-житомірскаго и кавалера, предписаніе выслать немедленно меня, бывшаго въ то время намѣстникомъ острожско-дерманскаго монастыря, и діакона Михаила Билецкаго, что нынѣ почаевской успенской лавры келарь іеромонахъ Меѳодій, въ загаецкій монастырь въ распоряженіе волынской семинаріи ректора, загаецкаго монастыря настоятеля, о. архиманд-

рита Флавіана, того же дня насъ туда выслалъ. Пріѣхавъ съ прописаннымъ діакономъ въ загаецкій монастырь 6 октября, я не засталъ о. архимандрита Флавіана, а только получилъ отъ него письменное повелѣніе слѣдовать за нимъ чрезъ г. Кременецъ въ Почаевъ. Въ почаевскій бывшій базиліанскій монастырь прибылъ я съ іеромонахомъ Маврикіемъ, что нынѣ экклезіархъ почаевской успенской лавры, и діакономъ Михаиломъ Билецкимъ 9 октября въ 12 часовъ дня, гдѣ засталъ о. р. архимандрита Флавіана, протоіереевъ: Рафальскаго и Новицкаго, а такъ же кременецкаго исправника Бульковскаго и засѣдателей: Горскаго и Солнцева, куда затѣмъ въ скоромъ времени еще прибыли петербургскіе чиновники Войцеховичъ и Вильяшевъ или Вильяменовъ, корпуса жандармовъ поручикъ Киряевъ и каѳедральный протодіаконъ Вас. Красицкій. Гражданскіе чиновники, призвавъ исправлявшаго въ монастырѣ должность настоятеля, іеромонаха Вышатицкаго, просили его, чтобы приказалъ всѣмъ базиліанамъ собраться въ трапезу для выслушанія высочайшей Его Императорскаго Величества воли. Православные духовные и гражданскіе чиновники въ 3, кажется, часа пополудни, когда базиліане всѣ собрались, пришли къ нимъ въ трапезу. По объявленіи гражд. чиновниками базиліанамъ высочайшей Его Императорскаго Величества воли, о передачѣ почаевскаго ихъ монастыря со всѣмъ имуществомъ и капиталами въ вѣдомство православнаго духовенства, базиліане, будучи почти всѣ пьяны, вмѣсто изъявленія покорности высочайшей волѣ, шумѣли, грубили, говорили нелѣпыя и непристойныя слова, такъ что гражданскіе чиновники, посовѣтовавшись съ о. р. а. Флавіаномъ, разсудили оставить ихъ въ покоѣ и, вышедши изъ трапезы, запечатали всѣ три церкви, казначейство, свѣчную лавку, типографію, погреба и всѣ кладовыя и при каждыхъ дверяхъ поставили караульнаго, но ключей ни отъ чего не требовали и не отбирали. На другой день, т. е. 10 октября, который былъ суббота, въ 12-мъ часу коммисія получила отъ исправлявшаго должность настоятеля іеромонаха Вышатицкаго отзывъ съ увѣдомленіемъ о его готовности сдать монастырь и съ наименованіемъ лицъ, кто какую часть имѣетъ сдавать. Итакъ того-же дня въ 2 часа пополудни онъ Вышатицкій съ іеромонахомъ Саллюстіемъ Ильяшевичемъ и монахомъ Богушемъ отперши соборную Успенія пресвятыя Богородицы церковь, ввелъ въ нее православныхъ духовныхъ и гражданскихъ чиновниковъ. По окропленіи сей церкви святою водою и по отпѣніи нами вечерней службы, іеромонахъ

Саллюстій Ильяшевичъ и монахъ Богушъ заперли церковь и ключи взяли къ себѣ, а іеромонахъ Маврикій, кажется, приложилъ по повелѣнію коммисіи къ дверямъ печать. Такимъ образомъ всегда, за каждымъ богослуженіемъ, Ильяшевичъ и Богушъ отпирали и запирали соборную, пещерную и теплую церковь, пока тѣ церкви съ имуществомъ отъ нихъ приняты не были, и такимъ образомъ отъ всѣхъ кладовыхъ и мѣстъ ключи держали базиліане у себя, а печать находилась у о. р. архимандрита Флавіана, пока все по порядку не было описано и сдано. Пріемщиками-же со стороны православнаго духовенства были: волынской семинаріи р. архимандритъ Флавіанъ и протоіереи: Рафальскій, что нынѣ почаевской успенской лавры намѣстникъ архимандритъ Антоній, и Новицкій, а съ котораго числа они начали производить пріемъ и какимъ образомъ оный производили, мнѣ, такъ какъ я притомъ не находился, не извѣстно. Ибо я съ іеромонахомъ Маврикіемъ и діакономъ Михаиломъ Билецкимъ цѣлую седмицу исключительно занимался богослуженіемъ, а потомъ занимался внутренними по лаврѣ распоряженіями, по объявленіи мнѣ о томъ о. ректоромъ архим. Флавіаномъ архипастырскаго повелѣнія. Правда, коммисія поручала и мнѣ, во время моихъ по монастырю занятій, привести къ извѣстность и описать нѣкоторые предметы, и я таковую порученность на досугѣ исполнялъ, но не рѣшительно и не окончательно: ибо коммисія послѣ все повѣряла и, удостовѣрившись въ точности сдѣланнаго мною описанія, вносила таковое въ генеральную опись. Описывалъ-же я слѣдующіе предметы: 1) трапезу съ разною посудою и всѣми ея принадлежностями, которыя показывалъ имѣвшій оную въ своемъ завѣдываніи послушникъ Ѳерапонтъ Куликовскій; 2) кухню съ кухенною посудою и двѣ кладовыя съ припасами съѣстными, которыя показывалъ послушникъ Пентрицкій; 3) буфетъ или, такъ называемую, канафарню, которую показывалъ іеромонахъ Гервасій Галинскій; 4) конюшню съ лошадьми, упряжью и экипажами, анбаръ съ желѣзомъ и мѣдью и мастерскія, которыя показывалъ по приватному, не урядово, а келейно составленному и безъ всякаго подписа бывшему регистру прокураторъ іеромонахъ Павлинъ Дзелинскій, и 5) двѣ кладовыя съ холстомъ и сукномъ для монаховъ и съ волною (шерстью), которыя показывалъ іеромонахъ Данилевичъ. Всѣхъ вышеизъясненныхъ предметовъ я самъ безъ базиліанъ не описывалъ и ключей отъ нихъ не бралъ, а только печать къ дверямъ прикладывалъ, пока все описано, коммисіей повѣрено и сдано не было.

Назначенныхъ литовскою греко-унитскою консисторіею депутатовъ при дѣланномъ мною описаніи не было, потому что о назначеніи ихъ тогда никто еще не зналъ, и они не явились въ монастырь. Котораго именно числа и мѣсяца началъ я дѣлать показаннымъ предметамъ описаніе и когда кончилъ, а равно когда вообще кончень пріемъ монастыря, не помню. Знаю только, что базиліане, по мѣрѣ сдачи бывшаго на ихъ рукахъ церковнаго и монастырскаго имущества, были снабжаемы отъ монастыря довольнымъ количествомъ денегъ на проѣздъ въ назначенные имъ монастыри и на путевое содержаніе и безъ всякаго притѣсненія и осмотра съ письменными видами были отпускаемы". „1834 года, генваря 24 дня № 14".

Дневникъ Станислава Освѣцима

(въ извлеченіи и переводѣ).

1643—1651 г.

(Продолженіе). *)

Вечеромъ въ тотъ-же день (23 іюня) получено было въ лагерѣ письмо краковскаго епископа Петра Гембицкаго, которое причинило всѣмъ сильное безпокойство. Епископъ сообщилъ, что нѣкто Александръ-Левъ изъ Штемберка Костка [1]), иначе называемый Наперскимъ, составилъ на свое имя подложные королевскіе универсалы, будто уполномочивающіе его набирать войско и, на ихъ основаніи, подъ предлогомъ королевской службы, сталъ возбуждать къ мятежу крестьянъ въ краковскомъ Подгоріи; онъ успѣлъ притомъ овладѣть замкомъ Чорштыномъ, лежащимъ на венгерской границѣ на высокой скалѣ, доступной только съ одной стороны. Въ Чорштынѣ онъ устроилъ себѣ резиденцію и черезъ посланныхъ людей вербуетъ иностранныхъ солдатъ въ Силезіи; между тѣмъ, ожидая ихъ прихода, онъ призываетъ къ возстанію крестьянъ окрестныхъ какъ посредствомъ разосланныхъ агентовъ, такъ и разсылкою частныхъ писемъ и универсаловъ; онъ призываетъ крестьянъ образовать скопища, утверждая, будто онъ дѣйствуетъ на основаніи королевскаго приказа; такимъ образомъ онъ уже многихъ привлекъ на свою сторону, а еще болѣе побуждаетъ къ своеволію обѣщаніями богатой добычи. Всякій легко могъ сообразить, прочитавъ присланные универсалы и письма Наперскаго,

*) См. январь, февраль, май и іюнь „Кіев. Ст.“.

[1]) Истинное названіе этого лица было—Симеонъ Взовскій; онъ былъ побочный сынъ короля Владислава IV и получилъ весьма хорошее воспитаніе въ домѣ дворянъ Костковъ изъ Штемберка, которыхъ фамилію и принялъ, задумавъ стать во главѣ крестьянскаго возстанія. Наперскимъ онъ назывался потому, что въ распоряженіи его находились открытые листы короля, поручавшіе какому-то офицеру Наперскому вербовать солдатъ въ королевскую службу. (Кубаля—Szkice, т. I, стр. 312).

сколь большая опасность угрожала Рѣчи Посполитой. Прежде всего заботясь о благочестіи и желая, такимъ образомъ, пріобрѣсти популярность, онъ распорядился о сохраненіи безопасности церквей и издалъ на этотъ счетъ универсалы. Какъ образецъ таковыхъ доставлены универсалы, данные имъ Тынецкому монастырю: одинъ писанъ по нѣмецки, ради иностраннаго войска, котораго онъ ожидалъ изъ Силезіи, и такого содержанія: „Я, нижеподписанный, начальникъ войскъ, конницы и пѣхоты, приказываю сохранять въ покоѣ монастырь Тынецъ и его имущество, подъ угрозою смертной казни“ [1]) Другой универсалъ, писанный по польски и предназначенный для возставшихъ крестьянъ, слѣдующаго содержанія: „Я, нижеподписанный, поручаю и накрѣпко приказываю солдатамъ, находящимся подъ моею командою, чтобы они сохраняли въ цѣлости и неприкосновенности монастырь Тынецъ и принадлежащія ему села, подъ опасеніемъ смертной казни всякому, неповинующемуся сему военному, выданному для охраны монастыря, приказу, который скрѣпляю моею подписью и печатью. Данъ въ Тынцѣ 8-го мая 1651 года. Александръ-Левъ изъ Штемберка“.

Копія письма отъ того-же Костки къ Лентовскому, салтысу [2]), проживающему въ новоторжскомъ округѣ, одному изъ важнѣйшихъ мятежниковъ и разбойниковъ въ той мѣстности:

„Милостивый государь, господинъ Лентовскій, любезный мой другъ! Освѣдомившись о доблестныхъ и рыцарскихъ подвигахъ вашихъ, я воздаю имъ должную хвалу и благодарю за нихъ Господа; притомъ покорно прошу васъ именемъ короля, его милости, чтобы вы съ вашимъ полкомъ приходили какъ можно скорѣе и старались собрать какъ можно больше людей. Пусть они вспомнятъ всѣ обиды, претерпѣваемыя отъ пановъ, пусть подумаютъ о томъ, до какой степени бѣдный народъ угнетенъ и обремененъ и что теперь представляется имъ прекрасный случай къ освобожденію,— пусть они имъ пользуются, ибо если теперь пропустятъ удобную

---

[1]) Въ подлинникѣ на нѣмецкомъ языкѣ.

[2]) Солтыствами назывались села, жители которыхъ были свободные хлѣбопашцы, землевладѣльцы, обязанные лишь военною службою въ пользу государства. Въ Подгоріи краковскомъ много было такихъ селъ, напоминавшихъ собою до нѣкоторой степени козачество. Лентовскій былъ маршалкомъ, т. е. предводителемъ (головою) солтысовъ; названъ онъ мятежникомъ потому, что еще въ 1628 году онъ предводительствовалъ въ возстаніи солтысовъ противъ краковскаго старосты Комаровскаго, посягавшаго на ихъ права (Кубаля, Szkice, стр. 314).

минуту и не сбросятъ тяжелаго ярма, то останутся навсегда въ рабствѣ у пановъ. И такъ приходите поскорѣе сами и всѣмъ, кому сочтете нужнымъ, сообщите это распоряженіе. Пана Здановскаго оставьте въ покоѣ, всѣхъ-же другихъ шляхтичей пусть крестьяне берутъ и пусть дѣлаютъ съ ними, что угодно. Слѣдующій знакъ пусть служитъ для взаимнаго опознанія: вѣнокъ, привѣшенный на зеленой сосновой вѣтви; знакъ этотъ пусть въ походѣ несутъ и при вашемъ полку. Распорядитесь, чтобы люди ваши захватили съ собою топоры и заступы. Мы пойдемъ къ Кракову и дальше; съ Божіею помощью, пройдемъ всю Польшу. У насъ прочный договоръ съ Хмельницкимъ и съ татарами, и нѣмецкое войско придетъ намъ въ помощь. О всемъ вышеписанномъ извѣстите другихъ и сами отправляйтесь къ намъ; подробности раскажетъ вамъ изустно податель этого письма. Ожидая васъ съ нетерпѣніемъ, пребываю вашей милости братомъ и слугою—Александръ-Левъ. Изъ Чорштына, 18 іюня, 1651 года. Всей братіи нашей, принявшей нашу сторону, бью челомъ. Слѣдуетъ вручить поспѣшно моему любезному другу, пану Станиславу Лентовскому, маршалку братіи нашей".

Копія письма отъ ректора [1]), правильнѣе школьнаго учителя, въ селѣ Пцимѣ, Мышеницкой волости, отчаяннаго разбойника и постояннаго бунтовщика противъ всѣхъ краковскихъ кастелляновъ, пановъ своихъ, писаннаго къ тому-же Косткѣ:

„Милостивый государь мой! Извѣстія, полученныя мною въ письмѣ вашей милости, буду, какъ можно поспѣшнѣе и точнѣе, распространять среди крестьянъ, пользуясь для этого содѣйствіемъ вѣрныхъ послѣдователей Христовой истины [2]), искренно преданныхъ его величеству, милостивому государю нашему, Іоанну Казиміру, королю польскому. Поспѣши, ваша милость, вновь разослать циркуляръ къ крестьянамъ нашей мѣстности, который-бы усилилъ ихъ довѣріе и побудилъ ихъ скорѣе собираться въ отряды. Многіе изъ нихъ давно уже заявляютъ, что если-бы получили разрѣшеніе короля, то охотно отправились-бы въ походъ

---

1) Рѣчь идетъ о нѣкоемъ Мартинѣ Радецкомъ, бывшемъ школьнымъ учителемъ въ одномъ изъ солтысскихъ школъ—Пцыми, въ теченіи 40 лѣтъ. Радецкій былъ послѣдователемъ ученія анабаптистовъ; остатки этой секты пріютились въ краковскомъ Подгоріи (ibid, стр. 313).

2) Авторъ вѣроятно разумѣетъ анабаптистовъ.

противъ шляхтичей и принялись-бы истреблять ихъ дворы, дабы прекратить господство на землѣ шляхетской гордости, злобы и тиранства. Затѣмъ поручаемъ себя покорно вниманію вашей милости. Въ Пцимѣ, 20 іюня, 1651 года. Вашей милости покорный слуга—Мартинъ, ректоръ школы пцимской. Слѣдуетъ вручить моему милостивому государю, господину Льву, вѣрному подданному его королевской милости".

Копія универсала того-же Костки, отправленнаго, согласно желанію, выраженному въ вышеприведенномъ письмѣ, на имя того же ректора: „Миръ Христовъ! Всѣмъ вообще и каждому въ отдѣльности вѣрнымъ подданнымъ его королевской милости желаю добраго здравія и ниспосланія отъ Всевышняго святой воли и свободы. Извѣщаю васъ симъ отъ имени Господа Бога и короля его милости, что шляхтичи намѣрены произвести мятежъ противъ короля и потому всѣ, расположенные къ королю, пусть спѣшатъ соединиться подъ моимъ начальствомъ въ Чорштынѣ и пусть отправляются туда подъ командою господина ректора Пцимскаго, назначеннаго королевскимъ полковникомъ. Онъ приметъ надъ вами начальство, приведетъ васъ ко мнѣ и будетъ во всемъ руководить вами. Король, его милость, обѣщаетъ полную волю всѣмъ тѣмъ, которые теперь примутъ его сторону, притомъ онъ предоставляетъ въ ваше распоряженіе шляхетскіе дворы и всякое обрѣтающееся въ нихъ имущество. Дерзайте освободиться отъ тяжкой неволи, пользуясь благопріятнымъ временемъ. Лучше вы ихъ истребите, чѣмъ они васъ до конца будутъ угнетать; достаточно паны издѣвались надъ вами и плачь вашъ вопіетъ предъ Господомъ и требуетъ имъ кары. Посылая второе мое письмо господину ректору, присоединяю къ нему сей универсалъ; притомъ предостерегаю васъ, согласно съ королевскою инструкціею, чтобы вы не довѣряли никакимъ другимъ универсаламъ, хотя-бы они и были скрѣплены королевскою печатью и подписью, ибо онъ можетъ разослать ихъ вслѣдствіе принужденія отъ шляхтичей. Мы должны поскорѣе дѣлать свое дѣло. Ко дню святого Іоанна мы пойдемъ на Краковъ,—туда я уже повсемѣстно разослалъ универсалы къ крестьянамъ, и они явятся охотно; изъ области новоторжской придутъ всѣ поголовно и господинъ Станиславъ маршалокъ будетъ у нихъ полковникомъ. Прошу васъ, когда будете проходить черезъ Новый Торгъ, не трогайте пана Здановскаго и оставьте въ покоѣ всѣ села, въ которыхъ увидите вѣнки, вывѣшенные на вѣтвяхъ; также прошу

васъ охранять церкви, ибо мы отправляемся на войну за Господа, за кривду людей и за достоинство короля. Выданъ въ Чорштынѣ, 22 іюня, 1651 года. Александръ Левъ изъ Штемберка Костка, староста чорштынскій".

Копія письма отъ того-же Костки, писаннаго изъ Чорштына къ подстаростѣ новоторжскому [1]), а также сочиненные имъ стихи, въ которыхъ онъ насмѣхается надъ Михаиломъ Іорданомъ. Послѣдній по порученію краковскаго епископа и шляхтичей, остававшихся дома, съ отрядомъ въ нѣсколько сотъ человѣкъ подступилъ къ Чорштыну и хотѣлъ овладѣть имъ, но долженъ былъ отступить безъ успѣха, по поводу недостатка въ осадномъ матеріалѣ:

„Милостивый отецъ и благодѣтель! Скорблю всѣмъ сердцемъ о томъ, что вы изъ-за меня потерпѣли столь много и невинно. Прошу васъ: отправьте ко мнѣ поскорѣе ваше имущество и сами пріѣзжайте ко дню св. Іоанна; къ тому сроку ко мнѣ соберется большое войско. Воля Господня требуетъ, чтобы страшныя беззаконія были усмирены; дай Господи этого достигнуть безъ пролитія крови христіанской. Я намѣренъ, оставивъ васъ здѣсь хозяиномъ, выступить въ походъ съ войскомъ туда, куда Господу будетъ угодно. Я сообщилъ-бы вамъ извѣстія о добычѣ, но надѣюсь васъ вскорѣ лично увидѣть, тѣмъ болѣе, что вскорѣ будетъ уже не безопасно ѣздить и притомъ тревожусь мыслью, чтобы епископъ не предпринялъ чего-либо противъ васъ. Во всякомъ случаѣ привѣсьте вѣнецъ на обожженномъ шестѣ. Больше писать къ вамъ не буду. Всѣмъ вамъ бью охотно челомъ и ожидаю васъ. Посылаю вамъ стихотворное повѣтствованіе о моей осадѣ и перстень съ рубиномъ для иконы Богородицы въ городѣ или въ Шафлѣ. Вашъ благорасположенный слуга Александръ-Левъ изъ Штемберка. Слѣдуетъ поспѣшно вручить многоуважаемому благодѣтелю моему, господину Викторину Здановскому, подстаростѣ въ Новомъ Торгѣ".

---

[1]) Когда Бзовскій рѣшился организовать народное возстаніе, то онъ прежде всего явился въ городъ Новый Торгъ (Nemavent), лежащій въ центрѣ Подгорія; онъ нашелъ здѣсь радушный пріемъ у мѣстнаго подстаросты Викторина Здановскаго, который искренно повѣрилъ, что Бзовскій дѣйствуетъ въ силу королевскаго порученія и потому оказывалъ ему полное содѣйствіе и закючилъ съ нимъ личную дружбу.

Затѣмъ слѣдуетъ въ рукописи стихи сатирическіе, содержащіе описаніе осады Чорштына ротмистромъ Іорданомъ. Мы не приводимъ этихъ стиховъ, такъ какъ они напечатаны въ сочиненіи Кубали: «Szkice historyczne» т. I, стр. 328—329.

Получивъ эти точныя извѣстія о предстоящихъ опасностяхъ, всѣ въ лагерѣ были крайне смущены, но такъ какъ было уже поздно, то совѣтъ о принятіи необходимыхъ мѣръ былъ отложенъ до слѣдующаго утра.

Іюня 24. Часть войска, которая еще оставалась на той сторонѣ, переправилась къ Берестечку въ королевскій лагерь и расположилась на назначенныхъ для нея мѣстахъ. Мѣстоположеніе лагеря выбрано прекрасно: передъ его фронтомъ къ востоку простиралось обширное ровное поле, тянувшееся въ необозримую даль и только въ средней своей части возвышавшееся въ видѣ незначительныхъ холмовъ; на немъ удобно могли развернуться для сраженія громадныя войска. Съ правой стороны оно было окаймлено большимъ лѣсомъ, простирающимся по направленію къ Лесневу и Щуровицамъ; лѣсъ этотъ приказано было занять для того, чтобы послѣ прихода враговъ, они не могли въ немъ скрываться и устраивать засадъ. Лѣвая сторона поля прилегала къ рѣчкѣ Плешовой, текущей отъ Кременца и впадающей въ Стырь; рѣчка эта, начиная отъ села Плешовой, образуетъ со стороны, обращенной къ лагерю, большіе разливы и непроходимыя болота. Позади лагеря находилось мѣстечко Берестечко и рѣка Стырь, текущая среди болотъ, занимающая оба ея берега; на ней расположены съ одной стороны мѣстечко Стустѣлецъ, славящееся въ той мѣстности отличнымъ пивомъ, съ другой—Перемысль, съ крѣпкимъ замкомъ; оба мѣстечка въ разстояніи одной мили отъ Берестечка. Въ описанной мѣстности разбитъ былъ лагерь весьма безпорядочно и занялъ слишкомъ много пространства по причинѣ страшной безурядицы, ибо каждый располагался тамъ, гдѣ ему было угодно, а не тамъ, гдѣ ему назначена была стоянка.

Между тѣмъ, пока мы размѣщались въ лагерѣ, поголовное дворянское ополченіе, основавшееся по той сторонѣ рѣки, было вечеромъ сильно встревожено ложнымъ извѣстіемъ, будто татаре переправляются на ту сторону рѣки; дворяне подняли страшный шумъ, стали стрѣлять изъ ружей и долго простояли въ строю на лошадяхъ. Вечеромъ возвратился изъ разъѣзда двухдневнаго Середа; онъ не могъ ничего разузнать по причинѣ неповиновенія своей команды, составленной изъ сборной дружины.

Въ тотъ же день получено новое письмо отъ краковскаго епископа съ извѣстіями о вышеупомянутомъ Косткѣ и о сильномъ волненіи крестьянъ въ окрестностяхъ Кракова; епископъ просилъ прислать какъ можно скорѣе подкрѣпленія, указывая на то, что въ противномъ случаѣ Краковъ и вся та мѣстность подвергнутся большой опасности по причинѣ полнаго отсутствія военныхъ силъ, такъ какъ всѣ шляхтичи ушли въ поголовное ополченіе, что открывало свободное поле своеволію и мятежнымъ замысламъ. Немедленно состоялся совѣтъ: разсуждали, кого куда слѣдуетъ отправить, но въ этотъ вечеръ не пришли ни къ какому рѣшенію.

Ночью получено извѣщеніе отъ подстаросты изъ Бродъ, котораго лазутчики извѣстили, что орда уже соединилась съ Хмельницкимъ, хотя неизвѣстно, пришелъ-ли лично ханъ, или нѣтъ. Тотчасъ отправили въ разъѣздъ двѣ козацкія хоругви изъ полка маршала короннаго (Юрія Любомирскаго), занимавшаго въ ту ночь караулы. Хоругви эти отправились къ Лесневу, но возвратились, ничего не провѣдавши.

Іюня 25. Опять собранъ былъ совѣтъ для обсужденія, какой отрядъ войска слѣдовало отправить въ Краковъ какъ для защиты границы, такъ и для предупрежденія своеволія. Сначала упрашивали маршала короннаго, чтобы онъ принялъ на себя это бремя; но когда онъ скромно отказался, утверждая, что предпочитаетъ оставаться при королѣ (правдоподобно онъ желалъ теперь возстановить подвигами на глазахъ короля свою репутацію, нѣсколько пострадавшую въ дѣлѣ у Пилявецъ), то возложили защиту той области на мечника короннаго Михаила Зебржыдовскаго; его отрядили подъ Краковъ съ нѣсколькими сотнями, находившимися подъ его начальствомъ, присоединивъ къ нимъ четыре наемныя козацкія хоругви и четыре эскадрона драгунъ пана Мартина Чернецкаго и давъ ему полномочіе противудѣйствовать опасности по своему усмотрѣнію, сообразно съ обстоятельствами. Къ отряду этому былъ прикомандированъ и кочующій коронный (Александръ Любомирскій), который хотя и охотно остался-бы съ своимъ отрядомъ при королѣ, но сообразивъ, что здѣсь ему почти нечего дѣлать и предполагая, что война затянется на долго, охотно согласился отправиться въ походъ и сталъ немедленно собираться. Онъ былъ введенъ въ заблужденіе ложными показаніями языковъ, будто Хмельницкій рѣшилъ отступить въ Украйну; мнѣніе это подтверждало и извѣстіе, присланъ-

ное Стефаномъ Чарнецкимъ, будто видѣли Хмельницкаго у Ямполя, занятаго выборомъ и устройствомъ переправы для отступленія своего войска. Вслѣдствіе этого въ лагерѣ нашемъ распространилось мнѣніе, что съ козаками придется встрѣтиться развѣ у Кіева; потому Александръ Любомирскій разсчитывалъ скорѣе отличиться въ Подгоріи; притомъ-же онъ безпокоился за свои помѣстья, которыя всѣ почти были расположены въ окрестности Кракова и опасался, чтобы они не были разорены мятежниками. Передъ выходомъ изъ лагеря онъ получилъ слѣдующій универсалъ отъ короля и аттестацію отъ маршала короннаго:

„Іоаннъ-Казиміръ, Божіею милостью король польскій, великій князь литовскій, русскій, прусскій, мазовецкій, жемоидскій, лифляндскій, смоленскій и черниговскій, наслѣдственный король шведскій, датскій и вандальскій.

Всѣмъ вообще и каждому въ отдѣльности, кому сіе вѣдать надлежитъ, особенно-же любезнымъ намъ сановникамъ, урядникамъ, старостамъ и всему рыцарству и обывателямъ нашей короны симъ оповѣщаемъ, что для усмиренія бунта и мятежа, произведеннаго въ краковскомъ воеводствѣ и во всемъ Подгоріи нѣкоимъ разбойникомъ, Александромъ Косткою, мы отправили изъ нашего лагеря съ отрядомъ войска благороднаго Александра Любомирскаго, конюшія коронnаго, старосту сандомирскаго, совмѣстно съ мечникомъ короннымъ, благороднымъ Михаиломъ Зебржыдовскимъ, старостою лянцкоронскимъ и снятинскимъ. Посему мы вышепоименованныхъ лицъ, равно какъ и товарищей и челядь дворянскаго происхожденія, которые принимаютъ участіе въ этой командировкѣ и перечислены въ спискѣ, подписанномъ великимъ короннымъ маршаломъ, освобождаемъ отъ поголовнаго ополченія, подъ условіемъ, что никто изъ нихъ не будетъ отлучаться отъ своей хоругви и они до того времени будутъ оставаться подъ начальствомъ упомянутаго коронnаго конюшія, занимаясь исключительно усмиреніемъ крестьянскаго возстанія, пока ихъ самъ конюшій не отпуститъ и не выдастъ о томъ аттестаціи, которую они обязаны будутъ хранить. Посему, еслибы кого либо изъ числа товарищей или челяди изъ отряда коронnаго конюшія кто либо пожелалъ обезпокоить за неявку въ поголовное ополченіе, то послѣ предъявленія упомянутой аттестаціи каждый изъ нихъ освобождается отъ всякой дальнѣйшей отвѣтственности. Въ удостовѣреніе чего, при подписи руки нашей, мы приказали

приложить печать великую коронную. Дано въ лагерѣ у Берестечка дня 26 іюня, 1651 года. Іоаннъ Казимиръ король (М. П.)"

Затѣмъ въ рукописи Освѣцима приложена копія аттестаціи, выданной великимъ маршаломъ коронным, въ которой поименно перечислены 56 дворянъ, находившихся въ отрядѣ Любомирскаго и освобождавшихся отъ участія въ поголовномъ ополченіи. Въ числѣ ихъ на первомъ мѣстѣ названъ Станиславъ Освѣцимъ.

Въ тотъ же день послѣ обѣда вступилъ въ лагерь князь Доминикъ Заславскій, воевода краковскій, и представилъ королю нѣсколько сотъ прекраснаго, навербованнаго имъ войска, а именно: двѣ хоругви гусарскія, шесть козацкихъ и одну драгунскую; вмѣстѣ съ нимъ Брунакъ доставилъ одну хоругвь охотниковъ.

Іюня 26. Получивъ вышеприведенные королевскій универсалъ и аттестацію отъ маршала, освобождавшіе насъ отъ взысканій за неявку въ поголовное ополченіе, мы выступили въ полдень изъ лагеря въ походъ на Подгоріе для усмиренія мятежниковъ. Переночевавши первую ночь въ таборѣ у села Галичанъ, мы затѣмъ шли, подвигаясь настолько быстро, насколько это возможно было для пѣхоты, по тому-же пути, по которому прибыли въ лагерь. Между тѣмъ король, не видя приближенія непріятеля и не имѣя точныхъ извѣстій о его движеніяхъ и введенный въ заблужденіе ложными показаніями языковъ, будто онъ отступаетъ въ Украйну, разсчитывая захватить его раньше отступленія или застичь его гдѣ-либо на переправѣ, приказалъ всему войску приготовиться къ выступленію въ дальнѣйшій походъ на слѣдующій день.

Іюня 27. Согласно постановленію военнаго совѣта, состоявшемуся наканунѣ, возы всего войска тронулись до разсвѣта въ предположенный путь къ Дубну, и само войско построилось въ походной порядокъ. Король основывался главнымъ образомъ на извѣстіи, полученномъ отъ Стефана Чарнецкаго (который недавно, какъ было упомянуто, отправился на рекогносцировку съ отрядомъ въ нѣсколько тысячъ человѣкъ), утверждавшаго, что татаре не соединились съ козаками и что послѣдніе не только не думаютъ о наступленіи на насъ, но, напротивъ, весьма усердно заняты устройствомъ переправъ для своего отступленія. Но въ ту минуту, по чудесному изволенію Божія промысла, сообщена была вѣсть отъ Забужскаго, находившагося въ разъѣздѣ, что ханъ несомнѣнно соединился съ Хмельницкимъ, и что они наступаютъ на наше войско, съ намѣреніемъ овладѣть переправою черезъ рѣчку, что Хмельницкій отправилъ передовой отрядъ, числомъ около

15,000, подъ начальствомъ Богуна къ селу Горынкѣ для того, чтобы занять нужную дорогу. Хотя подобнаго рода извѣстія часто насъ обманывали и отклоняли отъ полезныхъ намѣреній, но, къ счастью, въ этомъ случаѣ извѣщенію повѣрили, и король, по представленію кастеляна краковскаго (гетмана Николая Потоцкаго), воздержался въ этотъ день отъ выступленія и обозу приказалъ возвратиться. Вслѣдъ затѣмъ стали получаться одно за другимъ извѣщенія совершенно достовѣрныя о приближеніи непріятеля и о томъ, что онъ, узнавъ, что войско наше выступаетъ въ походъ, сталъ, по мѣрѣ возможности, ускорять свой путь. Не встрѣчая однако нашего войска (которое, лишь благодаря волѣ Провидѣнія, осталось у Берестечка), онъ остановился въ недоумѣніи въ полуторѣ мили отъ насъ и ночью, со вторника на среду, сталъ переправлять свое войско и обозы, устроивъ переправы въ двухъ мѣстахъ. На одной изъ нихъ на него наткнулся разъѣздъ князя Вишневецкаго, бывшій подъ начальствомъ пана Бейдковскаго, и былъ совершенно разгромленъ; бѣглецы принесли самое точное извѣстіе о врагахъ. Въ то-же время возвратился изъ разъѣзда Стефанъ Чарнецкій; но онъ вмѣсто того, чтобы снискать себѣ славу и посрамить короннаго хорунжія (Александра Конецпольскаго), напротивъ, уронилъ свою репутацію; ибо, вмѣсто того, чтобы добыть непріятельскаго языка и доставить точныя свѣдѣнія о намѣреніяхъ враговъ, онъ пригналъ лишь нѣсколько тысячъ головъ скота, захваченнаго имъ на Волыни, чѣмъ вспомоществовалъ лишь разоренію края, и едва не подвергъ все войско величайшей опасности, подавъ ложное извѣстіе объ отступленіи непріятеля, чѣмъ едва не вызвалъ несвоевременнаго нашего похода.

Іюня 28, въ среду, въ 8 часовъ утра получено извѣстіе, что враги уже переправились и приближаются къ намъ и что орда уже столкнулась съ нашими разъѣздами около переправы. Король немедленно приказалъ войску выступить въ поле и непосредственно передъ лагеремъ поставилъ его въ строй гораздо лучшій, чѣмъ тотъ, который прежде былъ начерченъ на бумагѣ. Два часа спустя, появилась конница татарская и нѣсколько козацкой. Они зажгли во всей окрестности дворы, села, а также мѣстечко Лесневъ, желая устрашить насъ огнемъ и дымомъ. Захвативъ много нашей челяди и лошадей на пастбищахъ, взяли ихъ въ добычу. Герцовники съ обѣихъ сторонъ состязались, но такъ какъ наши полки стояли благоразумно у лагеря и батарей, то враги не особенно сильно налегали. Войско наше стало наконецъ скучать

вслѣдствіе долгаго пребыванія въ строю безъ всякаго дѣла, почему около 5 часовъ вечера хоружій коронный обратился къ кастеляну краковскому съ просьбою, чтобы онъ дозволилъ испробовать счастія. Гетманъ предложилъ ему самому отправиться въ атаку; хоружій весьма охотно принялъ это предложеніе и просилъ лишь, чтобы ему дано было подкрѣпленіе. Совмѣстно съ нимъ былъ отряженъ маршалъ коронный; оба полка двинулись стремительно въ то мѣсто, гдѣ виднѣлась орда и удалились отъ лагеря на такое разстояніе, что невозможно было скоро поддерживать ихъ подкрѣпленіями. Враги, воспользовавшись этимъ, налегли на нихъ всѣми силами; но хоружій коронный, не обращая вниманія на численность враговъ, бросился на нихъ съ рѣшимостью; за нимъ послѣдовалъ съ полкомъ своимъ маршалъ коронный; вскорѣ въ подмогу имъ пришли шесть козацкихъ хоругвей князя Вишневецкаго, воеводы русскаго, и Стефанъ Чарнецкій, поручикъ гетмана великаго съ ротою гусаръ. Они смѣшались съ врагами и почти цѣлый часъ продолжалась стычка среди криковъ и замѣшательства. Наконецъ Господь помогъ нашимъ; непріятель не выдержалъ рукопашнаго боя на саблихъ и обратился въ бѣгство столь стремительное, что умчался вскачь, не останавливаясь и безъ оглядки; наши, также вскачь, преслѣдовали его на разстояніи мили до болота переправы, гдѣ должны были удержаться отъ дальнѣйшей погони по причинѣ приближенія ночи. Уронъ непріятеля былъ незначителенъ, ибо сни имѣли весьма быстрыхъ коней и убѣгали во всю прыть, наши-же преслѣдовали ихъ, сохраняя правильный строй своихъ хоругвей. Впрочемъ и то было утѣшительно, что въ первой встрѣчѣ, по милости Божіей, враги не только не имѣли успѣха, но, напротивъ того, были посрамлены и прогнаны съ поля битвы за переправу. Взяты въ плѣнъ: болѣе 20 всадниковъ и одинъ мурза; они показали, что этотъ передовой отрядъ состоялъ изъ 12,000 отборной конницы изъ татаръ бѣлгородскихъ, крымскихъ и урумбейскихъ, отправленной для предварительнаго испытанія нашихъ силъ. Нѣкоторые утверждали, что съ ними находились ханъ и Хмельницкій, но что они заблаговременно удалились. Убито было татаръ только немного больше сотни, по причинѣ весьма быстраго ихъ бѣгства. Въ нашемъ войскѣ не погибъ ни одинъ почти товарищъ, такъ что, одержавъ безкровную побѣду, наши возвратились въ лагерь въ часъ ночи. Коронный хоружій пріобрѣлъ въ этомъ дѣлѣ большую славу, такъ какъ онъ первый погрузился

въ это море и въ глазахъ всего войска разъигралъ первую сцену военной драмы. Не менѣе доблестно поступилъ и маршалъ коронный, поспѣвшій своевременно съ своимъ полкомъ и отборною хоругвью въ 200 человѣкъ въ подмогу коронному хорунжію; онъ поступилъ, какъ слѣдовало хорошему воину, не увлекся личною завистью и оказалъ поддержку сыну великаго полководца (Конецпольскаго). Наши сочли успѣхъ этого дня хорошимъ предзнаменованіемъ и какъ-бы предвѣстникомъ полной побѣды надъ врагами.

Іюня 29, въ четвергъ. Мы испытали, что военное счастье весьма измѣнчиво: послѣ удачной вчерашней стычки съ татарскою конницею случилась перемѣна. Съ ранняго утра ханъ и Хмельницкій стали приближаться; кастелянъ краковскій вывелъ войско въ поле и построилъ его нѣсколько дальше отъ валовъ (которыми окруженъ былъ лагерь непосредственно послѣ полученія извѣстія о приближеніи враговъ), опираясь сзади лишь на одну батарею. Долго съ обѣихъ сторонъ занимались только джигитовкой; татаре, поддразнивая нашихъ, старались вовлечь ихъ въ засаду, устроенную козаками среди лозовыхъ зарослей; но наши, руководясь болѣе осмотрительностью, чѣмъ храбростью, ограничивались тѣмъ, что прогоняли татаръ съ поля, но въ засаду не бросились. Потомъ на правомъ флангѣ вступили въ бой полки воеводъ: брацлавскаго (Станислава Лянцкоронскаго) и подольскаго (Станислава Потоцкаго) столь успѣшно, что татаре были прогнаны, и вся орда едва не обратилась въ бѣгство, подобное вчерашнему. Но въ полдень они опять наступили со всѣми силами и подошли такъ близко, что постепенно заняли все поле; уже нашимъ трудно было и выступить изъ строя въ свободное пространство. Послѣ продолжительной джигитовки кастелянъ краковскій отрядилъ въ бой три полка: свой собственный, маршала коронаго и подкоморія литовскаго. Они бросились храбро впередъ и такъ сильно налегли на непріятеля, что сразу принудили его отступать, но вскорѣ враги, замѣтивъ, что наши слишкомъ далеко увлеклись отъ своего войска и что подкрѣпленія къ нимъ не подходятъ, оправились и стали вновь наступать; наши, не теряя мужества, не отступали и смѣшались съ ними до того, что трудно было различить поляковъ отъ татаръ, которые въ тотъ день выѣхали въ нарядныхъ одеждахъ; наши не могли почти сообразить, кому наносить удары, ибо татарскіе бунчуки и польскія знамена развѣвались рядомъ; только турковъ

(которыхъ среди нихъ было до 5,000) можно было отличить по тюрбанамъ. Въ такомъ видѣ упорная схватка продолжалась почти два часа, съ значительнымъ для насъ урономъ вслѣдствіе того, что наши увлеклись дальше, чѣмъ слѣдовало, отъ войска и не получали подкрѣпленій. Многіе легли въ битвѣ, а именно: Казановскій, кастелянъ галицкій, Юрій Оссолинскій, староста люблинскій, Лигенза, мечникъ перемышльскій, Николай Ржечицкій (оба послѣдніе охраняли маршала короннаго, который также находился въ большой опасности), Козика, богатый дворянинъ, единственный сынъ у матери; ротмистръ Ермолай Іорданъ погибъ съ цѣлою хоругвью; Янъ Собесскій, староста яворовскій (будущій король), уже былъ окруженъ татарами и почти чудомъ спасся. Ранены были выстрѣлами: обозный литовскій Янъ Сапѣга, хорунжій галицкій Станиславскій и многіе другіе. Знамя кастеляна краковскаго взято врагами неизвѣстно по чьей винѣ; говорятъ однако, что по нерадѣнію самаго знаменоносца, который самъ бѣжалъ невредимо, но не хотѣлъ передать знамени другому товарищу. Пока битва эта происходила на одномъ флангѣ, на другомъ непріятель напалъ съ равнымъ ожесточеніемъ на полкъ воеводы Брацлавскаго; трижды онъ былъ окруженъ многочисленною толпою враговъ и каждый разъ храбро пробивался; при этомъ палъ ротмистръ Сигизмундъ Лянцкоронскій и многіе товарищи. Въ помощь ему пришли отряды дворянскаго поголовнаго ополченія изъ повѣтовъ: перемышльскаго, саноцкаго, сѣрадскаго, вѣлюнскаго и другихъ, но и они потеряли въ стычкѣ очень многихъ шляхтичей; въ томъ числѣ погибли: Янъ-Адамъ Стадницкій, подкоморій саноцкій, Юрій Стано и другіе. Отъ опасности этой освободились наши полки только тогда, когда воевода подольскій быстрымъ и своевременнымъ движеніемъ ударилъ на враговъ и заставилъ ихъ отступить. И такъ этотъ день былъ для насъ несчастенъ вслѣдствіе гибели многихъ знатныхъ людей и хорошихъ воиновъ; но и для татаръ онъ былъ чувствителенъ: по крайней мѣрѣ 1000 убитыхъ и раненныхъ они насчитывали, въ томъ числѣ пало много знатныхъ мурзъ, между ними: Мехметъ-Гирей-мурза и Тугай-бей. Взятъ бунчукъ Асланъ-мурзы и въ плѣнъ попалъ молодой знатный Муфрахъ-мурза, въ то время, когда онъ налетѣлъ на старосту яворовскаго (Яна Собѣсскаго). Сабля Тугай-бея досталась на долю старосты красноставскаго (Марка Собѣсскаго), который весьма храбро сражался въ этой битвѣ и потерялъ семь товарищей изъ своей хоругви. Послѣ

столь значительныхъ обоюдныхъ потерь непріятель сошелъ съ поля въ четыре часа, наши-же въ совершенномъ порядкѣ отступили къ лагерю только вечеромъ. Затѣмъ прекратились непріятельскія дѣйствія, и обѣ стороны занялись уборкою мертвыхъ тѣлъ съ поля сраженія.

Король нисколько не падалъ духомъ вслѣдствіе гибели стольких знатныхъ лицъ, напротивъ того, онъ утѣшалъ и укрѣплялъ духомъ раненыхъ; но войско послѣ этого кроваваго дѣла потеряло самоувѣренность, такъ что вечеромъ только немногіе оставались у знаменъ. Видя значительный упадокъ духа нашихъ солдатъ, произшедшій еще до появленія въ полѣ непріятельской пѣхоты и табора, можно было съ вѣроятностью предполагать, что они-бы не сдержали натиска враговъ, если-бы послѣдніе въ тотъ-же день налегли всѣми силами, какъ они это сдѣлали на слѣдующій; но Господь отвратилъ отъ насъ это бѣдствіе. Когда на закатѣ дня войско возвратилось въ лагерь, король, опасаясь, чтобы солдаты, встревоженные неудачею, не потеряли мужества, дисциплины и окончательно не пали духомъ и не сдѣлались негодными для битвы, объявилъ приказъ военнаго совѣта, чтобы сейчасъ послѣ полуночи, оставивъ только челядь въ лагерѣ, все войско конное и пѣшее выступало съ цѣлью атаковать непріятеля и вступить съ нимъ въ рѣшительную битву. Мѣра эта показалась весьма рискованною и вызвала сильное смятеніе, но иначе и не возможно было поступить, ибо всякое промедленіе усилило-бы напрасно утомленіе людей и лошадей и наводило-бы большій страхъ. Впрочемъ намѣреніе рѣшительной битвы не исполнилось, ибо Господь указалъ намъ иное, болѣе безъопасное средство для разгрома непріятеля.

Іюня 30, въ пятницу. Господь избралъ этотъ день для укрощенія гордости враговъ и для избавленія отечества нашего отъ угрожавшей ему очевидной опасности. Ночью опустился густой туманъ, продолжавшійся до 8 часовъ утра; казалось, что обстоятельство это слагается въ пользу татаръ и козаковъ, которымъ такая погода болѣе благопріятна. Между тѣмъ король, не смотря на туманъ, приказалъ войску выступать въ полѣ, и оно въ правильномъ строѣ расположилось на мѣстѣ, удобномъ для битвы. Непріятель въ теченіи всей ночи занятъ былъ переправою войска и табора черезъ болото; съ утра онъ показался на возвышенностяхъ въ огромномъ количествѣ и послѣ того, какъ туманъ поднялся, онъ увидѣлъ неожиданно войско наше въ боевомъ порядкѣ.

Оно расположено было слѣдующимъ образомъ: въ серединѣ стояла пѣхота, рейтары, артиллерія и гусарскій королевскій полкъ; на правомъ флангѣ: впереди кастелянъ краковскій (гетманъ великій Николай Потоцкій) съ своимъ полкомъ, и маршалъ коронный (Юрій Любомирскій); за ними въ резервѣ полки: воеводы брацлавскаго (Станислава Лянцкоронскаго), хорунжія короннаго (Александра Конецпольскаго) и подканцлера литовскаго (Льва Сапѣги), а также поголовное дворянское ополченіе—воеводства Великой Польши и Мазовіи. На лѣвомъ флангѣ стояли полки: воеводы подольскаго (Станислава Потоцкаго), воеводы черниговскаго (польнаго гетмана Мартина Калиновскаго), который и начальствовалъ этимъ флангомъ, воеводы брестскаго (Симона Щавинскаго), воеводы русскаго (князя Іереміи Вишневецкаго), кастеляна черниговскаго (Яна Оджывольскаго) и старосты калусскаго (Замойскаго); въ резервѣ за ними дворянское ополченіе воеводствъ: краковскаго, сандомирскаго, ленчицкаго, сѣрадзкаго и другихъ. Лагерь защищали пѣхота и челядь. Непріятель покрывалъ все поле на милю разстоянія; на лѣвомъ его флангѣ (противъ нашего праваго) стоялъ ханъ со всѣми ордами; на правомъ—Хмельницкій съ козаками, желавшій отличиться въ глазахъ хана.

Въ такомъ порядкѣ оба войска придвинулись другъ къ другу; наши остановились у послѣдняго полеваго редута. Хмельницкій выдвинулъ свой таборъ на гору, но, не желая первымъ вступать въ дѣло, онъ съ утра до полудня медлилъ. Непріятели ограничивались тѣмъ, что вызывали нашихъ герцовниковъ; но король запретилъ принимать вызовъ подъ опасеніемъ смертной казни; король въ свою очередь не желалъ идти въ атаку и ограничился артиллерійскимъ огнемъ, который производилъ въ рядахъ непріятеля нѣкоторое смущеніе. Такое положеніе продолжалось до трехъ часовъ по полудни. Наконецъ король, убѣдившись, что непріятель не хочетъ начинать дѣла, собралъ на совѣтъ начальниковъ, болѣе близко къ нему расположенныхъ отрядовъ и предложилъ вопросъ о томъ, что слѣдовало предпринять. Нѣкоторые, не безъ основанія, высказали мнѣніе, чтобы отложить битву на слѣдующій день, такъ какъ время уже клонилось къ вечеру и вѣтеръ дулъ въ лице нашему войску; но когда мнѣніе это было высказано, князь Вишневецкій, отъ имени всего войска, стоявшаго на лѣвомъ флангѣ, заявилъ желаніе, чтобы тотчасъ начинать битву и прислалъ Денгофа, старосту быдгоскаго, къ королю съ заявленіемъ отъ имени своего и всего воинства полной го-

товности вступить въ бой и съ просьбою подать знакъ къ атакѣ. Король возрадовался въ сердцѣ своемъ, узнавъ о таковомъ рвеніи войска, и, принявъ оное какъ вѣрное предзнаменованіе будущей побѣды, охотно склонился къ ихъ просьбѣ и выдалъ старостѣ быдгоскому приказъ къ наступленію, сообщивъ ему притомъ свое монаршее благословеніе. Лишь только послѣдній сообщилъ князю этотъ приказъ, тотчасъ грянули трубы и барабаны и самъ князь тронулся съ лѣвымъ флангомъ, ставъ впереди его съ 18-ю хоругвями кварцянаго войска. Непріятели также двинулись впередъ всею массою конницы и табора; они приступали быстро, особенно Хмельницкій съ козаками, такъ что онъ опередилъ лѣвый свой флангъ, на которомъ стояли татаре, и первый началъ битву. Съ нимъ столкнулся князь Вишневецкій, которому въ подкрѣпленіе пошли дворяне воеводствъ: краковскаго, сандомирскаго, ленчицкаго и другихъ. Весь этотъ флангъ исчезъ вскорѣ въ толпѣ непріятелей и долгое время ихъ не было видно, только раздавался гулъ отъ выстрѣловъ пушечныхъ и ружейныхъ; наши полагали, что никто изъ нихъ болѣе не возвратится. Оказалось однако, что эта атака увѣнчалась успѣхомъ: стремительнымъ и быстрымъ движеніемъ они заставили попятиться все козацкое войско и разорвали таборъ, хотя при этомъ и сами понесли чувствительныя потери. Въ помощь козакамъ пришли татаре отъ лѣваго фланга и тогда ряды наши, не будучи въ состояніи удержать напора слишкомъ численнаго врага, стали ослабѣвать и отступать къ редутамъ; но промыслу Божію угодно было поддержать ихъ; они оправились и возобновили наступленіе столь успѣшно, что непріятель, побѣжденный нашею рѣшимостью, долженъ былъ наконецъ податься. Козаки отступили въ свой таборъ (хотя онъ въ началѣ и былъ разорванъ, но они успѣли его возстановить), орда-же удалилась на близъ лежащую гору. Когда лѣвый флангъ, которому принадлежитъ вся слава этого дня, столь храбро сражался, король съ среднимъ корпусомъ двигался также впередъ въ большемъ порядкѣ; на него налетѣли большіе отряды татаръ, издавая, по своему обычаю, громкій крикъ: „Аллахъ! Аллахъ!“ Тѣмъ не менѣе полки наши наступали неустрашимо; впереди полковъ королевской гвардіи, князя Богуслава Радзивилла и Гоффальда, находившихся въ первомъ ряду корпуса, расположены были пушки, которыми весьма искусно управлялъ генералъ артиллеріи Сигизмундъ Пржыемскій; артиллеристы, дѣйствуя безъ устали мѣткими выстрѣлами, до того

смутили врага и нанесли ему столь чувствительныя потери, что онъ не былъ въ состояніи выдержать нашего напора и, наконецъ, позорно обратился въ бѣгство; всѣ татарскія орды, какъ-бы ослѣпленныя, бросились бѣжать по направленію къ Лесневу, оставивъ лишь нѣсколько отрядовъ конницы для прикрытія; конница эта съ криками „Аллахъ“ старалась скрыть отступленіе, но, когда подошелъ нашъ правый флангъ, аріергардъ татарскій отступилъ и бросился въ бѣгство вслѣдъ за своимъ войскомъ; въ погоню за ними отправились полки праваго фланга, но настичь ихъ удалось только одному полку короннаго хорунжія; вскорѣ наступила ночь и, вслѣдствіе строгаго королевскаго приказа, они должны были возвратиться къ войску. Впрочемъ и помимо этого трудно было настичь татаръ, ибо они бѣжали съ неимовѣрною быстротою, сбрасывая для облегченія: сѣдла, бурки, казаны и другія тяжести. Палатки свои они бросили въ кошѣ: ханскую палатку и его экипажъ получилъ въ добычу хорунжій коронный. Ханъ со всѣми ордами остановился въ ту ночь лишь за четыре мили въ мѣстечкѣ Козинѣ, жителей котораго онъ приказалъ перебить поголовно. Козаки и хлопы послѣ пораженія затворились въ таборѣ, который они кое-какъ сомкнули, и стали отступать; когда они наткнулись на рѣчку Пляшовую, то, опасаясь, чтобы во время переправы наши не разорвали ихъ табора, остановились на берегу болота и стали лагеремъ въ долинѣ. Наши, пользуясь побѣдою, безпрестанно на нихъ напирали, пока темнота ночи не заставила ихъ прекратить нападеніе въ виду столь осторожнаго и предусмотрительнаго противника. Войско наше расположилось на возвышенностяхъ, господствовавшихъ надъ козацкимъ таборомъ, и, благодаря Господа за столь важную побѣду, пропѣло гимнъ: „Тебе, Бога, хвалимъ!“ Оно простояло на этомъ мѣстѣ подъ знаменами, въ строю, не сходя съ лошадей, всю ночь, не смотря на сильный дождь, услаждая эту невзгоду воспоминаніемъ о побѣдѣ и присутствіемъ короля, которое вспомоществовало ободренію его духа.

Разсматривая подробности этого сраженія, всѣ единогласно были того мнѣнія, что война могла-бы быть кончена однимъ ударомъ и отечество освободилось-бы отъ дальнѣйшихъ невзгодъ, если-бъ битва была начата раньше, такъ чтобы дневнаго свѣта хватило для истребленія врага, и, особенно, еслибы правый флангъ дѣйствовалъ также энергично, какъ лѣвый, по крайней мѣрѣ въ то время, когда уже орда обратилась въ неукротимое бѣгство и

козацкій таборъ былъ разорванъ лѣвымъ флангомъ; но правый флангъ сильно опоздалъ и отсталъ на полъмили отъ средняго корпуса, вслѣдствіе чего и орда имѣла время убѣжать, прикрывъ свое бѣгство, и козаки, утомивъ лѣвый флангъ, не получавшій подкрѣпленія отъ праваго, успѣли возстановить свой строй, сомкнули таборъ и отступили къ болотамъ, гдѣ уже труднѣе было съ ними сладить. Король нѣсколько разъ посылалъ настоятельный приказъ воеводѣ брацлавскому, который въ тотъ день командовалъ правымъ флангомъ (за отсутствіемъ великаго гетмана Потоцкаго) и маршалу коронному, требуя, чтобы они поспѣшили занять мѣсто во фронтѣ на одномъ уровнѣ съ другими частями войска, и даже угрожая смертью за ослушаніе; но тѣ отвѣтили, что предпочитаютъ смерть гибели отечества и короля, оправдывая свою медлительность тѣмъ, будто въ прилегавшемъ къ нимъ лѣсу устроена засада, и требовали, чтобы король прислалъ имъ нѣсколько пушекъ, обѣщая, обстрѣлявъ лѣсъ и удаливъ изъ него засаду, двинуться впередъ и выровняться съ общимъ фронтомъ. Впослѣдствіи, въ оправданіе этого опасенія, они утверждали, что когда регименть Крейца съ двумя эскадронами конницы и двумя пушками, присланными королемъ, проникъ наконецъ въ тотъ лѣсъ, то заставилъ удалиться бывшихъ въ засадѣ непріятелей. Странно, что они такъ долго сторожили засаду и дозволили ей отступить невредимо. Впрочемъ многіе, даже изъ числа находившихся на томъ флангѣ, утверждали, что никакой засады и не было и что это была лишь пустая выдумка, придуманная для того, чтобы уклониться отъ опасности, предстоявшей при штурмѣ козацкаго табора. Какъ-бы то ни было, несомнѣнно однако, что это замедленіе было причиною, воспрепятствовавшею окончательно истребить врага и положить такимъ образомъ конецъ этой несчастной войнѣ. Пришлось намъ удовлетвориться хотя неполною, Богомъ намъ ниспосланною, побѣдою. Она, тѣмъ не менѣе, была весьма знаменита: мы побѣдили народы варварскіе, безчисленные, сбѣжавшіеся съ отдаленнѣйшихъ странъ. Передъ саблею короля преклонились и въ паническомъ страхѣ бѣжали дикія татарскія орды: силистрійская, урумельская, добруджская, также турки, волохи, урумбеки, пятигорцы—полчища, созванныя отъ береговъ Ледовитаго моря, отъ подножія гиперборейскихъ горъ и отъ моря Каспійскаго; важнѣе же всего то, что мы сломили въ полѣ зловреднаго звѣря—Хмельницкаго и безчисленную запорожскую саранчу, загнали ихъ съ

большимъ урономъ въ таборъ и предоставили дальнѣйшей мести побѣдоноснаго королевскаго оружія. Вѣроятно, со времени битвы подъ Грюнвальдомъ, отечество наше, а можетъ быть и весь міръ, не видали столь знаменитаго сраженія; съ обѣихъ сторонъ въ ней принимало участіе, по меньшей мѣрѣ, 500,000 человѣкъ. Этому не повѣрятъ ни иностранцы, ни, можетъ быть, даже наши потомки. Очевидцы сами болѣе изумлялись, чѣмъ вѣрили. Въ теченіи нѣсколькихъ часовъ случилось то, что мы считали невозможнымъ, именно—произошелъ разрывъ орды съ Хмельницкимъ; правда, съ нашей стороны шагъ былъ отчаянный: мы бросили кости, поставивъ въ одинъ разъ на рискъ существованіе нашего отечества. Но Господу не угодно было допустить посрамленія своего помазанника, святой католической вѣры и находившихся подъ его охраною церквей.

Въ трехдневной этой битвѣ мы потеряли до 700 человѣкъ, главнымъ образомъ, изъ числа товарищей и дворянъ вѣдомствъ: краковскаго, сандомирскаго и ленчицкаго; козаковъ легло безконечно больше, татары-же своихъ убитыхъ тотчасъ подбирали, стараясь даже не допустить ихъ падать съ лошадей. Объ этой битвѣ можно сказать то, что сказано о битвѣ римлянъ съ Югуртою: „никогда мы не сражались съ такимъ успѣхомъ и съ столь малымъ пролитіемъ нашей крови“. Козаки также никогда не одерживали большей побѣды съ столь незначительными потерями. Вся слава этой побѣды должна быть отнесена королю, хотя должны быть упомянуты имена и тѣхъ лицъ, которыя ему въ значительной мѣрѣ помогли, а именно: гетмана Николая Потоцкаго, князя Іереміи Вишневецкаго, хоружія коронnаго Конецпольскаго, писаря польскаго Пржыемскаго, генерала Губальда, которому король публично заявлялъ благодарность, и многихъ другихъ, прилагавшихъ всевозможныя усилія для того, чтобы доставить королю эту побѣду, за которую да прославится имя Господне.

Ханъ бѣжалъ постыдно, не испробовавъ надлежаще своихъ силъ и не сразившись серьезно съ нами какъ потому, что Божіею милостію сердца непріятелей поражены были страхомъ, такъ, главнымъ образомъ, потому, что Хмельницкій представилъ ему наше войско весьма слабымъ, составленнымъ изъ остатковъ раньше разбитыхъ армій; но, когда ханъ увидѣлъ, что вся сила и таборъ Хмельницкаго не только не имѣютъ успѣха, но должны позорно отступать, когда при томъ самъ испыталъ наши силы въ

трехдневныхъ стычкахъ, при чемъ въ середу его отборная конница была двумя нашими полками прогнана за переправу, а въ четвергъ онъ потерялъ въ битвѣ болѣе 1,000 всадниковъ изъ своей гвардіи,—онъ предпочелъ, не ожидая конца битвы, и не подвергая себя и своей орды дальнѣйшей опасности изъ-за козаковъ, уклониться благовременно отъ пораженія и удалиться въ свои кочевья. Наши, впрочемъ, не вполнѣ довѣряли его бѣгству, полагая, что татаре, по скиѳскому обычаю смѣняющіе бѣгство нападеніемъ, могутъ еще возвратиться или, по крайней мѣрѣ, прислать часть орды для того, чтобы испробовать счастья; но вскорѣ убѣдились въ неосновательности этихъ предположеній, ибо наши разъѣзды, ходившіе за ними въ погоню, возвратились съ извѣстіемъ, что они по дорогѣ не только сожигаютъ города и села и истребляютъ ихъ жителей, но даже, встрѣтивъ небольшой таборъ козацкій, шедшій къ главному войску и не знавшій о его пораженіи, напали на него и перебили всѣхъ козаковъ; нашимъ же солдатамъ, гнавшимся за ними, они кричали: „не бый!—татаръ утикаешъ—Хмельницка застаешъ!“

Хмельницкій, соображая дурной исходъ дѣла, видя, что его таборъ осажденъ, и опасаясь, чтобы козаки не были принуждены выдать его, въ случаѣ если онъ останется въ таборѣ, заблаговременно озаботился о своей безопасности и спасеніи. Онъ, вмѣстѣ съ совѣтникомъ своимъ Выговскимъ, помчался за ханомъ подъ тѣмъ предлогомъ, будто онъ намѣренъ упросить хана возвратиться съ ордою къ табору и не оставлять козаковъ на произволъ судьбы. Но все это былъ лишь предлогъ, придуманный для того, чтобы отдѣлаться отъ осажденныхъ козаковъ и хлоповъ, которые безъ того навѣрно бы его не отпустили и, выдавъ его головою, могли бы обезпечить собственное спасеніе; потому онъ и былъ принужденъ обмануть ихъ подъ благовиднымъ предлогомъ.

(Продолженіе будетъ).

Переписка гр. П. А. Румянцева о возстаніи въ Украйнѣ 1768 года.

Въ то время, когда достоуважаемый Н. И. Костомаровъ сообщилъ намъ 14-ть документовъ относительно «Коліивщины», помѣщенные въ августовской книжкѣ «Кіевской Старины», въ нашемъ распоряженіи было больше чѣмъ въ три раза документовъ той-же категоріи, имѣющихъ одно общее съ ними происхожденіе, находившихся въ одномъ и томъ-же архивѣ, но, по случайностямъ архивной судьбы, попавшихъ въ иныя руки. Ихъ слѣдовало снова соединить въ одну коллекцію, распредѣлить хронологически и въ такомъ видѣ предложить вниманію читателей. Мы не сдѣлали этого ради цѣннаго предисловія почтеннаго историка нашего, которое обнимало содержаніе лишь одной части документовъ, ему доставшихся; мы имѣли притомъ въ виду, что, кромѣ тѣхъ и другихъ документовъ, могутъ быть открыты, пожалуй даже скоро, новые, къ тому-же событію относящіеся и изъ того-же источника заимствованные, и—каждая новая серія ихъ будетъ требовать новаго поясненія.

Документы, которыхъ печатаніе мы теперь начинаемъ, составляли отдѣльный сборникъ, начатый еще въ 1851 году извѣстнымъ изслѣдователемъ нашей старины М. А. Максимовичемъ и предназначавшійся имъ для кіевской археографической коммисіи, его излюбленнаго дѣтища, ему главнымъ образомъ обязаннаго своимъ рожденіемъ. По смерти его, эта коллекція, очевидно далеко неполная и неоконченная, досталась достойнѣйшему продолжателю его трудовъ, Вл. Б. Антоновичу, предоставившему ее въ наше распоряженіе. Общее число переданныхъ намъ документовъ простирается до 50-ти и обнимаетъ собою время 1768—1779 г., а наибольшее ихъ число принадлежитъ къ 1768 году. Всѣ они извлечены покойнымъ Михаиломъ Александровичемъ изъ архива военно-походной канцеляріи бывшаго президента малороссійской коллегіи и малороссійскаго генералъ-губернатора, гр. П. А. Румянцева, впослѣдствіи получившаго титулъ Задунайскаго. Собственно это есть переписка гр. П. А. Румянцева, веденная имъ по дѣлу народнаго возстанія въ сопредѣльной съ райономъ его управленія тогдашней польской области, нынѣшнемъ юго-западномъ нашемъ краѣ, и главнымъ образомъ въ предѣлахъ нынѣшней кіев-

ской губерніи, и представляетъ рядъ всеподданнѣйшихъ и другихъ его писемъ и реляцій, отношеній, ордеровъ или приказовъ и т. под., но рядомъ съ исходившими отъ Румянцева бумагами, есть (къ сожалѣнію, не многія) бумаги, къ нему поступавшія, каковы нѣкоторыя сообщенія кіевскаго генералъ-губернатора М. Воейкова, донесенія подчиненныхъ ему лицъ и другія частныя сообщенія. Переписка касается не одного только возстанія украинскаго, но и возникшаго почти одновременно съ нимъ и стоящаго съ нимъ въ тѣсной связи польскаго бунта, окрещеннаго отъ современной шляхты деликатнымъ именемъ конфедераціи, и это увеличиваетъ ея интересъ. Въ ней, кромѣ множества другихъ второстепенныхъ лицъ, выступаютъ главнѣйшіе наши государственные дѣятели того времени: президентъ коллегіи (министерства) иностранныхъ дѣлъ, заправитель нашей иностранной политики, гр. Н. И. Панинъ, чрезвычайный нашъ посолъ при варшавскомъ дворѣ, кн. Н. В. Репнинъ, въ кругъ обязанностей котораго входила защита угнетаемыхъ православныхъ обитателей королевства польскаго, гр. П. А. Румянцевъ, управлявшій лѣвобережною Украйною и Запорожьемъ, на обязанности котораго естественно лежало охраненіе спокойствія и безопасности со стороны правобережной, тогда польской Украйны, и кіевскій генералъ-губернаторъ Ѳ. М. Воейковъ, управлявшій небольшою частію нынѣшней кіевской губерніи по Васильковъ и такъ называемою Ново-Сербіею, т. е. поселенными между границею польской Украйны и Запорожья пикинерными и компанейскими полками, и вѣдавшій всѣ пограничныя сношенія съ Польшею и Крымомъ. Къ сожалѣнію, переписка эта открываетъ намъ вполнѣ взгляды и отношенія къ событію 1768 г. лишь одного Румянцева, относительно-же остальныхъ лицъ мы узнаемъ лишь по отвѣтнымъ его письмамъ и разбросаннымъ въ нихъ намекамъ и указаніямъ. Тѣмъ не менѣе печатаемые теперь документы въ значительной степени освѣщаютъ мрачную драму «Коліивщины», опредѣляютъ съ большею точностію обстоятельства, ближайшимъ образомъ ее вызвавшія, устанавливаютъ истинный характеръ этого событія и обнаружившіяся въ немъ завѣтныя стремленія украинскаго населенія, показываютъ дѣйствительныя отношенія къ нему русскаго правительства, указываютъ мѣста и дѣйствія главныхъ предводителей возстанія и рисуютъ, согласно съ народнымъ мѣстнымъ преданіемъ, характеръ и значеніе пресловутой польской конфедераціи, вообще-же открываютъ не мало новыхъ историческихъ данныхъ.

Прежде, однако, чѣмъ приступимъ къ указанію содержанія помѣщаемыхъ документовъ, коснемся для ясности дѣла обстоятельствъ, предшествовавшихъ событію, о которомъ они говорятъ.

Мы не станемъ повторять извѣстныхъ уже въ нашей наукѣ положеній, что гайдамачество было видоизмѣненною формою козачества и что оно представляло изъ себя протестъ противъ тогдашняго общественнаго строя; но мы не можемъ не замѣтить, что въ этомъ послѣднемъ положеніи есть значительная доля неопредѣленности и даже невѣрности исторической, вслѣдствіе чего и самое событіе, котораго касаются предлагаемые документы, такъ называемая Коліивщина, получаетъ

не точную окраску. Когда говорятъ, что гайдамачество являлось протестомъ противъ тогдашняго строя жизни, то разумѣютъ преимущественно строй гражданскій, положеніе соціальное, условія экономическія. Не на этой почвѣ выросла Коліивщина,—вотъ что мы хотимъ сказать, съ документами въ рукахъ. Заселеніе Украйны, обезлюдившейся по волѣ Петра I, случилось такъ недавно, что экономическія отношенія новыхъ поселенцевъ на земляхъ, какъ-бы арендуемыхъ ими, за извѣстную, сравнительно легкую работу въ пользу ихъ владѣльцевъ, еще не могли обостриться; пользованіе землею продолжало быть болѣе или менѣе льготнымъ, закрѣпощенія, какое было въ другихъ русскихъ областяхъ Польши, не было здѣсь и долгое время послѣ Коліивщины, и не экономическія нужды вызвали кровавую расправу украинцевъ съ владѣтелями ихъ родной земли. Тотъ общій въ тогдашней Польшѣ порядокъ, что помѣщикъ являлся полновластнымъ господиномъ поселившагося на его землѣ крестьянина, и могъ лишить его всего, самой жизни, не отвѣчая предъ закономъ, не могъ зародить борьбы на жизнь и смерть въ сферѣ чисто экономическихъ отношеній, которыя не давали къ тому ни повода, ни причины: населеніе было рѣдкое, земли было вдоволь, богатѣйшая, много лѣтъ гулявшая почва кипѣла, можно сказать, медомъ и млекомъ и сторицею вознаграждала трудъ земледѣльца, самые-же помѣщики и ихъ многочисленные агенты должны были дорожить рабочею силою. Современные акты мало или вовсе не представляютъ указаній на существованіе тогда въ Украйнѣ гнета экономическаго. Борьба между шляхетствомъ и подвластнымъ южнорусскимъ крестьянствомъ возникла и выросла на почвѣ религіозныхъ гоненій и мученій въ буквальномъ и самомъ широкомъ смыслѣ этихъ словъ. Начало ихъ одинъ изъ современныхъ документовъ относитъ къ 1736 г., т. е. къ первымъ временамъ заселенія Украйны, но усилились они и приняли систематическій характеръ съ 60-хъ годовъ и особливо съ 1764 г., когда на сеймѣ этого года всѣ диссиденты, въ томъ числѣ и православные, лишены были свободы вѣроисповѣданія, съ воспрещеніемъ имъ доступа къ общественнымъ и гражданскимъ должностямъ. Въ короткое время большая часть православныхъ церквей была обращена въ унію, такъ называемые благочестивые священники изгнаны изъ своихъ приходовъ, дома и имущества ихъ разорены, сами они и защищавшіе ихъ прихожане подвергались самымъ жестокимъ и безчеловѣчнымъ насиліямъ. Всѣмъ этимъ дѣломъ заправляла радомысльская уніатская консисторія; исполнителями ея распоряженій являлись уніатскіе священники въ особыхъ должностяхъ инструкторовъ и инстигаторовъ, а ревностнѣйшимъ пособникомъ—разсыпанная по имѣніямъ польскихъ пановъ польская шляхта, въ видѣ губернаторовъ, комиссаровъ, поссесоровъ, арендаторовъ, экономовъ, лѣсничихъ и т. под. Религіозный фанатизмъ проникалъ тогда всѣ слои польскаго общества, пропаганда уніи не одно столѣтіе была душею онаго, она всасывалась съ молокомъ матери, усиливалась воспитаніемъ, проповѣдью и исповѣдію ксендзовъ, поддерживалась всѣмъ строемъ правительственной и общественной жизни; всякій шляхтичъ считалъ себя миссіонеромъ. Ближайшимъ пово-

домъ къ религіознымъ насиліямъ надъ православнымъ украинскимъ населеніемъ служило то обстоятельство, что на обширномъ пространствѣ всего юго-западнаго края давно не было ни одного православнаго епископа и никакой іерархической власти, а власть заграничнаго епископа переяславскаго, къ которому, съ разрѣшенія св. синода, относилось по дѣламъ вѣры православное населеніе Украйны, не считалась здѣсь законною. Уніатскіе митрополиты считали Украйну своею діоцезіею и не могли равнодушно смотрѣть на появленіе въ ней, вмѣстѣ съ ея заселеніемъ, *шизмы*; напротивъ, они всячески старались о насажденіи здѣсь уніи, въ чемъ дѣятельно помогала имъ шляхта, пользуясь своимъ соціальнымъ господствомъ и употребляя въ дѣло учрежденное не задолго предъ тѣмъ для противодѣйствія гайдамакамъ и содержавшееся въ городовыхъ и помѣщичьихъ замкахъ милиціонное войско, съ именемъ козаковъ.

Смѣлое, энергическое ходатайство за угнетенный украинскій народъ назначеннаго отъ переяславскаго архіерея правителемъ украинскихъ монастырей и церквей игумена мотренинскаго монастыря Мелхиседека Значко-Яворскаго, его поѣздка въ Петербургъ, гдѣ онъ милостиво былъ принятъ имп. Екатериною, а оттуда въ Варшаву съ рескриптомъ императрицы на имя нашего посла кн. Репнина, и вмѣстѣ съ симъ посылка особой ноты или письма Екатерины къ самому польскому королю дали дѣлу православія въ Украйнѣ неожиданный оборотъ. Особымъ привилеемъ король Станиславъ-Августъ дозволялъ свободу исповѣданія православнымъ жителямъ Украйны. Отъ имени короля и по его приказанію, вице-канцлеръ коронный Млодзѣіовскій писалъ внушительныя письма уніатскому митрополиту и епископамъ, а также главнѣйшимъ украинскимъ помѣщикамъ Яблоновскому, Любомірскому и Сангушкѣ, требуя прекращенія гоненій на православныхъ и законнаго съ ними обращенія. Независимо отъ того Мелхиседеку выданы были изъ коронной метрики за королевскою печатью копіи грамотъ прежнихъ королей на свободное исповѣданіе православной вѣры. Это было въ февралѣ 1766 г. Гоненія между тѣмъ на православныхъ не прекращались во все время путешествія Мелхиседека, продолжавшагося около года. Когда-же съ возвращеніемъ его началось въ украинскихъ церквахъ чтеніе королевскаго привилея, ограждавшаго свободу православія, это, съ одной стороны, высоко подняло духъ народный и массы приневоленныхъ предъ тѣмъ къ уніи снова возвратились къ православію, съ другой—довело до изступленія ихъ враговъ и вызвало этихъ послѣднихъ на новыя жесточайшія преслѣдованія исповѣдниковъ православія. Польша находилась тогда въ періодѣ полнаго разложенія; то была пора полнаго безсилія закона и всякой власти, не исключая и королевской. Распущенная шляхта цинично глумилась надъ выданнымъ королевскимъ привилеемъ, указывая для него самое непристойное назначеніе; шляхтичъ Хойновскій азартно кричалъ: «и королю отрубятъ голову за то, что схизматикамъ выдалъ привилей». Возвращеніе къ православію только что приневоленныхъ «боемъ нещаднымъ» къ уніи сочтено было бунтомъ, ходатайство Мелхиседека предъ импера-

трицею и королемъ—тяжкимъ преступленіемъ, самъ онъ объявленъ бунтовщикомъ, достойнымъ самой тяжкой кары. Такой декретъ выданъ былъ на него и на всѣхъ непокоряющихся уніи отъ радомысльской уніатской консисторіи. Видно, упомянутыя письма вице-канцлера цѣнились еще менѣе, чѣмъ королевскій привилей. Этимъ декретомъ отпавшіе отъ уніи священники объявлялись лишенными своихъ мѣстъ и подлежащими строгому тѣлесному наказанію и изгнанію, на непокорныя громады налагались огромные денежные штрафы, съ обращеніемъ ихъ на постройку миссіонерскаго дома и содержаніе миссіонеровъ уніи. И все это должны были привести въ исполненіе агенты помѣщичьей власти, подъ опасеніемъ суда латинской консисторіи... Самъ Мелхиседекъ потребованъ былъ къ суду уніатскаго офиціала Мокрицкаго. Командамъ пограничныхъ форпостовъ на Днѣпрѣ отданъ былъ строжайшій приказъ не пропускать никого въ Переяславъ, сношенія внутри въ такой степени были стѣснены, что, по выраженію Мелхиседека, никуда не пускали «а ни человѣка, а ни жида». Всякая попытка пробраться къ епископу для рукоположенія, полученія антиминса или иной надобности наказывалась самымъ жестокимъ, кіевъ въ триста, боемъ. На одномъ изъ такихъ форпостовъ схваченъ былъ и Мелхиседекъ, возвращавшійся изъ Переяслава, и, послѣ всевозможныхъ личныхъ надъ нимъ насилій и издѣвательствъ, завезенъ былъ въ кандалахъ на Волынь и тамъ, въ м. Грудкѣ, замурованъ въ каменной тюрьмѣ, гдѣ едва не лишился жизни. Вступившее предъ тѣмъ въ Украйну польское войско, такъ называемая украинская партія, подъ командою Воронича, навела ужасъ на все живущее. Начались страшные поборы на войско, народъ массами сгоняли на работы въ обозъ подъ м. Ольшаной. Вороничъ разсылалъ летучіе отряды для усмиренія бунтующихся, т. е. не желающихъ принять уніи, и каралъ жестоко. Сопровождавшему Мелхиседека въ Переяславъ сотнику жаботинскому Харьку отрублена голова въ конюшнѣ, мліевскій ктиторъ Даніилъ Кушниръ всенародно сожженъ въ обозѣ подъ м. Ольшаной. Въ тоже время уніатскій офиціалъ Мокрицкій, утвердивши свою резиденцію въ Корсунѣ, съ толпою инструкторовъ и инстигаторовъ, съ отрядами вооруженныхъ козаковъ, разъѣзжалъ по Украйнѣ, бралъ съ бою церкви, ловилъ монаховъ и священниковъ, билъ ихъ *смертно*, заковывалъ въ желѣза, забивалъ въ кандалы и подъ карауломъ отправлялъ въ Радомысль, гдѣ имъ снова давали по 600 и 800 ударовъ, бросали въ смрадныя ямы, заставляли тачками возить землю. Не лучше было и положеніе мірянъ: надъ ними производили неизобразимыя и неисчислимыя насилія,—иныхъ до смерти забивали, другимъ рты разрывали, руки и ноги выворачивали. Шляхта и духовенство уніатское щеголяли другъ передъ другомъ въ изобрѣтеніи мукъ и казней; буйство, распущенность, необузданное своеволіе спорили съ фанатизмомъ и непримиримою злобою. Такъ называемыя «похвалки», или угрозы безумствовавшей шляхты, довершали смятеніе и ужасъ народа. Нерѣдко цѣлымъ громадамъ объявлялся смертный приговоръ, назначался день и часъ казни, или-же безъ означенія срока грозили всѣхъ истребить поголовно. «Людямъ смертнымъ

страхъ мечтался, и всѣ лишенія имущества и живота ожидали». По мѣстамъ дѣйствительно готовились къ смерти, надѣвали чистыя рубахи, исповѣдывались, пріобщались, на вѣки прощались; въ другихъ мѣстахъ поголовно оставляли жилища, уходили въ лѣса, горы и дебри. Въ глумленіяхъ, издѣвательствахъ шляхты и причитаніяхъ при совершеніи истязаній ясно слышалось, противъ кого и чего и за что направлялась эта адская, непримиримая злоба и неистовство: «ото тебе бьетъ благочестіе твое»; «о то тобі за государыню, за короля, за св. правительствующій синодъ, за архіерея и за вся православныя христіане»; «а ну-те-жъ, нуте лучше того *грека*». Били «смертно розками, дисциплинами, барбарами», били нагаями и кіями, списами и ружейными присошками, руками и ногами, били, пока прочитывалось: *Помилуй мя, Боже* и *Блаженні непорочніи*, били «духу послухаючи», т. е. пока душа въ тѣлѣ держалась. А со стороны народа одинъ былъ отвѣтъ: «отнимите у насъ жизнь, но мы не хочемъ быть въ уніи». «Пристань, ксіенже, на едность, то велю сейчасъ изъ пушекъ палить», — говорилъ комиссаръ Каменскій Мелхиседеку, попавшему въ руки уніатовъ и не разъ бывшему уже на волосъ отъ смерти; но тотъ отвѣчалъ: «хотя и безвременно пропаду, но за вѣру пострадаю; на унію-жъ не пристану».

Эта страшная картина народныхъ страданій не измѣнялась ни на іоту до конца 1766 г., удерживалась въ теченіе всего слѣдующаго и въ началѣ роковаго 1768 г. Мѣнялись мѣста, лица, дѣйствія, но раздирающая душу драма оставалась неизмѣнною вплоть до того момента, когда многострадальный и многотерпѣливый, но разъяренный народъ возсталъ, какъ левъ, въ неумолимой мести своей. Любопытствующихъ подробностями этой драмы отсылаемъ къ изданнымъ кіевскою археографическою коммисіею актамъ (Архивъ юго-запад. Россіи ч. 1, т. II и III), мы-же доскажемъ вкратцѣ лишь конецъ оной.

Тщетно Мелхиседекъ, еще до заключенія своего сперва въ гродской, потомъ въ дерманской тюрьмѣ, и добродѣтельнѣйшій 84-хъ лѣтній старецъ Гервасій Линцевскій, епископъ переяславскій, старались остановить мучителей, оградить мучимыхъ посредствомъ жалобъ и протестовъ, ссылаясь на королевскій привилей, на мирные трактаты, на грамоты прежнихъ королей. Самыя напряженныя ихъ усилія не приводили ни къ чему. То была пора крайняго религіознаго возбужденія въ Польшѣ. Сеймы слѣдовали за сеймами; на нихъ шли бурныя, ожесточенныя пренія, а главнымъ предметомъ ихъ, злобою, такъ сказать, дня былъ вопросъ о диссидентахъ, или не согласныхъ съ ученіемъ католической церкви. Въ предсмертной агоніи своей Польша силилась остаться ультра-католической и не хотѣла допустить существованія въ ея предѣлахъ еретиковъ, къ которымъ прежде всего относила православныхъ. Папа особою буллою на имя примаса королевства разжигалъ страсти и безъ того фанатическаго духовенства. Сеймъ 1766 г. отвергъ всѣ домогательства иностранныхъ дворовъ о правахъ диссидентовъ; всѣ протесты и жалобы ихъ были отвергнуты, въ частности жалобы украинцевъ сочтены были бунтомъ. Сеймъ слѣ-

дующаго года былъ благопріятнѣе для дѣла диссидентовъ; въ виду рѣшительнаго настоянія иностранныхъ государей, особливо Екатерины, имъ возвращена была свобода вѣроисповѣданія, дарованы гражданскія и общественныя права наравнѣ съ католиками. Въ общей судьбѣ ихъ рѣшено было и дѣло украинцевъ, а для разбора жалобъ ихъ на уніатовъ и поляковъ назначался смѣшанный судъ. Но такое вынужденное постановленіе, еще до ратификаціи онаго на сеймѣ слѣд. 1768 г., вызвало страшное волненіе въ Польшѣ. Раздраженная уступками въ пользу иновѣрцевъ шляхта возстала открыто противъ короля, называя его *наймитомъ московскимъ*. Король призвалъ русскія войска; главные зачинщики движенія были арестованы Репнинымъ и отправлены въ Калугу, сеймъ отложенъ до половины февраля и хотя на немъ утверждено постановленіе предъидущаго сейма, но это не только не предотвратило готовившагося взрыва, а напротивъ ускорило развязку событій въ Украйнѣ.

Народъ жилъ своею логикою; всего менѣе ему могли быть извѣстны дѣйствія дипломатіи, направленіе внутренней политики; онъ поступалъ, какъ требовали совершавшіяся предъ глазами его событія. А въ Украйнѣ, какъ мы уже говорили, творились неизобразимые ужасы. «Ярости и свирѣпства уніатовъ не утишались, но паче воставали, за пособленіемъ губернаторовъ и придворскихъ людей», «народъ находился въ такой тѣснотѣ и нуждѣ, каковы были развѣ во времена апостольскія». «Губернаторы и другіе паны, кто вырвется, мучили безъ уваги».

Зловѣщіе признаки готовившагося общаго взрыва носились то тамъ, то здѣсь гораздо прежде сего. «Будетъ война», говорилъ Мелхиседекъ, возвратясь изъ Петербурга и Варшавы два года назадъ. «Берегись, писалъ онъ потомъ лютому мучителю Мокрицкому, бо то не съ жидами справа». «Коли лихо тихо, то надо-бъ его и кожухомъ укрывать»,—замѣчалъ предмѣстникъ Мокрицкаго. Мирные разныхъ оттѣнковъ протестанты еще въ декабрѣ 1766 г. образовали конфедерацію въ Слуцкѣ и рѣшили защищать свою свободу съ оружіемъ въ рукахъ, призывая къ тому-же и православныхъ. Въ мартѣ слѣдующаго года, въ обители мотренинской козакъ Иванъ просилъ у намѣстника благословенія «выкрикать на затягъ», но наличныя силы признаны были недостаточными и монахъ Филостервъ Самбекъ повезъ письмо «до Гарду (въ Сѣчь), щобъ голота прибула». Весь однако 1767 и начало 1768 г. прошли безъ взрыва; только стонъ стоялъ по всей Украинѣ отъ невыносимыхъ страданій «благочестиваго священства и народа». Конфедерація, зародившаяся въ Барѣ и хлынувшая въ Украйну, переполнила чашу народныхъ страданій и была непосредственною причиною «Коліивщины», какъ вѣрно, по живому преданію, опредѣлилъ народный поэтъ:

Руйнували, мурдували,
Церквами топили,
А тимъ часомъ гайдамаки
Ножи освятили...

Свергнуть преданнаго Россіи короля, выгнать русскія войска изъ Польши, возстановить во всей широтѣ вольность шляхетскую, — таковы были стремленія конфедератовъ, но ихъ конечная цѣль — разорить церкви православныя, истребить схизматиковъ-еретиковъ. Все это польско-шляхетское движеніе имѣетъ религіозную окраску; самъ папа руководитъ имъ, даетъ денежное вспоможеніе. Конфедераты, вступивъ въ Украйну, чтобы подкрѣпить себя тѣми военными силами, какія находились тамъ въ помѣщичьихъ дворахъ и городскихъ замкахъ, остались вѣрными основному характеру движенія и начали съ того, чѣмъ должны были кончить. Запылала Украйна, начались неслыханныя неистовства надъ беззащитнымъ народомъ. Шляхта открыто хвалилась, что въ ничто обратитъ страну. Народъ не вытерпѣлъ, призвалъ запорожцевъ. Въ апрѣлѣ разлилась конфедерація, въ маѣ вспыхнуло народное возстаніе. Тутъ связь ближайшая, непосредственная, очевидная, а это измѣняетъ взглядъ на самое возстаніе. То не былъ бунтъ противъ власти помѣщичьей или государственной изъ-за гнета экономическаго, во имя независимости и свободы гражданской, не было принципіальное непризнаніе польской власти и господства и, если эти чувства и убѣжденія были воспитаны въ украинскомъ народѣ всею предшествовавшею исторіею, если они лежали въ глубинѣ души его и проявлялись теперь въ рѣшительномъ намѣреніи перейти въ подданство русской царицы, то не ими вызвано настоящее изступленное возстаніе и не они были движущею его силою. Нѣтъ, то было великое движеніе во имя вѣры, которое, какъ огнемъ, охватываетъ массы народныя (простое усердіе къ вѣрѣ благочестивой, какъ писалъ Румянцевъ), вопль крайняго отчаянія, инстинктъ самосохраненія, самозащита въ глазахъ неминуемой смерти. Не воры, разбойники и грабители были возставшіе, не изъ своеволія и не для наживы возстали они, но для защиты отъ конечнаго своего истребленія и — за вѣру отеческую, поруганную и погубляемую. Годы предшествовавшіе возстанію были въ собственномъ смыслѣ временами мученичества, ничѣмъ не уступавшими временамъ Нерона и Діоклитіана, и если они явили намъ страстотерпцевъ и мучениковъ, то возстаніе дало намъ такихъ безстрастныхъ и самоотверженныхъ защитниковъ народныхъ, предъ которыми блѣднѣютъ швейцарскіе защитники свободы. Тѣ однако давно нашли своихъ историковъ, поэтовъ, а наши доселѣ не вышли изъ названій «разбойниковъ, гультаевъ, ватажковъ». Пора, по крайней мѣрѣ, приступить къ собиранію и обнародованію памятниковъ этой кровавой эпохи, которая спасла намъ нашу вѣру и народность. Помѣщаемая теперь переписка пусть послужитъ тому началомъ.

Она начинается тремя сообщеніями (четвертаго не достаетъ) кіевскаго генералъ-губернатора Ѳ. М. Воейкова гр. П. А. Румянцеву о первыхъ движеніяхъ конфедератовъ для разоренія оставшихся въ польской Украйнѣ православныхъ церквей и изгнанія оттуда русскихъ войскъ (№№ I, II, III и IV). Добытыя Воейковымъ свѣдѣнія удостовѣряютъ несомнѣнное участіе въ этомъ польскомъ бунтѣ какъ папы съ его казною, такъ и польско-католическаго духовенства. Но папѣ какая

нужда до вольностей шляхетскихъ? Слѣдовательно это, въ нѣкоторомъ родѣ, крестовый походъ для истребленія еретиковъ, для разоренія ихъ церквей. Дѣйствія конфедератовъ въ такомъ направленіи, очерченныя въ сообщеніяхъ Воейкова лишь нѣсколькими штрихами, составляютъ первый актъ начавшейся драмы.

Первыя указанія на открывшееся народное возстаніе въ Украйнѣ находимъ въ донесеніяхъ Румянцева коллегіи иностранныхъ дѣлъ, или чрезъ нее имп. Екатеринѣ, равно въ приказахъ его полковнику Протасьеву и кошевому войска запорожскаго (№№ V—IX). Неистовства конфедератовъ вызываютъ отпоръ; идетъ междоусобіе и взаимное самоистребленіе. Призываются запорожцы, берутъ Каневъ, выгоняютъ и частію истребляютъ поляковъ, жидовъ-же не оставляютъ въ живыхъ ни одного. Нѣсколько польскихъ семействъ и самъ староста каневскій Потоцкій бѣгутъ въ Переяславъ, подъ защиту Румянцева, но туда-же является и нарочный отъ жителей Канева. Происходитъ удивительное общее недоразумѣніе. Румянцевъ представленія не имѣетъ о тѣхъ ужасахъ, какіе слишкомъ два года совершались у него предъ глазами, по другую сторону Днѣпра, и свѣдѣнія о которыхъ сосредоточивались въ Переяславѣ; даже недавнія сообщенія Воейкова совсѣмъ какъ-бы забыты. Никакой исходной точки, никакихъ предварительныхъ свѣдѣній ни у него, ни у подвѣдомственныхъ ему учрежденій нѣтъ, какъ и у сосѣда его Воейкова, на которомъ лежали всѣ заграничныя корреспонденціи. Поляки просятъ защиты, каневцы доносятъ, что съ помощію запорожцевъ покончили съ ляхами и жидами и простодушно спрашиваютъ, что дальше имъ дѣлать; тѣ и другіе заявляютъ, что все совершено по указу ея императорскаго величества, предъявленному пришедшими въ Каневъ запорожцами въ копіи, завѣренной подписью куреннаго и печатью кошеваго. Румянцевъ въ недоумѣніи; онъ даже допускаетъ возможность подобнаго указа, посылаетъ въ Каневъ и Кошъ развѣдать, подлинный-ли то указъ, или подложный. Запорожье въ его командѣ, и—вдругъ указъ, о которомъ онъ, какъ и о всемъ начинающемся смятеніи, ничего не знаетъ;—онъ спрашиваетъ коллегію, проситъ самую императрицу разъяснить ему его недоумѣніе, и какой стороны ему держаться, и какъ поступать. Удивляться-ли, что народъ вѣрилъ указу?—Тѣмъ не менѣе Румянцевъ отводитъ квартиры бѣглымъ полякамъ, чинитъ имъ теперь и потомъ всякое вспомоществованіе, а относительно возставшихъ «по ихъ поступкамъ» скоро приходитъ къ такому заключенію, что это должна быть разбойническая партія, которую онъ, какъ поставленный охранять спокойствіе въ пограничныхъ мѣстахъ, обязанъ ловить и истреблять. Любопытно однако это желаніе подловить и задержать запорожцевъ въ Каневѣ, подъ видомъ помощи каневцамъ,—извѣстное обыкновенно подъ названіемъ военной хитрости. Не менѣе любопытно и это указываемое Румянцевымъ и принятое имъ за крайнюю простоту объясненіе со стороны кошеваго тѣхъ движеній и приготовленій, которые примѣчены были теперь въ запорожскомъ войскѣ: «слышно-де, яко подъ м. Васильковымъ сто тысячъ прусскихъ и саксонскихъ войскъ идетъ, такъ надо быть въ готовности»... Донесеніе Румянцева отъ 23 іюня представляетъ

обнаружившійся по сообщеніямъ Воейкова планъ и театръ дѣйствій возставшаго народа и мѣры противъ него принятыя. Главныя силы его сосредоточены въ мотренинскомъ лѣсу; онѣ окопались и имѣютъ пушки, отбитыя въ польскихъ замкахъ. Отсюда выходятъ партіи, которыя разграбляютъ мѣстечки и деревни (имѣнія и дома поляковъ), жидовъ крестятъ, а несогласныхъ креститься убиваютъ. Подкрѣпленія идутъ изъ Запорожья чрезъ Новосербію. Идущіе всенародно объявляютъ, что отправляются въ Польшу (Украйну, подвластную Польшѣ) для *заступленія вѣры*. Возстаніе охватило Чигиринщину, Смѣлянщину и всѣ тамошнія «околичности». Неся съ собой указъ царицы, въ подлинности котораго никто не сомнѣвался, возставшіе такъ твердо увѣрены въ законности своихъ дѣйствій, въ святости своей миссіи, что и командирамъ (русскимъ) объявляютъ, что никакая команда препятствія имъ сдѣлать не можетъ и, подъ угрозами, требуютъ не впускать въ русскія владѣнія поляковъ и жидовъ. Всѣ они идутъ подъ именемъ запорожцевъ, хотя отряды ихъ пополняются всякаго рода людьми изъ среды возставшаго народа. Румянцевъ трактуетъ ихъ, какъ простыхъ разбойниковъ, и самъ, по своему собственному соображенію, рѣшается подавить бунтъ въ чужомъ государствѣ. Онъ двинулъ въ Украйну московскій карабинерный полкъ, подъ командою полковника Протасьева, и 150 малороссійскихъ козаковъ «на истребленіе разорителей». Въ то-же время и для той-же цѣли Воейковъ со стороны Новороссіи двинулъ харьковскій гусарскій полкъ, подъ командою полковника Чорбы, а со стороны Кіева часть елецкаго полка для защиты бѣлоцерковскаго замка, по просьбѣ польскаго коменданта Карбовскаго; полкъ козловскій оставленъ былъ въ пограничномъ елисаветинскомъ укрѣпленіи для подкрѣпленія. Протасьеву приказывалось войти съ ними въ сообщеніе и о происходящемъ доносить Воейкову и стоявшему близь Бердичева ген. Кречетникову. Донесеніе 3 іюля (№ X) повторяетъ извѣстныя уже изъ сообщенныхъ Н. И. Костомаровымъ документовъ свѣдѣнія о сожженіи гайдамаками Умани (Голты?) и Палѣева Озера, о нападеніи на Балту, о движеніи по сему случаю татаръ и посылкѣ изъ Сѣчи отряда къ Умани. По послѣднему извѣстію Румянцевъ требуетъ чрезъ курьера объясненія отъ кошеваго, а пограничнымъ командамъ посылаетъ строжайшій приказъ о преграждении пути идущимъ чрезъ Новороссію гайдамацкимъ партіямъ. Донесеніе 15 іюля (№ XI) даетъ свѣдѣнія о первыхъ результатахъ мѣръ, принятыхъ противъ гайдамакъ, равно опредѣляетъ главные пункты дѣйствій этихъ послѣднихъ. Въ селѣ Блощинцахъ, въ 15-ти верстахъ отъ Бѣлой-Церкви, дѣйствовалъ съ тремя стами товарищей, Журба, близъ Богуславля Швачка. Неживый, начавшій съ Канева и быстро перешедшій къ Палѣеву Озеру и Балтѣ, находится теперь въ Чигиринщинѣ. Посылалъ ихъ Желѣзнякъ, онъ-же и указъ объявилъ. Самъ Желѣзнякъ съ большою партіею въ Умани. Протасьевъ безъ труда разбилъ, полонилъ и разсѣялъ отряды Журбы и Швачки. Лишь первый оказалъ нѣкоторое сопротивленіе, но на столько слабое, что ни одинъ солдатъ русскій не былъ раненъ. Въ его отрядѣ взято четыре знамени, двѣ мѣдныя пушки, одна черная (чугунная?) и пять желѣзныхъ гаковницъ.

Протасьевъ двинулся къ Умани, приказавъ «подданнымъ» (крестьянамъ), чтобы они «отложили взятый мятежъ съ причины разныхъ внушеній отъ людей своевольныхъ». До другаго взгляда на происходившее народное движеніе не додумались пока ни Протасьевъ, ни Румянцевъ; и послѣдній надежду питалъ, что «взбунтовавшіеся подданные обратятся, конечно, къ прежнему послушанію, увидѣвъ, что ободрившіе ихъ на возмущеніе, истребляются, какъ злодѣи». Одно получилось еще въ результатѣ: народное движеніе смело конфедератовъ; объ нихъ, по донесенію Протасьева, не было и слуху. 137 человѣкъ взятыхъ имъ гайдамакъ за карауломъ отправлены имъ въ Кіевъ—въ крѣпость.

Этимъ заканчивается второй актъ кровавой драмы 1768 года.

(Продолженіе будетъ).

I.

Письмо кіевскаго генералъ-губернатора Ѳедора Воейкова къ графу П. А. Румянцеву съ сообщеніемъ первыхъ слуховъ о начинающихся въ польской Украйнѣ сборищахъ конфедератовъ для разоренія православныхъ украинскихъ церквей и принятыхъ имъ Воейковымъ по-сему случаю мѣрахъ. 3 апрѣля, 1768 года.

Сіятельнѣйшій графъ, высокопревосходительнѣйшій господинъ генералъ аншефъ, малороссійскій генералъ губернаторъ, малороссійской же коллегіи президентъ и кавалеръ, милостивый государь мой!

Съ нѣкоторыхъ уже дней доходятъ до меня разныя изъ Польши разсѣваемыя разглашенія, якобы въ польской Украйнѣ войска польскія у Бара, Бѣлой-Церкви и Клецка дѣйствительно собираются; а отъ 18-го теперешняго, командующій елисаветградской провинціи полками господинъ полковникъ Чорба рапортомъ представилъ: стоящій-де на Сентовскомъ форпостѣ поручикъ Маріяновичъ къ нему рапортовалъ, что слышалъ онъ заподлинно отъ польскаго шляхтича Франциска Радишевскаго, что въ Барѣ уже до нѣсколько тысячъ поляковъ собралось и еще повседневно прибавляется, которые якобы не далѣе, какъ чрезъ двѣ недѣли, къ границамъ сближаться имѣютъ, для разоренія оставшихся въ польской сторонѣ по границѣ православныхъ церквей. А хотя я прямо отъ обрѣтающагося въ Варшавѣ посла князя Репнина и отъ другихъ нашихъ воинскихъ въ Польшѣ командировъ никакого о томъ преувѣдомленія не имѣю, слѣдовательно и причина

есть о подлинности сихъ разглашеній сомнѣваться, паче-же по извѣстной польской привычкѣ, кои, упирая на свою вольность, всякіе несостоятельные распускаютъ слухи; однако по должности моей, признавая предосторожность во всякомъ случаѣ, паче же при границахъ, весьма необходимою, нарочнаго искуснаго офицера въ Польшу, подъ приличнымъ претекстомъ, отправилъ, для развѣдыванія о сей подлинности, а между тѣмъ кому надлежало отъ меня въ новороссійской губерніи найсильнѣйше подтверждено: непримѣтнымъ образомъ, безъ малѣйшаго встревоженія, быть всѣмъ вѣдомства моего воинскимъ командамъ въ надлежащей воинской исправности и осторожности, къ отвращенію всякихъ случиться могущихъ шалостей и набѣговъ, и для осторожности имѣть по границѣ непрестанные разъѣзды, такожъ надежныхъ людей подъ разными претекстами въ Польшу посылать для вывѣданія настоящей причины таковому собранію и обращенію. Я за потребно разсудилъ о семъ обстоятельствѣ вашему сіятельству чрезъ сіе сообщить. А что отъ время до времени нарочно посланные въ Польшу развѣдаютъ, то о всемъ томъ ваше сіятельство предувѣдомить не упущу. Имѣю честь быть съ совершеннымъ почтеніемъ и истинною преданностію вашего сіятельства, милостиваго государя моего, всепокорнѣйшій слуга Ѳедоръ Воейковъ. Кіевъ, 3 апрѣля 1768 года.

II.

Письмо того-же Воейкова къ тому-же гр. Румянцеву съ сообщеніемъ объ усиленіи сборищъ конфедератовъ, ихъ угрозахъ и надеждахъ и необходимости принятія мѣръ предосторожности. 20 апрѣля 1768 года.

Сіятельнѣйшій графъ, высокопревосходительнѣйшій господинъ генералъ-аншефъ, малороссійскій генералъ-губернаторъ, малороссійской коллегіи президентъ и кавалеръ, милостивый государь мой!

Отъ 3-го и 10-го *) сего имѣлъ я честь о начавшемся въ Польской Украинѣ замѣшательствѣ ваше сіятельство для предосторожности предупредить, а теперь за потребное нахожу и слѣдующее присовокупить: что дошедшія, между тѣмъ, до меня изъ заграницы извѣстія согласно подтверждаютъ, яко число злонамѣ-

*) Письма отъ 10-го апрѣля въ нашемъ сборникѣ нѣтъ.

ренной, подъ предводительствомъ графа Красинскаго, партіи, добровольно присоединяющимися и насильно захваченными всякаго званія людьми, отъ дня въ день прибавляется, и уже болѣе десяти тысячъ всякой сволочи собрано, которые съ крайнимъ прилѣжаніемъ всѣми воинскими збруями снабдеваются, и что дѣйствительно уже противъ россійско императорскихъ въ Польшѣ находящихся войскъ непріятельски поступать начали, разглашая всякія по польскому обычаю угрозы и хвастовства къ истребленію всѣхъ, ихъ намѣренію сопротивляющихся, мечемъ и огнемъ, въ чемъ они вспомогательными *папы римскаго деньгами* и обнадеженнымъ якобы подкрѣпленіемъ другихъ областей безъ сумненія успѣть надѣются. Я примѣчаю, что сіи польскія обстоятельства ото дня въ день серіознѣе становятся, слѣдовательно и немалаго заслуживаютъ уваженія, ибо искусство намъ доказало, что отъ малой иногда искры великій воспламеняться можетъ пожаръ, если благовременно способъ къ утушенію оной употребленъ не будетъ; разсуждаю, что и въ семъ случаѣ предосторожность отнюдь ни ранновременною, ни же излишною предпочтена быть можетъ. И для того подчиненнымъ мнѣ новороссійской губерніи полкамъ найсильнѣйше подтвердилъ: быть во всякой воинской исправности, посылая безпрестанные по границѣ разъѣзды и подъ разными претекстами въ ближніе польскіе и татарскіе мѣста надежныхъ и проворныхъ людей для развѣдыванія, о которыхъ въ свое время вашему сіятельству сообщить не оставлю. А между тѣмъ за нужно признаю вашему сіятельству о имѣніи для курьеровъ по прямому отсюда до Кременчуга тракту во всякомъ мѣстечкѣ по нѣсколько почтовыхъ лошадей въ готовности—вновь напамятовать, ибо всѣ оттуда пріѣзжіе жалуются, что вездѣ по нѣсколько часовъ за лошадьми стоять должны, и потому немалая онымъ чинится остановка. Впрочемъ съ совершеннѣйшимъ моимъ почтеніемъ и съ истинною преданностію пребываю вашего сіятельства, милостиваго государя моего, всепокорнѣйшій слуга Ѳеодоръ Вайковъ. Кіевъ, 20 апрѣля 1867 года.

III.

Письмо того-же Воейкова къ тому-же гр. Румянцеву съ сообщеніемъ экстракта полученныхъ имъ о событіяхъ въ Польской Украйнѣ извѣстій и принимаемой имъ-же предосторожности. 3-го мая 1768 года.

Сіятельнѣйшій графъ, высокопревосходительнѣйшій господинъ генералъ-аншефъ, малороссійскій генералъ-губернаторъ, малорос-

сійской-же коллегіи президентъ и кавалеръ, милостивый государь мой!

Ваше сіятельство изъ слѣдующаго при семъ экстракта разныхъ изъ за границы полученныхъ извѣстій усмотрѣть изволите, что польскія замѣшательства, съ часу на часъ во всей Польской Украйнѣ распростираясь, найважнѣйшими становятся, и въ разсужденіи умножающагося войска немалаго заслуживаютъ примѣчанія, тѣмъ паче, что угадать нельзя, какое сія возмутительная шайка имѣетъ намѣреніе, когда она уже явныя противъ войскъ и подданныхъ ея императорскаго величества въ Польшѣ непріятельства оказывать начала. Что до меня принадлежитъ, то я по должности моей на всѣхъ въ моемъ вѣдомствѣ по здѣшней и новороссійской губерніи состоящихъ форпостахъ, сколько число подчиненныхъ мнѣ войскъ того дозволило, удобовозможную предосторожность взять и онымъ во всякой исправности быть найсильнѣйше подтвердить не приминулъ; а что впредь до меня о томъ же дойдетъ, вашему сіятельству безъ упущенія времени сообщить не оставлю. Имѣю честь быть съ совершеннѣйшимъ высокопочтеніемъ, вашего сіятельства, милостиваго государя моего, всепокорнѣйшій слуга Ѳедоръ Воейковъ. Кіевъ, 3 мая 1768 года. Его сіятельству графу П. А. Румянцову.

IV.

Приложенное къ сему письму извлеченіе изъ отчета поручика Раде и другихъ лицъ, развѣдывавшихъ, по порученію Воейкова, о движеніи и намѣреніяхъ барскихъ конфедератовъ.

Экстрактъ изъ рапортовъ отправленныхъ для развѣдыванія о польскихъ обстоятельствахъ въ Польскую Украйну чернаго гусарскаго полку порутчика Раде и другихъ чиновъ.

Въ мѣстечкѣ Умани видѣлъ онъ Раде четырехъ товарищей украинской противной партіи, кои прибыли туда будто для занимания квартиръ и пріуготовленія фуража, а главная ихъ коммисія въ томъ состоитъ, чтобъ приклонить тамошній гарнизонъ графа Потоцкаго, со всею артиллеріею и амуниціею, равно какъ и находящихся въ службѣ его козаковъ, купно съ прочими подданными, на соединеніе съ конфедератнымъ подъ командою маршала Пулавскаго, старосты варецкаго, войскомъ, которое въ Барѣ собирается. Тамошній губернаторъ Младановичъ предостерегъ

его, что онъ съ своимъ паспортомъ свободно далѣе проѣхать не можетъ, для того что всему войску украинской партіи повелѣно россійскихъ подданныхъ, не взирая на паспорты россійскихъ генераловъ, вездѣ ловить и командѣ представлять. Въ Умани онъ самъ видѣлъ, что кузнецы готовятъ пушечныя ядра, картечи и другіе до артиллеріи принадлежащіе снаряды, разглашая, якобы по прибытіи украинской партіи они противиться намѣрены и отнюдь съ оною соединяться не намѣрены; однако онъ видѣлъ тамо нѣсколькихъ польскихъ законниковъ (монаховъ), кои по папскому повелѣнію отъ польскихъ епископовъ присланы для увѣщанія всего въ уманскомъ повѣтѣ живущаго шляхетства на соединеніе съ украинскою партіею, въ чемъ многіе уже секретно къ присягѣ приведены.

Прибывъ въ село Ягубецъ, заѣхалъ онъ по знакомости къ знатному тамошнему шляхтичу, подчашему Косткѣ-Ордынскому, который ему въ довѣренность объявилъ, что маршалъ конфедераціи графъ Красинскій къ нему ласковое письмо прислалъ, увѣщевая его пристать къ войску партіи украинской и принять главную команду надъ побережскими, бершадскими и уманскими шляхтичами и козаками, но онъ де Ордынскій, яко благонамѣренный сынъ отечества, хотя отъ того отказался, извиняясь старостію и слабостію здоровья, однако сумнѣвается, чтобы по его желанію сдѣлалось, а въ противномъ случаѣ принужденъ будетъ противъ воли своей къ нимъ пристать и прясягу учинить, присовокупивъ къ тому, что сія конфедерація сдѣлана единственно въ такомъ намѣреніи, чтобъ, собравъ довольное число войска, идти противъ россійскаго въ Польшѣ находящагося корпуса, для выгнанія онаго якобы за учиненную въ отечествѣ ихъ обиду взятіемъ четырехъ магнатовъ подъ караулъ, и что де въ великой постъ, подъ Новымъ Константиновымъ, партія польская съ россійскими карабинерными и донскихъ козаковъ полками уже непріятельства начала, гдѣ четыре человѣка знатныхъ польскихъ шляхтичей и до тридцати человѣкъ рядовыхъ побито, а россійскіе также не безъ урону оттуда ретировались. Почему онъ порутчикъ Раде его Ордынскаго просилъ для свободнаго далѣе проѣзда паспортъ его надписать, что имъ Ордынскимъ и учинено. Съ которымъ паспортомъ онъ, переправясь чрезъ рѣку Бугъ, прибылъ въ мѣстечко Ладыжинъ, котораго губернаторъ, прозваніемъ Кастеля, ему объявилъ, что за два дни предъ пріѣздомъ его прислано было немалое число войска украинской партіи ко-

торое разными угрозами его принудили присягать на соединеніе съ оною, и взявъ нѣсколько человѣкъ изъ его козаковъ вооруженныхъ и сколько нашли ружей, пороху и свинцу, уѣхали, а ему приказали съ остальными въ вѣдомствѣ его состоящими козаками во всякой быть готовности, куда повелѣно будетъ слѣдовать. Но въ самое это время, какъ сей разговоръ продолжался, прибыли къ нему помянутой партіи два товарища съ тридцатью человѣками козаковъ, отъ коихъ губернаторъ его, Раде, въ удобномъ мѣстѣ скрылъ, а какъ тѣ товарищи уѣхали, губернаторъ ему сказывалъ, что въ первый день пасхи поляки напали на стоящихъ въ мѣстечкѣ Винницѣ донскихъ козаковъ, кои ретировались къ мѣстечку Яневу, но не доходя до онаго сразились, гдѣ донцами побито и ранено не малое число гусаръ поляковъ, козаковъ и липканъ украинской партіи. Между убитыми находится одинъ липканской полковникъ, а другой, прозваніемъ Муха, съ прочими поляками плѣненъ.

Слѣдуя къ мѣстечку Тульчину, наѣхалъ онъ въ селѣ Михайловкѣ на партію польскую, которая, его остановивъ, спросила, куда ѣдетъ и за чьимъ паспортомъ; а какъ усмотрѣла надпись вышереченнаго Ордынскаго, его отпустила.

Въ Томашполѣ жидъ арендарь ему объявилъ, что онъ предъ его туда пріѣздомъ изъ Могилева возвратился, къ которому городу, въ бытность его тамъ, маршалъ конфедераціи графъ Красинскій съ нѣсколькими тысячами войска прибылъ, но находящійся въ Могилевѣ съ гарнизономъ и артиллеріею графа Потоцкаго маіоръ Мейсенъ онаго въ городъ пустить не хотѣлъ, однако, увидя, что приказано городъ зажечь, сдался и на соединеніе присягу принесъ. И такъ графъ Красинскій, взявъ маіора съ гарнизономъ и съ артиллеріею къ себѣ, и отобравъ изъ своего корпуса три тысячи человѣкъ, при Могилевѣ остался, а прочее войско послалъ въ Немировъ, Житоміръ, Летичевъ и Прилуку. Послѣ чего будто онъ Красинскій не малое число денегъ къ татарамъ отправилъ изъ той суммы, которая *отъ папы римскаго* на вспоможеніе дана, прося татаръ на соединеніе съ нимъ, гдѣ онъ ихъ и ожидать имѣетъ. Что онъ королевскаго таможеннаго управителя всю наличную казну забравъ, и что заподлинно весь Каменца-Подольскаго гарнизонъ и прочее регулярное и нерегулярное польской республики въ Украйнѣ находящееся войско уже къ конфедератамъ пристало, чѣмъ число сего войска знатно умно-

жилось, отъ котораго немалую часть въ городъ Полонное отправить намѣрены для поиску надъ стоящимъ тамо россійскимъ войскомъ.

Прочихъ-же извѣстія, хотя съ нимъ нѣсколько и согласны, однакъ съ немалымъ увеличиваніемъ числа войскъ украинской партіи наполнены. Въ разсужденіи того, что будто уже вся Польская Украйна, исключая только уманскую губернію, къ конфедераціи приступила и присягою согласно дѣйствовать утвердила, почему многіе изъ поляковъ заподлинно увѣряютъ, якобы не въ продолжительное время конфедераты на новороссійскую губернію нападеніе сдѣлать намѣрены.

Секретарь Василій Чернявскій.

V.

Донесеніе гр. П. А. Румянцева коллегіи иностранныхъ дѣлъ о разрѣшеніи имъ переяславльской полковой канцеляріи принимать поляковъ, перебѣгающихъ въ русскія владѣнія, по поводу волненій въ польской Украйнѣ, и оказывать имъ защиту и покровительство.

1768 года, іюня 15 дня, Глуховъ. № 629.

Реляція въ коллегію иностранныхъ дѣлъ.

Представлены мнѣ два доношенія, поданныя въ полковую переяславскую канцелярію отъ поляковъ: Луки Гоздава-Вилуцкаго, пограничной королевской трехтемировской камеры писаря, и Яна Малчевскаго, лѣсничаго староства каневскаго, которые намъ показываютъ, что, спасая свою жизнь отъ суровости безчеловѣчной, дознанной уже (въ?) умерщвленіи надъ многими въ ихъ странѣ жителями отъ своихъ собратьевъ, перешли съ своими фамиліями въ имперію вашего величества, и просятъ покровительствовать ихъ въ безопасномъ здѣсь пребываніи. Я предложилъ означенной канцеляріи, чтобъ не только симъ пришедшимъ, но ежели и еще съ ихъ стороны съ таковыми-жъ прибѣгнутъ просьбами, не препятствовать какъ жить покудова угодно, такъ и всякія благодѣянія, какъ сосѣдней державы жителямъ, являть благосклонно. Слабымъ моимъ разсужденіемъ возмня, что сіи просьбы могутъ иногда (быть?) потребнымъ инструментомъ въ дѣлахъ, которыхъ они касаются, подношу для того при семъ оныя въ оригиналѣ.—*Слѣдуетъ подпись: Графъ Румянцевъ.*

VI.

Предписаніе гр. П. А. Румянцева командиру карабинернаго полка Протасову объ отправкѣ въ Каневъ небольшаго отряда съ цѣлію развѣдать, имѣютъ-ли овладѣвшіе этимъ городомъ запорожцы на то указъ и, если не имѣютъ, то переловить и представить ихъ.

1768 года, іюня 19 дня. № 1637.

Ордеръ господину полковнику карабинернаго полку Протасову.

По извѣстіямъ, которыя имѣю отъ полковой переяславской канцеляріи, что тридцать человѣкъ козаковъ запорожскихъ въ польскомъ мѣстечкѣ Каневѣ выжгли тамошній замокъ, умертвили многихъ поляковъ и, произведъ замѣшательства и немалыя разоренія, находятся и по днесь въ томъ же мѣстечкѣ, я велѣлъ прежде полковой той канцеляріи секретно послать нарочнаго и чрезъ онаго навѣдаться о бытности ихъ запорожевъ, и ежели при своихъ предпріятіяхъ въ тѣхъ мѣстахъ обрѣтаются, то ваше высокоблагородіе имѣете, по извѣстію о томъ, тотчасъ командировать туда, для поимки оныхъ запорожцевъ, своего полку пятьдесятъ человѣкъ карабинеровъ при одномъ исправномъ офицерѣ, которому препоручить въ команду и сто человѣкъ козаковъ малороссійскихъ, далъ я ордеръ полковой переяславской канцеляріи. При семъ случаѣ вы извольте отправленному офицеру предписать въ постановленіи, чтобъ съ командою пришедъ къ тому мѣсту, гдѣ будутъ объявленные запорожцы, показалъ имъ такой видъ, якобы онъ присланъ на вспоможеніе, по просьбѣ каневскихъ козаковъ и жителей, и старался-бы непримѣтнымъ образомъ овладѣть ими, и тогда требовать у нихъ того указу, который они тамъ объявляютъ о присылкѣ своей; а когда-бъ таковое сходственное письмо вѣроятно бы они предъявили, то оное подлинное заразъ отправилъ бы, при своемъ рапортѣ, чрезъ полковую канцелярію штафетомъ ко мнѣ по почтѣ, держа до резолюціи подъ рукою запорожцевъ. А когда таковаго письменнаго вида не покажутъ, или явится сомнительнымъ, или видимо ложный, то ихъ всѣхъ запорожцевъ токмо перехвативъ, возвратиться съ оными, пріемля къ тому способы, чтобъ безъ всякаго кровопролитія обойтиться, а буде бы они не сдались и что дерзкое предприняли противъ посланной команды, въ такомъ уже случаѣ брать ихъ силою. Сей же командѣ, кромѣ должности, по

которой она посылается, ни въ какія больше дѣла въ тѣхъ мѣстахъ не мѣшаться и обывателямъ тамошнимъ ни малѣйшихъ обидъ не причинять, подъ опасеніемъ строгаго отвѣта.—*Слѣдуетъ подпись.*

VII.

Донесеніе гр. П. А. Румянцева императрицѣ Екатеринѣ II о происходящихъ въ Польской Украйнѣ смятеніяхъ и междоусобіяхъ, съ испрашиваніемъ указа, какъ ему въ этихъ обстоятельствахъ поступать и какую сторону поддерживать.

Іюня 19 дня 1768 года.

Всемилостивѣйшая, державнѣйшая, великая государыня императрица и самодержица всероссійская, государыня всемилостивѣйшая!

Вашему императорскому величеству всеподданнѣйше я доносилъ, отъ 15 числа текущаго мѣсяца, о вышедшихъ въ Переяславъ изъ Польши полякахъ: Лукѣ Вилуцкомъ и Янѣ Малчевскомъ, которые, по возмущенію въ своей сторонѣ, ищутъ, до успокоенія того, чтобъ имъ не возбранено прожить подъ покровительствомъ въ имперіи вашего величества. А отъ 12 іюня репортуетъ ко мнѣ полковая переяславская канцелярія, что въ тотъ день съ таковыми-жъ просьбами прибыли въ оной-же городъ: старосты каневскаго Потоцкаго губернаторъ Игнатій Новицкій, губернаторъ-же корсунскій Семенъ Носачевскій, да каневскій козацкій полковникъ Антонъ Зеллеръ и порутчикъ Петръ Мадерашъ, капраловъ два и рядовыхъ жолнеровъ двадцать три, первые со многими своими фамиліями. И при семъ случаѣ означенный губернаторъ Нов[illegible]ій, который еще до прибытія своего въ Переяславъ прислалъ сюда съ преждевышедшимъ полякомъ Малчевскимъ дѣтей своихъ, отношеніемъ полковой канцеляріи объявилъ: 9-го числа сего іюня вооруженныхъ тридцать человѣкъ козаковъ, въѣхавши въ городъ Каневъ, прислали одного къ нему козака, объявляя, что они, въ силу указа вашего императорскаго величества, отъ кошеваго войска запорожскаго туда посланы и требовали, чтобъ онъ губернаторъ у нихъ явился для принятія повелѣнія, и когда онъ просилъ показать себѣ указъ, то они письмо ему и показали подъ титуломъ вашего императорскаго величества, подписанное запорожскимъ атаманомъ куреня уманскаго, котораго прозваніе онъ по-

забылъ, съ приложеніемъ печати запорожской, и въ то-же время напали на замокъ, зажгли городъ и умертвили многихъ изъ шляхетства и служащихъ; и когда видѣлъ, что, къ ихъ-же сторонѣ преклоняся, такъ сами полскіе козаки, яко и обыватели тамошніе, содѣйствовали разоренію замка, онъ, послѣ недолгой обороны, принужденъ былъ бѣжать, спасая жизнь свою, чрезъ Днѣпръ въ границы державы вашего императорскаго величества. Вслѣдъ за прибытіемъ въ Переяславъ означенныхъ поляковъ, прислано въ тамошнюю полковую канцелярію отъ жителей мѣстечка Канева, козацкихъ атамановъ съ товариществомъ, съ нарочнымъ того-жъ мѣстечка обывателемъ Сергѣемъ Споришемъ доношеніе, показуя, что они, предваряя намѣренія господъ своихъ, яко-бы на погубленіе ихъ взяться, и видѣвъ, что и попы свои за одно съ тѣми сдѣлались на нихъ гонители, призвали къ защищенію своему запорожскихъ козаковъ, которые, когда отъ послушанія имъ отрекся губернаторъ, сожгли замокъ, и требуя, какъ имъ поступать дальше, отъ той канцеляріи совѣта и наставленія. А и присланные съ симъ нарочные своимъ также допросомъ согласно, какъ и губернаторъ Новицкій показалъ о вышеписанномъ происшествіи, и что когда изъ мѣстечка Канева полковникъ Зеллеръ съ жолнерами бѣжали за границу россійскую, то запорожцы гнались за ними по Днѣпру лодками и настигъ нѣкоторыхъ предали смерти, и возвратясь живутъ и до днесь въ мѣстечкѣ Каневѣ, учреждая тамъ порядки экономическія, къ чему уже и опредѣленъ отъ нихъ экономомъ изъ тамошнихъ жителей городовой писарь греческаго исповѣданія. Жиды-жъ де, какъ въ Каневѣ, такъ и въ другихъ тамошнихъ мѣстечкахъ, всѣ при семъ случаѣ умерщвлены и ни единаго нигдѣ уже не осталось. Я не будучи снабденъ ни откуда никакимъ повѣреніемъ на нынѣшній случай обстоятельствъ польскихъ, слѣдственно и свѣденія прямаго не имѣю о томъ, что до сихъ дѣлъ касается; а зная, что корпусъ войскъ вашего величества, въ Польшѣ находящійся, дѣйствуетъ оружіемъ противъ злонамѣренныхъ конфедератовъ, то какъ изъ увѣдомленій, въ Малую Россію присылаемыхъ, открывается, что во всей окружности мѣстечка Канева взаимное мщеніе между собою польскихъ жителей распространяется до того, что сами подданные, ревнуя по вѣрѣ православія греческаго, возстаютъ противъ владѣльцевъ своихъ, и въ своемъ возмущеніи приняли тутъ средства жесточайшія, а напротивъ другіе, поборники римскаго исповѣданія, нападаютъ на церкви и монастыри православные, и наглыя мучительства производятъ

надъ духовными и мірскими людьми, какъ недавно полученъ протестъ въ полковой переяславской канцеляріи отъ игумена монастыря Андрушевскаго, близъ сихъ же мѣстъ состоящаго, о разграбленіи сей обители собравшимися поляками и дѣйствіяхъ при томъ ихъ безчеловѣчныхъ. Самъ-же староста каневскій Потоцкій не кажется мнѣ, чтобъ когда былъ усердно преданъ интересамъ вашего императорскаго величества, по разсужденію сего, что какъ объ немъ теперь, такъ и о другихъ, вѣдать нельзя, съ которой стороны находятся. И не имѣвши себѣ наставленія, кого въ сихъ близъ границы лежащихъ мѣстахъ, при нынѣшнемъ смятеніи защищать должно, но если-же на мнѣ, по высочайшей вашего императорскаго величества волѣ, лежитъ должность охранять цѣлость границъ и жителей, дабы иногда въ невѣденіи не причинить досады добронамѣреннымъ и не попустить-бы недоброжелательствующимъ распространять свои озорничества не только надъ доброжелательными поляками, но и на самихъ подданныхъ на границахъ живущихъ, осмѣливаюсь при донесеніи о вышеписанномъ вашему императорскому величеству всенижайше просить на все то высочайшаго указу, дабы я по тому все точно соблюлъ, что къ преуспѣянію высочайшихъ интересовъ вашего величества нужно, и какъ поступать по нынѣшнимъ (?) каневскихъ жителей и тому подобнымъ, если произойдутъ. Но теперь, поелику не знаю, чтобъ отъ вашего императорскаго величества даны были на сей случай какія особенныя повелѣнія запорожскимъ козакамъ, въ моей командѣ находячимся, а по поступкамъ ихъ считая быть каковой либо разбойнической партіи, воспріялъ сіи мѣры, что навѣдавшись, если они въ показанномъ мѣстечкѣ польскомъ и нынѣ находятся при своихъ предпріятіяхъ, предосторожно бъ туда, дабы они, подъ видомъ повелѣнія вашего императорскаго величества не произвели собою вредныхъ слѣдствій, отправить команду, состоящую въ пятидесяти человѣкъ карабинеровъ и ста козаковъ малороссійскихъ, при офицерѣ, для взятія оныхъ пристойнымъ и тихимъ образомъ, прежде однакожъ освѣдомясь, для какихъ причинъ туда они пришли. Вышеобъявленнымъ-же чинамъ съ фамиліями и жолнерамъ польскимъ даны въ Переяславѣ квартиры, и приличное благодѣяніе велѣлъ я оказывать.— *Слѣдуетъ подпись.*

VIII.

Предписаніе гр. П. А. Румянцева кошевому запорожскому Калнишевскому о доставленіи свѣдѣній относительно показавшихся въ Каневѣ запорожцевъ и наблюденіи, дабы запорожцы не проникали въ Украйну и не производили тамъ насилій.

Іюня 23 дня. № 649.

Ордеръ господину атаману кошевому Сѣчи запорожской Калнишевскому съ войсковою старшиною и товариществомъ.

Я весьма похваляю вашу осторожность и примѣчанія на дѣйствія сосѣднихъ вамъ областей; о чемъ сего числа мнѣ дошли мая отъ 15-го, 27-го и 31-го ваши представленія, рекомендуя и напредъ то чинить, а только о приближеніи прусскихъ и саксонскихъ войскъ меньше имѣть опасности [1]).

Между прибывшими подъ защиту въ Малую Россію польскими чинами, губернаторъ каневскій Новицкій доношеніемъ въ полковую переяславскую канцелярію представилъ, что противъ 9-го числа, сего іюня, человѣкъ тридцать козаковъ запорожскихъ пришли въ мѣстечко Каневъ, сказывая (что?) о приходѣ своемъ имѣютъ указъ, который и показывали означенному губернатору, и онъ видѣлъ, что онъ написанъ подъ титулой ея императорскаго величества, за подписомъ атамана куреннаго уманскаго, котораго имени не помнилъ, и за печатью кошеваго; и когда ихъ повелѣній не принялъ губернаторъ Новицкій, они сожгли замокъ и многіе прогрессы въ тамошнихъ мѣстахъ учинили. А какъ мѣстечка Канева жители прислали также полковой канцеляріи доношеніе съ объявленіемъ, что они тѣхъ запорожцевъ вызвали сами изъ Сѣчи къ своей защитѣ, и присланный съ тѣмъ нарочный показалъ, что атаманомъ былъ у тѣхъ козаковъ куреня Мглинскаго запорожскаго Семенъ Неживой.

Вы посему тотчасъ мнѣ дайте, по выправкѣ, отвѣтъ, были-ль какія къ вамъ просьбы отъ каневскихъ жителей, отъ Коша ли

---

1) Графъ Румянцевъ, въ сообщеніи своемъ, отъ 23 іюня 1768 г., № 644, къ кіевскому генералъ-губернатору Воейкову, между прочимъ, пишетъ: „въ окончаніе хочу „упомянуть, сколько къ удивленію простоты запорожцевъ, получилъ я, между нѣсколь„кими отъ кошеваго атамана сего дня секретными рапортами, изъ сказовъ людскихъ „одинъ и о томъ, что они слышутъ, яко подъ мѣстечкомъ Васильковымъ сто тысячъ „прусскихъ и саксонскихъ войскъ идетъ, и въ разсужденіи сихъ предпріятій онъ такъ„же своимъ козакамъ велѣлъ быть въ готовности".—Примѣч. М. А. Максимовича.

подлинно сіи козаки посланы туда, и не дано-ль письменнаго какого приказанія, или самовольно и злодѣйскимъ образомъ такая шайка вышла. Возьмите притомъ найстрожайшее наблюденіе, дабы изъ вашихъ козаковъ, при нынѣшнихъ обстоятельствахъ польскихъ, не могли уходить въ Польшу и производить тамъ наглости и разоренія, чтобъ вамъ самимъ за слабое надъ подчиненными смотрѣніе въ семъ случаѣ не дошло иногда не въ предосужденіе отвѣтствовать.—*Слѣдуетъ подпись.*

IX.

Донесеніе гр. П. А. Румянцева чрезъ коллегію иностранныхъ дѣлъ императрицѣ Екатеринѣ II объ открывшихся въ Украйнѣ дѣйствіяхъ гайдамакъ и принимаемыхъ имъ противъ нихъ мѣрахъ, съ испрошеніемъ особаго, по поводу этихъ обстоятельствъ, Высочайшаго повелѣнія.

Іюня 23 дня.

Реляція въ коллегію иностранныхъ дѣлъ.

Послѣ отправленныхъ отъ меня къ вашему императорскому величеству отъ 15-го и 19-го чиселъ сего мѣсяца двухъ всеподданнѣйшихъ реляцій о прибытіи въ городъ Переяславъ многихъ польскихъ чиновъ съ фамиліями, ищущихъ покровительства по смятеніямъ въ ихъ землѣ, и что я для поимки шайки разбойнической запорожской, разорившей мѣстечко Каневъ, велѣлъ отправить пятьдесятъ человѣкъ карабинеровъ и сто козаковъ малороссійскихъ, при одномъ офицерѣ, къ тому мѣстечку;—въ прибавокъ получилъ вчерась отъ господина генералъ аншефа и кіевскаго генералъ-губернатора Воейкова сообщеніе, которымъ онъ, по извѣстіямъ къ нему дошедшимъ, упоминаетъ, что гайдамацкія толпы въ Уманьщинѣ, Чигиринщинѣ, Смѣлянщинѣ и во всей тамошней околичности, не только весь тотъ край грабятъ и разоряютъ, но и самыя свирѣпыя тиранства надъ польскими шляхтичами, безчеловѣчно оныхъ муча и умерщвляя, производятъ, и съ отважностію по самой границѣ мимо форпостовъ разъѣзжая, стоящимъ при редутахъ командамъ грозятъ о невпущеніи польскаго шляхетства въ границы подъ защиту вашего императорскаго величества. Между тѣмъ и бѣлоцерковскій комендантъ Карбовскій испрашивалъ у него господина генералъ-губернатора, для защиты той крѣпости, по малолюдству гарнизона, подкрѣпленія воинскими людьми, куда онъ пятьдесятъ человѣкъ елец-

каго полка съ офицеромъ отправилъ; да находящійся въ крѣпости Елисаветы полковникъ Корфъ въ согласіе сему же прибавляетъ дошедшія извѣстія, что мая 28-го, пришедъ въ поселенную Макара Чернѣкова слободу, пятьдесятъ человѣкъ гайдамаковъ вооруженныхъ объявили жителямъ оной, что они идутъ въ Польшу для заступленія вѣры, и чтобъ сіи сказывали всѣмъ своимъ командирамъ о таковомъ ихъ намѣреніи, и яко имъ никакая команда въ томъ препятства сдѣлать не можетъ. А таковы де всѣ партіи гайдамацкія, какъ сообщаютъ выходцы на поселеніе сюда изъ Польши, соединясь въ одно мѣсто человѣкъ до тысячи, въ мотронинскомъ лѣсу сдѣлали себѣ засѣку, разстановивъ отбитыя въ польскихъ мѣстечкахъ пушки, и выходя изъ того убѣжища партіями, польскія мѣстечки и деревни разграбляютъ и награбленные пожитки тамъ складываютъ; жидовъ окрещиваютъ, а не хотящихъ того чинить предаютъ смерти. И требовалъ онъ, господинъ генералъ-губернаторъ Воейковъ, чтобъ и я съ моей команды, ко истребленію тѣхъ разорителей, въ показанныя мѣста отправилъ нѣсколько эскадроновъ карабинерныхъ полковъ на встрѣчу командированнымъ отъ него гусарскихъ и новороссійской губерніи тремъ эскадронамъ. По симъ обстоятельствамъ я призналъ за нужно велѣть тотчасъ съ московскаго карабинернаго полку полковнику Протасову съ своимъ полкомъ и ста пятьюдесятью козаковъ малороссійскихъ выступить въ Польшу и расположиться въ округахъ: каневскомъ, бѣлоцерковскомъ, уманскомъ, чигиринскомъ и смѣлянскомъ, и поимкою истреблять разорителей, предписавъ притомъ, чтобъ онъ, будучи съ командою въ Польшѣ, тамошнимъ жителямъ обидъ и озлобленій ни малѣйшихъ не чинилъ, подъ опасеніемъ военнаго суда, и старался бы и самыя разбойническія партіи брать безъ всякаго кровопролитія, паче увѣщаніями и способами искусствъ, развѣ они предпріяли бы что-либо дерзкое, и тогда остается употребить силу, о происхожденіи-же репортовалъ мнѣ, генераль-губернатору Воейкову и находячемусь въ Польшѣ генералъ-маіору Кречетникову, и ихъ повелѣнія въ разсужденіи высочайшихъ вашего императорскаго величества намѣреній, если какія имѣть будетъ, исполнялъ-бы; также поелику слободской гусарскій харьковскій полкъ нынѣ туда-же въ Польшу слѣдуетъ, то и съ онымъ держалъ бы онъ сообщеніе, соображаясь наставленію, данному того полку полковнику Чорбѣ, къ чему касающійся 2 й пунктъ, изъ указа государственной коллегіи выписанный, при томъ ему

приложенъ. Потребно также я разсудилъ, дабы удобнѣе подавать было въ нужномъ случаѣ, на поимку умножившихся партій гайдамаковъ, помощь, назначенный къ лагерю козловскій полкъ оставить въ крѣпости св. Елисаветы, гдѣ онъ нынѣ стоитъ. Поелику всѣ сіи партіи разбойническія, какъ я вижу, переходятъ въ Польшу чрезъ новороссійскую губернію, то я сообщилъ господину генералъ губернатору Воейкову, чтобъ предложено отъ него содержащимъ форпостные команды чинамъ о наблюденіи строжайшемъ въ пресѣченіи переходу чрезъ тѣ мѣста гайдамакамъ въ Польшу; а кошевому атаману послалъ ордеръ—дать мнѣ тотчасъ отвѣтъ, извѣстно-ль ему, что изъ запорожскихъ козаковъ подлинно вызваны жительми мѣстечка Канева для вспоможенія къ разоренію города? и чтобъ онъ настрожайше въ своемъ войскѣ наблюдалъ, дабы разбойническія партіи при нынѣшнемъ случаѣ не могли выходить изъ ихъ мѣстъ въ Польшу и тамъ чинить разбои. Въ примѣчаніи-же на нынѣшнія смятенія польскія, коль тѣхъ мѣстъ, паче при границѣ лежащихъ, жители подъемлютъ теперь руку и оружіе въ междоусобіи одинъ противъ другаго, чтобъ сіи обстоятельства не могли родить непріятныхъ слѣдствій для живущихъ на границахъ вашего императорскаго величества подданныхъ, я представилъ, отъ 21 числа сего мѣсяца, въ государственную военную коллегію мое мнѣніе, чтобъ поелику повелѣно мнѣ въ нынѣшнее лѣто собрать въ лагерь, для показанія военной полевой службы, всѣ полки моей дивизіи, то часть изъ оныхъ оставя въ назначенномъ уже къ тому мѣсту при Полтавѣ, прочимъ собраться въ другой лагерь близъ Переяслава. Симъ средствомъ можно устранить дальнія и успокоить всѣ нынѣ близъ границы въ Польшѣ происходящія худыя начинанія; для чего я уже и повелѣлъ нѣкоторымъ полкамъ къ той сторонѣ для лагеря склонять свой маршъ. Но какъ я распоряженія сіи дѣлаю только по лучшему моему разумѣнію и усердію къ соблюденію интересовъ высочайшихъ вашего императорскаго величества, не будучи снабденъ никакимъ повелѣніемъ на случай тѣсныхъ обстоятельствъ польскихъ, такъ, чтобъ мнѣ иногда отъ невѣденія не учинить при томъ въ чемъ либо упущеніе, осмѣливаюсь повторить всеподданнѣйше и при семъ о снабденіи меня на то высочайшимъ повелѣніемъ. Вашего императорскаго величества всеподданнѣйшій рабъ.—*Слѣдуетъ подпись.*

X.

Донесеніе гр. П. А. Румянцева чрезъ коллегію иностранныхъ дѣлъ имп. Екатеринѣ II о разореніи гайдамаками Умани (?) и Палѣева Озера, истребленіи поляковъ и жидовъ, нападеніи на Балту и проч. и принятыхъ имъ поэтому мѣрахъ.

Іюля 3 дня. № 678.

Реляція въ иностранныхъ дѣлъ коллегію.

Доносилъ я вашему императорскому величеству всеподданнѣйшею реляціею, прошедкаго іюня отъ 23 числа, каковы по лучшему моему разумѣнію воспріяты мѣры къ истребленію разбойническихъ партій, которыя, при нынѣшнемъ смятеніи въ Польшѣ, лютыя безчеловѣчія производятъ; но отъ времени еще болѣе прибавляться стало о ихъ злодѣйствѣ увѣдомленіе.

Я подношу при семъ въ копіи вчера полученный репортъ съ приложеніемъ козловскаго пѣхотнаго полку отъ полковника Корфа, что сихъ гайдамакъ умножившееся число, подъ именемъ запорожскихъ козаковъ, не только два польскія мѣстечка Умань (?) и Палѣево Озеро разорили, умертвивъ въ оныхъ до нѣсколько тысячъ поляковъ и жидовъ, но и турецкой области въ мѣстечкѣ Балтѣ нападеніемъ на оное ушедшихъ отъ ихъ мученій жидовъ и поляковъ убили, сражавшись съ турками давшими имъ убѣжище.

Всего больше, что сіи злодѣи, какъ въ Польшѣ, такъ и въ пограничныхъ мѣстахъ турецкихъ, при таковыхъ случаяхъ объявляютъ, что они посланы и все дѣлаютъ по указу вашего императорскаго величества, чѣмъ подвергнули татаръ къ пріуготовленіямъ съ своей стороны, которые уже надъ подданными вашего императорскаго величества, крѣпости св. Елисаветы купцами, и начали производить свои мщенія, разграбивъ нѣкоторыхъ и одного подстрѣливъ. О таковыхъ обстоятельствахъ я тотчасъ увѣдомленіями господина генералъ-аншефа и кіевскаго генералъ-губернатора Воейкова подалъ ему совѣты, что какъ на его возложена пограничная вся корреспонденція, то бы онъ немедленно предварилъ сообщеніями своими, кого онъ знаетъ, что дерзнувшіе причинять нападенія въ турецкой области суть своевольные разбойники, а ваше императорское величество высочайшими повелѣніями въ томъ нимало не участвуете, и потому съ ними поступаемо-бъ было такъ, какъ съ злодѣями, покуси-

пимись отъ себя на таковыя наглости, а равномѣрно ко истребленію оныхъ и отъ вашего величества взяты потребныя мѣры. И поелику сіи всѣ разбойники называются запорожцами, а притомъ и въ репортѣ прилагаемомъ маіора Вульфа находится, что въ гарду запорожскій писарь Быстрицкій объявилъ, что отъ Сѣчи команды посланы въ Умань, такъ я отправленнымъ теперь же курьеромъ потребовалъ отъ кошеваго атамана Калнишевскаго (не думая, чтобъ ему даны были повелѣнія о поискахъ каковыхъ либо, о коихъ-бы мнѣ для вѣдома не предложено, яко несущему должность, по волѣ вашего императорскаго величества, охраненія цѣлости и безопасности въ сихъ мѣстахъ имперіи вашего величества границъ) отвѣта: какъ и для чего команда отъ Сѣчи послана въ Умань? и чтобъ онъ воспріялъ строжайшія мѣры къ истребленію разбойниковъ, производящихъ наглости въ Польшѣ и по границѣ турецкой, и увѣдомилъ-бы, съ запорожскихъ-ли оные козаковъ. Содержащимъ-же команду по форпостамъ наивящше подтвердилъ о наблюденіи, чтобъ сіи разбойническія партіи не могли пробираться въ Польшу чрезъ новороссійскую губернію обыкновенною себѣ дорогою. Хотя средствами сими, мнѣ кажется, удобно утушить малыя искры въ началѣ ихъ рожденія, могущія иногда возжечь пламя великаго неспокойства, но поелику дикость сихъ народовъ намъ пограничныхъ заставляютъ и въ самомъ лучшемъ времени мирномъ взирать на ихъ недреманнымъ окомъ и мало надѣяться на ихъ благоразсужденіе, я не могу обойтиться, чтобъ и при семъ не возобновить моей всеподданнѣйшей просьбы о снабденіи меня, на нынѣшнія обстоятельства и послѣдствія ихъ быть могущія, полнымъ высочайшимъ вашего императорскаго величества повелѣніемъ.—*Подпись.*

XI.

Донесеніе гр. П. А. Румянцева чрезъ коллегію иностранныхъ дѣлъ имп. Екатеринѣ II объ истребленіи посланнымъ отъ него въ Украйну полковникомъ Протасьевымъ гайдамацкихъ отрядовъ Журбы и Швачки, движеніи его къ Умани и проч.

Іюля 15 дня. № 703.

Реляція въ коллегію иностранныхъ дѣлъ.

При распоряженіяхъ, кои могъ я учинить на случай дошедшихъ ко мнѣ извѣстій о смятеніяхъ пограничныхъ польскихъ,

произведенныхъ отъ вторгнувшихся туда своевольныхъ запорожскихъ гайдамаковъ, донесено уже отъ меня вашему императорскому величеству всеподданнѣйшею моею реляціею отъ 23 іюня, что я принужденъ былъ, получая всечасно жалостныя извѣстія о умноженіи силы и безчеловѣчныхъ тиранствахъ сихъ разорителей надъ поляками и жидами, командировалъ въ Польшу полковника Протасьева съ его полкомъ московскимъ карабинернымъ для истребленія шайки разбойничей. Теперь, долженствуя поднесть увѣдомленіе о успѣхѣ отправленной команды, отъ 9 числа текущаго мѣсяца тотъ полковникъ Протасьевъ прислалъ ко мнѣ репортъ, что онъ, вступя въ Польшу, развѣдавши, что собранія таковыхъ разбойниковъ, одно въ числѣ трехъ сотъ человѣкъ въ селѣ Блощинцахъ, въ растояніи отъ Бѣлой Церкви въ пятнадцати верстахъ, а другое вблизи мѣстечка Богуславля, также въ нѣсколькихъ стахъ человѣкъ, и руководствуютъ оными атаманы: въ первомъ Журба, во второмъ Швачка, учинилъ на ихъ нападенія въ обоихъ мѣстечкахъ и разбилъ сіи обѣ партіи. Въ помянутомъ селѣ Блощинцахъ хотя сіи разбойники покусились было воспротивляться оборонительно, однакожъ не имѣли въ томъ успѣха и ни одного не повредили человѣка; на мѣстѣ ихъ убито до тридцати, да поймано 64 человѣка, прочіе-же разбѣжались; при чемъ взято четыре знамя, двѣ мѣдныхъ пушки и одну черную, да гаковницъ желѣзныхъ пять. Тоже недоѣзжая мѣстечка Богуславля настигнутыхъ другой партіи злодѣевъ взято 68 человѣкъ съ двумя знаменами при упомянутомъ атаманѣ Швачкѣ, который послѣ допросовъ показалъ, что они будто отъ запорожскаго полковника Максима Желѣзняка съ атаманомъ Неживымъ посланы по всей польской Украинѣ для истребленія поляковъ и жидовъ, которыхъ они во многихъ мѣстахъ и поперебили; а Желѣзнякъ сію-же посылку чинилъ якобы по указу; въ ватагу-же ихъ приставали польскіе разнаго званія люди и козаки. Третья-же партія, по показанію сего пойманнаго атамана, съ атаманомъ Неживымъ нынѣ находится въ Чигиринщинѣ, а самъ полковникъ съ большою партіею въ Уманѣ, куда реченный полковникъ Протасьевъ, съ отправленіемъ ко мнѣ репорта, и взялъ походъ, а я еще ему найвящше подтвердилъ, чтобъ онъ преслѣдовалъ сихъ своевольныхъ злодѣевъ до послѣдняго оныхъ искорененія. Тутъ-же, поелику онъ требовалъ отъ меня резолюціи, что чинить съ отобранными пожитками, которыя опознавши поляки ищутъ, такъ какъ и усмирить собственныхъ

ихъ подданныхъ, дѣлающихъ мучительства и смертное убійство своимъ владѣльцамъ,—я предписалъ: если кто удостовѣритъ истинными доводами, что у него то пограблено, таковымъ опознанное все отдавать за росписками ихъ и свидѣтелей, а во всѣхъ деревняхъ подтверждать объявленія, которыя уже отъ его Протасьева тамъ и учинены, чтобъ подданные отложили взятый мятежъ съ причины разныхъ внушеній отъ людей своевольныхъ, при чемъ и ожидать можно, что взбунтовавшіесь подданные обратятся конечно къ прежнему послушанію, увидѣвъ, что ободрившіе ихъ на возмущеніе истребляются, какъ злодѣи погубленія достойные. Кромѣ же объявленныхъ разбойническихъ партій, въ той окружности противныхъ конфедерацкихъ сборищъ онъ полковникъ ни собою, ни по слуху, не примѣтилъ; а пойманныхъ разбойниковъ, числомъ 137 человѣкъ, отправилъ онъ, Протасьевъ, всѣхъ за карауломъ въ Кіевъ къ господину генералъ-аншефу и кіевскому генералъ-губернатору Воейкову. О чемъ всеподданнѣйше доношу. Вашего императорскаго величества всеподданнѣйшій рабъ. —*Слѣдуетъ подпись.*

(Продолженіе будетъ).

Библіографія.

Очеркъ исторіи западно-русской церкви. И. Чистовича. Часть первая. Спб. 1882 г. Стр. 1—220.

Задачею почтеннаго автора настоящаго труда было, по его объясненію, „изложить въ краткомъ и сжатомъ очеркѣ послѣдовательный ходъ событій исторіи западно-русской церкви". Разумѣется здѣсь исторія русской церкви въ предѣлахъ юго-западной и западной Руси, начиная со времени первоначальнаго отдѣленія этой части ея отъ единства съ остальною русскою церковію до послѣдовавшаго разновременно возсоединенія ея съ нею. Выясняя свой взглядъ на судьбы и характеристическія черты отдѣльной исторической жизни западно-русской церкви и останавливаясь на фактѣ отдѣленія южно-русской митрополіи отъ сѣверной, авторъ основательно замѣчаетъ: „но существенныя особенности, отличавшія западно-русскую церковь отъ сѣверо-восточной, заключались не въ отдѣльной митрополіи, которая сама по себѣ образовала-бы только другой центръ церковнаго управленія въ Россіи, не измѣняя общаго положенія дѣлъ, а въ тѣхъ формахъ церковной жизни, которыя развились въ ней подъ вліяніемъ ея особенныхъ условій и отношеній политическихъ и религіозныхъ. Важнѣйшими изъ этихъ условій были: въ политическомъ отношеніи — подчиненіе западно-русскихъ земель, послѣ короткаго владычества князей изъ русскаго княжескаго рода Владиміра Великаго, власти литовскихъ князей и затѣмъ литовско-польскому и польскому владычеству, въ церковно-религіозномъ отношеніи тѣ многочисленныя и разнообразныя вліянія со стороны римско-католической церкви, подъ которыя подпала южно-русская церковь, находясь подъ государственнымъ управленіемъ властей римско-католическаго исповѣданія

и затѣмъ, со времени уніи, въ самой большей части ея подъ управленіемъ іерархіи, признавшей надъ собою власть римскаго первосвященника. Въ это время въ той части ея, которая осталась вѣрною православію, особенно развилось чувство *народной* силы и вмѣстѣ такіе способы ея защиты, какіе были не извѣстны сѣверо-восточной Руси. Проходящая чрезъ всѣ эти историческіе фазисы народной южно-русской жизни борьба за народность и существенный элементъ ея, вѣру, соединенныя съ борьбою страданія, паденіе или измѣна однихъ, стойкость, величіе духа или терпѣливость другихъ—все это принадлежитъ къ особенностямъ, вызваннымъ въ религіозной жизни южно-русскихъ областей ихъ особенными историческими обстоятельствами.

Сообразно съ такимъ взглядомъ на судьбу исторической жизни западно-русской церкви, поясненнымъ у автора еще нѣкоторыми замѣчаніями относительно главнѣйшихъ опредѣляющихъ событій въ этой жизни, содержаніе „Очерка исторіи“ ея представляется въ слѣдующемъ видѣ:

I. *Галицко-владимірское княжество и галицкая митрополія.* Соединеніе владиміро-волынскаго и галицкаго княжествъ въ одно и образованіе перваго значительнаго южно-русскаго княжества. Первыя попытки къ образованію отдѣльной митрополіи въ галицко-волынскомъ княжествѣ. Стремленія дома къ подчиненію себѣ южно-русской церкви.

II. *Литовско-польское владычество въ южной и западной Руси.* 1) Литва и Польша: знаменитые князья литовскіе: Гедиминъ, Ольгердъ, Витовтъ. Православная вѣра въ Литвѣ. Политическій составъ коренной Польши. Начало христіанства въ Польшѣ. 2) Южно-русскія и западно-русскія земли, вошедшія въ составъ Литвы и Польши. 3) Распространеніе латинства въ южной Руси и основаніе латинскихъ епископскихъ каѳедръ. 4) Соединеніе Литвы съ Польшею при Ягайлѣ. Великіе князья литовскіе. Ягеллоны на престолѣ польскомъ и великаго княжества литовскаго: Казиміръ, Александръ, Сигизмундъ 1, Сигизмундъ-Августъ. Люблинская унія. Избирательное правленіе. 5) Реформація въ Литвѣ и южной Руси. 6) Образованіе въ литовско-польскомъ государствѣ до іезуитовъ и при іезуитахъ. Краковская академія. Виленская іезуитская академія. Замойская академія.

III. *Западно-русская митрополія.* 1) Бывшіе въ XIV в. попытки къ учрежденію въ Литвѣ и галицкой Руси особыхъ митрополій. Образованіе западно-русской митрополіи. 2) Составъ ея и епархіи.

Митрополичья епархія, составъ ея, преемство митрополитовъ. Епархіи: смоленская, черниговская, полоцкая и пинско-туровская. Православныя епархіи на Волыни: владиміро-брестская и луцко-острожская. Православныя епархіи въ русскихъ областяхъ подъ польскимъ владычествомъ: холмская, галицкая и перемышльская. 3) Управленіе западно-русской церкви до брестской уніи: охраны церковнаго управленія; церковный судъ; неприкосновенность святительскаго суда. Патронатъ. Соборы западно-русской церкви въ XVI в. Недвижимыя имущества ея. 4) Состояніе просвѣщенія въ южной и западной Руси въ XV и XVI в. Училища, типографіи и печатаніе книгъ. Памятники духовнаго просвѣщенія. Труды князя Курбскаго. Полемическія сочиненія старца Артемія. Библія Скорины. Острожская библія.

Новый трудъ г. Чистовича имѣетъ несомнѣнное значеніе прежде всего по своей задачѣ. У насъ нѣтъ недостатка въ монографіяхъ и изслѣдованіяхъ, посвященныхъ тѣмъ или другимъ частямъ и сторонамъ, лицамъ и событіямъ западно-русской церковной исторіи. Но трудъ г. Чистовича, предположившаго въ краткомъ и сжатомъ очеркѣ изложить весь послѣдовательный ходъ событій этой исторіи въ цѣломъ объемѣ ея, будетъ первымъ этого рода опытомъ. Въ связи съ такимъ характеромъ его, какъ „краткаго и сжатаго очерка“ находится и учено-литературное и научно-педагогическое достоинство его. „Если предлагаемый очеркъ, говоритъ авторъ, не заключаетъ въ себѣ результатовъ изученія всѣхъ многочисленныхъ и разнообразныхъ источниковъ и памятниковъ западно-русской исторіи и относящихся къ ней ученыхъ изслѣдованій, то во всякомъ случаѣ онъ представляетъ, основанное на изученіи этихъ памятниковъ, довольно полное изображеніе исторической судьбы западно-русской церкви“. Почтенный авторъ имѣетъ полное основаніе для такой характеристики своего труда. Достоинство его, какъ краткаго и сжатаго очерка, восполняется отчетливымъ обозначеніемъ и опредѣленіемъ важнѣйшихъ условій и отношеній, подъ вліяніемъ которыхъ своеобразно слагалась, и важнѣйшихъ историческихъ фазисовъ, чрезъ которые проходила отдѣльная историческая жизнь южно—и западно-русской церкви. Цѣльныя описанія и живыя характеристики отдѣльныхъ событій, явленій и лицъ не могутъ быть повсюду обязательны въ такомъ сочиненіи, какъ настоящее. Но мѣстами они есть и здѣсь, то въ самомъ текстѣ, то въ примѣчаніяхъ. Не всегда авторъ ссылается на первые источники или лучшія и болѣе подходящія изданія ихъ,

но во многихъ случаяхъ онъ самостоятельно провѣряетъ какъ свидѣтельства памятниковъ, такъ и мнѣнія изслѣдователей, выражая впрочемъ не самый процессъ, а только результатъ такой провѣрки, говоря вообще, основательной. Осторожный на предположенія, авторъ позволяетъ себѣ ихъ только изрѣдка, напримѣръ относительно названія „Бѣлая Русь", какъ на часть Руси, которая никогда не подпадала татарскому владычеству, оставаясь за все время его свободною или „бѣлою". Авторъ принимаетъ предположеніе о раннемъ, еще въ XII в., появленіи въ Полоцкѣ, нѣкогда главномъ городѣ Бѣлоруссіи, династіи литовскихъ князей. Но, говоря о полоцкой епархіи, онъ удержался отъ объясненія факта ранняго возвышенія здѣшней епископіи на степень архіепископіи и вмѣстѣ съ тѣмъ возвышенія полоцкаго іерарха до степени перваго, послѣ митрополита, іерарха въ ряду южно—и западно-русскихъ епископовъ, а также факта сильнаго умноженія здѣсь монастырей и широкихъ притязаній полоцкаго земства и горожанъ на участіе въ церковныхъ дѣлахъ. Къ концу „Очерка" полнѣе могъ-бы быть, по нашему мнѣнію, отдѣлъ о состояніи просвѣщенія въ южной и западной Руси въ XV и XVI в. Между прочимъ, болѣе вниманія заслуживалъ бы и фактъ непрерывнаго существованія начальнаго школьнаго обученія при многихъ приходскихъ, особенно патронатскихъ, церквяхъ, также городскихъ и монастыряхъ. Не лишни были-бъ также указанія на нѣкоторые религіозно церковные обычаи, усматриваемые въ западной Руси въ XV и XVI в., какъ продолжавшееся развиваться или формироваться наслѣдіе прошлаго, перешедшее въ тѣхъ же или видоизмѣненныхъ формахъ и въ послѣдующее время. Впрочемъ эти и подобныя требованія выходятъ отчасти уже за предѣлы задачи, принадлежавшей „Очерку". Въ предѣлахъ своей задачи, онъ обработанъ такъ основательно и удачно, что возбуждаетъ желаніе видѣть продолженіе этого очень почтеннаго и полезнаго труда.

И. М.

Акты, относящіяся къ исторіи южной и западной Россіи, собранные и изданные археографическою коммисіею. Томъ двѣнадцатый. С.-Петербургъ. 1882 г.

Мы считаемъ излишнимъ говорить о значеніи и научной важности для исторіи юго-западной Руси этого прекраснаго изданія: оно слишкомъ извѣстно всѣмъ занимающимся исторіею

этого края. Вышедшій нынѣ томъ обнимаетъ документы относящіеся только къ исторіи двухъ лѣтъ, 1675—1676; въ составъ его вошли 224 документа, извлеченные изъ архивовъ министерствъ: иностранныхъ дѣлъ и юстиціи и редактированные Н. И. Костомаровымъ. Документы эти относятся къ двумъ послѣднимъ годамъ гетманства Петра Дорошенка и серія ихъ заканчивается сдачею и выселеніемъ изъ Чигрина этого гетмана. Впрочемъ содержаніе изданныхъ актовъ до нѣкоторой степени извѣстно лицамъ, занимающимся исторіей южной Руси, такъ какъ они послужили главнымъ матеріаломъ при составленіи Н. И. Костомаровымъ его монографіи, изданной подъ заглавіемъ: „Руина". Для исторіи города Кіева имѣетъ спеціальное значеніе документъ, помѣщенный подъ № 102. Это дѣло относящееся къ утвержденію въ должности царемъ кіевскаго войта Ждана Тадрины и списокъ статей, поданныхъ въ приказъ малороссійскій этимъ войтомъ отъ имени города, въ которыхъ изложены обиды, претерпѣваемыя городомъ отъ ратныхъ людей и воеводъ и просьба о ихъ воздержаніи.

В. А.

Разысканія о началѣ Руси, Д. Иловайскаго, изданіе второе, исправленное и дополненное, съ присоединеніемъ вопроса о гуннахъ. Москва, 1882.

Книга имѣетъ цѣлію опровергнуть норманнское происхожденіе русскаго государства и доказать славянское происхожденіе Руси, дунайскихъ болгаръ и гунновъ. Туземное происхожденіе Руси, между прочимъ, доказывается „тяготѣніемъ нашей первоначальной исторіи и самаго имени Русь къ югу, а не къ сѣверу. Русью называли себя преимущественно обитатели Приднѣпровья, а новгородцы называли себя славянами. Русскимъ называлось Черное море, а варяжскимъ Балтійское, что̀ прямо указываетъ на совершенно различное географическое положеніе варяговъ и руссовъ. Изъ иностранныхъ извѣстій IX и X вѣковъ чаще другихъ названіе Русь встрѣчается именно на юго-востокѣ, т. е. у арабскихъ писателей". Но не всѣ доказательства, приводимыя г. Иловайскимъ въ опроверженіе теоріи норманизма и въ подтвержденіе того, что Русь была искони народомъ туземнымъ и что она сама основала свое государство, имѣютъ одинаковую твер-

дость. Норманисты обыкновенно указываютъ на *русскія* названія пороговъ днѣпровскихъ у Константина Багрянороднаго и объясняютъ эти названія изъ нарѣчій скандинавскихъ. Противъ нихъ г. Иловайскій старается доказать только, что эти названія *могутъ быть объясняемы* изъ языка славянскаго. Почему-то авторъ не хотѣлъ воспользоваться и *археологическими* доказательствами исконнаго существованія русскихъ славянъ на нынѣшнемъ югѣ Россіи. Въ заключеніе, считаемъ не лишнимъ указать здѣсь на мало извѣстную попытку К. Шейковскаго объяснить названія пороговъ днѣпровскихъ у Константина Багрянороднаго изъ славянскихъ нарѣчій. Попытка эта сдѣлана въ неизданной диссертаціи pro venia legendi К. Шейковскаго и извѣстна только по оффиціальному отзыву о ней въ протоколахъ кіевской духовной академіи 19 марта, 1871 года. По словамъ г. Шейковскаго, славянскій міръ еще въ доисторическую эпоху распался на двѣ группы. Характеристическимъ лингвистическимъ признакомъ первой былъ консонантизмъ, а второй—вокализмъ. Первую составляли склавины, а вторую анты. Тѣ и другіе развѣтвились изъ одного народа, называвшагося спорами. Изъ русскихъ племенъ къ первой группѣ принадлежали поляне и древляне, у коихъ, равно какъ и у новгородцевъ, и теперь преобладаетъ консонантизмъ; къ типу антовъ, въ языкѣ которыхъ былъ вокализмъ, принадлежала Русь при Черномъ морѣ, откуда она дѣлала нападенія на Константинополь. Этимъ двумъ группамъ славянскихъ племенъ, склавинамъ и антамъ, соотвѣтствуютъ и двойныя названія днѣпровскихъ пороговъ у Константина Багрянороднаго. Онъ приводитъ русскія и славянскія названія этихъ пороговъ. Славянскія названія отличаются неполногласіемъ или консонантизмомъ, а русскія полногласіемъ или вокализмомъ. Тѣ и другія Багрянородный переводитъ на греческій языкъ, какъ тождественныя по значенію, но отдаетъ предпочтеніе русскимъ названіямъ пороговъ, какъ настоящимъ названіямъ. А Русь, жившая у береговъ Чернаго моря, это-де южноруссы, принадлежавшіе къ антской отрасли славянъ, отличавшихся полногласіемъ или вокализмомъ; слѣдов., къ объясненію названій пороговъ днѣпровскихъ должно быть призвано и южнорусское нарѣчіе. Константинъ Багрянородный приводитъ и объясняетъ названія семи днѣпровскихъ пороговъ: 1) *Ессупи*, что значитъ „не спи“; 2) по-русски *Ульворси*, а по славянски *Островунипрахъ*, что значитъ „порогъ острова“; 3) *Геляндри*, что значитъ „звукъ порога“; 4) по-русски *Айфарь*, а по сла-

вянски *Неясыть*, „потому что въ скалахъ его водятся пеликаны“; 5) по-русски *Варуфоросъ*, а по-славянски *Вулнипрахъ*, что значитъ „кипѣніе жидкости“; 6) по-русски *Леанти*, а по славянски *Веручи*, и 7) по-русски *Струбунъ*, а по-славянски *Напрези*, что толкуется „малый порогъ“. Для объясненія русскихъ названій всѣхъ этихъ пороговъ г. Шейковскій употребляетъ полногласныя формы южнорусскаго нарѣчія, а для объясненія славянскихъ названій ихъ, неполногласныя формы славянскаго, приэтомъ онъ подбираетъ для объясненія русскихъ названій пороговъ такія южнорусскія слова, которыя-бы не только были созвучны приводимымъ у Багрянороднаго названіямъ, но и по значенію своему соотвѣтствовали-бы даваемому Багрянороднымъ толкованію ихъ. Такимъ образомъ, первый порогъ, называемый у Багрянороднаго *Ессупи* объясняется южнорусскимъ словомъ *не сопи* (отъ сопѣть); второй порогъ, называемый по-русски *Ульворси*, а по-славянски *Островунипрахъ*—южнорусскимъ *Гуль-поріг* и славянскимъ *порогъ острова;* третій порогъ *Галяндри* южнорусскимъ *халяндра*, означающимъ родъ пѣсни и танца подъ пьяную руку; четвертый порогъ, называемый по-русски *Айфоръ*, а по-славянски *Неясыть*, южнорусскимъ *гайвороиъ* или *гайворонъ;* пятый порогъ, называемый по-русски *Варуфоросъ*, а по-славянски *Веручи* (съ перестановкою славянскаго названія съ пятого мѣста на шестое, и наоборотъ) южнорусскимъ *варипорогъ*, т. е. такой порогъ, при которомъ вода какъ-бы кипитъ, славянскимъ *врѣющь*, врѣющій; шестой порогъ, называемый по-русски *Леанти*, а по-славянски *Вульнипрахъ* объясняется южнорусскимъ *лянчь*, *ллячь*, т. е. льющій, и славянскими *волна* и *порогъ;* седьмой порогъ, называемый по-русски *Струбунъ*, а по славянски *Напрези*, объясняется южно-русскимъ *Стрибунъ*, т. е. прыгунъ, и славянскимъ *Напражинъ*.

Предоставляемъ спеціалистамъ судить объ этой теоріи г. Шейковскаго, намъ-же она представляется если и не лишенною нѣкотораго основанія, то во всякомъ случаѣ недостаточно выясненною и не чуждою натяжекъ, иногда совершенно излишнихъ и довольно странныхъ, каковы напримѣръ объясненія слова *Айфоръ* словомъ *гайворонъ*, или названія *Леанти* едва-ли существующими южно-русскими словами: *лянчь*, и *ллячь*. Не говоримъ о такихъ промахахъ, какъ упущеніе извѣстнаго названія четвертаго порога словомъ *Ненасытецъ* и названіе цыганской *халяндры* южно-русскимъ танцемъ.

Н. П.

Русская историческая библіографія за 1865—1876 г. включительно. В. И. Межова. Т. I и II. С.-Петербургъ. 1882.

Настоящій трудъ извѣстнаго русскаго библіографа В. И. Межова составляетъ отчасти предисловіе „Исторической библіографіи“ гг. Ламбиныхъ, состоящей изъ 9-ти томовъ и обнимающей время съ 1855 по 1864 годъ. Появившіеся два тома „Русской исторической библіографіи“ г. Межова составляютъ только часть огромнаго труда, долженствующаго состоять изъ семи объемистыхъ томовъ. Въ первый томъ вошли: источники и матеріалы (историческіе акты и документы), исторія Россіи вообще и по царствованіямъ въ особенности, исторія областей и губерній, историческая этнографія и исторія инородцевъ; во второй томъ вошли—жизнеописанія русскихъ дѣятелей и матеріалы для біографическаго словаря. Заключая въ себѣ общій научный интересъ, „Русская историческая библіографія“ г. Межова имѣетъ близкое отношеніе и къ исторіи южной и юго-западной Россіи. Кромѣ отдѣльныхъ №№, у г. Межова есть цѣлые отдѣлы, посвященные исторической библіографіи южной и юго-западной Россіи, напр., „сборники актовъ, относящихся къ губерніямъ и областямъ Россіи“, „исторія составныхъ частей Россіи—областей и губерній“, напр., виленской, витебской, волынской, кіевской, подольской, полтавской, харьковской, черниговской и др. Особеннаго же вниманія заслуживаютъ два отдѣла: „Малороссія, Запорожье, козачество и южная Русь“ и „Литва, Бѣлоруссія, сѣверо и юго-западный край“. **Н. П.**

Извѣстія и замѣтки

(историческія, этнографическія и историко-литературныя).

ТАРАСЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ ШЕВЧЕНКО.

(Нѣкоторыя дополненія и поправки къ его біографіи).

Въ прошломъ мѣсяцѣ вышла въ Кіевѣ книга: *Жизнь и произведенія Тараса Шевченка*, М. К. Чалаго, обратившая уже на себя вниманіе читающей публики богатствомъ сообщаемыхъ ею новыхъ матеріаловъ для біографіи и характеристики поэта. На нашъ взглядъ и въ этой книгѣ, какъ и во всемъ, что писано было о нашемъ поэтѣ, начиная съ его автобіографіи, помѣщенной когда-то въ „Народномъ Чтеніи“, есть еще довольно пробѣловъ и неточностей; ихъ-то мы и хотимъ дополнить и поправить нашими личными воспоминаніями о покойномъ Тарасѣ Григорьевичѣ, нашемъ ближайшемъ землякѣ, который былъ извѣстенъ намъ въ то еще время, когда никто не могъ прозрѣть въ немъ великаго поэта и когда онъ былъ просто „наймитчукомъ“ у о. Григорія Кошица, приходскаго своего пастыря, и погонялъ его буланую кобылу.

С. Кириловка, въ которомъ родился Т. Г. Шевченко, принадлежало къ составу ольшанскаго имѣнія, доставшагося племяннику свѣтлѣйшаго князя Гр. А. Потемкина-Таврическаго, дѣйств. тайному совѣтнику Василью Васильевичу Энгельгарту. Послѣдніе годы своей жизни В. В. Энгельгартъ провелъ въ м. Ольшаной, гдѣ у него былъ большой деревянный домъ съ тѣнистымъ паркомъ, псовая охота и оркестръ, для помѣщенія коего построенъ былъ цѣлый рядъ домиковъ, выходившій на базарную площадь, противъ помѣщичьяго дома.

Баринъ жилъ и умеръ холостякомъ, но имѣлъ двухъ сыновей отъ нѣкоей метрессы польки или нѣмки, которая похоронена въ с. Кирилловкѣ, съ сѣверной стороны приходской православной церкви. Ольшана съ Тарасовкой, Зеленой, Вербовкой, Вороновкой и Сигидинцами, перешла къ В. В. Энгельгарту по наслѣдству отъ Потемкина, а Кириловка, Гнилецъ, Петрики, Моринцы и Пединовка имъ куплены. По смерти Василія Васильевича, въ 1830 г., ольшанское имѣніе перешло къ родной его сестрѣ Александрѣ В. Браницкой, а Кириловка, Моринцы и другія благопріобрѣтенныя села вмѣстѣ съ капиталами покойнаго, составили собственность незаконнорожденныхъ его сыновей, изъ коихъ полковникъ гвардіи Павелъ Васильевичъ Энгельгартъ сталъ владѣльцемъ Кириловки и помѣщикомъ Тараса Шевченка.

При жизни В. В. Энгельгарта управляющимъ всего ольшанскаго имѣнія былъ нѣкто Дмитренко, православный, а конторщикомъ или секретаремъ его канцеляріи въ Ольшаной—Ѳедоръ Штанько, огромнаго роста басъ; дѣлопроизводство все велось на русскомъ языкѣ. По смерти В. В. Энгельгарта, управляющими являлись уже поляки, которые привели съ собою цѣлую фалангу своихъ соплеменниковъ, получившихъ должности экономовъ, лѣсничихъ, писарей и т. под., вмѣстѣ съ тѣмъ въ экономическомъ управленіи введено дѣлопроизводство на польскомъ языкѣ, что продолжается и нынѣ. Кириловка, Моринцы, Сигидинцы и Пединовка представляютъ изъ себя и нынѣ обширный лѣсъ садовъ, наполненныхъ большими яблоневыми, грушевыми, сливными и черешневыми деревьями. Ольшана, Зеленая и Тарасовка менѣе богаты садами. Крестьяне Энгельгарта жили въ полномъ достаткѣ, пользуясь своими большими садами, ливадами и прудами и отбывая нетяжелую барщину, введенную Энгельгартомъ. Хаты крестьянскія были построены въ замки изъ дубовыхъ, липовыхъ и берестовыхъ брусьевъ, съ хорошими при нихъ клунями, дворами, которые обнесены были высокимъ дубовымъ частоколомъ. Тяжесть барщины и обѣдненіе крестьянъ появились съ переходомъ ольшанскаго имѣнія во владѣніе А. В. Браницкой, подъ управленіемъ поляковъ.

Тарасъ Григорьевичъ Шевченко родился на свѣтъ при В. В. Энгельгартѣ, когда въ ольшанскомъ имѣніи польскаго духу и польской рѣчи не было и въ поминѣ и когда живы были еще воспо-

минанія о гайдамачинѣ, о набѣгахъ крымскихъ татаръ, о сожженіи въ Ольшаной Даніила Кушнира и другія. Въ раннемъ дѣтствѣ разстался онъ съ сестрой Катериной, которая вышла замужъ въ с. Зеленую за крестьянина Антона Крисицкаго, высокаго и стройнаго мужчину, бывшаго сосѣдомъ моего отца. По ея разсказамъ не разъ Тарасъ прибѣгалъ къ ней и въ Зеленую пѣшкомъ, босой и полунагой, со всякой нечистью въ головѣ, бродя изъ села въ село, почему она называла его „приблудой“.

Первый учитель Тараса Г. Шевченка, стихарный дьячекъ с. Кириловки, Петръ Ѳеодоровичъ Богорскій, былъ сынъ священника с. Верещакъ, учился въ бывшей кіевской академіи до средняго класса риторики, а, по изученіи при архіерейскомъ хорѣ церковнаго устава и нотнаго пѣнія, въ 1824 г. опредѣленъ дьячкомъ въ с. Кириловку; въ 1827 г. онъ имѣлъ отъ роду 27 лѣтъ. Онъ-то пріютилъ и просвѣтилъ книжною мудростію блуждавшаго по селу Тараса и ввелъ въ связь съ діакономъ м. Лысянки маляромъ, дьячкомъ с. Тарасовки, маляромъ с. Хлипновки и другимъ грамотнымъ людомъ, стоявшимъ выше крестьянской среды. По свидѣтельству покойнаго священника с. Кириловки, о. Григорія Кошица, Богорскій самъ добровольно принялъ къ себѣ Тараса и никто ему за него ничего не платилъ. Какимъ нибудь горькимъ пьяницей онъ не былъ, хотя на требахъ и въ обществѣ не отставалъ въ выпивкѣ отъ своихъ прихожанъ. И потому Тарасъ Григорьевичъ, оставившій своего учителя по сей части далеко позади себя, излишне рисуетъ его въ своихъ воспоминаніяхъ отчаяннымъ пьяницей и напрасно не помянулъ его хотя однимъ словомъ благодарности. Не возьми его Богорскій къ себѣ въ науку, Тарасъ вѣрно затерялся-бы въ числѣ другихъ сельскихъ дѣтей. Что дьячекъ посылалъ Тараса читать псалтырь надъ покойниками, за это нельзя его осуждать: таковъ былъ общій въ церковныхъ школахъ обычай, чрезъ который мальчики пріобрѣтали навыкъ въ чтеніи; обычай этотъ нравился самымъ родителямъ дѣтей, а дьячка облегчалъ въ исполненіи лежавшей на немъ обязанности, служа нѣкоторымъ возмездіемъ за даровое обученіе. А если вспомнить обычаи и городскихъ училищъ того времени, гимназій и пансіоновъ, въ которыхъ не щадили лозы для шалуновъ дѣтей, то нечего удивляться, что дьячекъ Богорскій не особенно

нѣженъ былъ съ мальчикомъ такъ продерзливаго и не постояннаго нрава, какимъ былъ Тарасъ Шевченко во время своего дѣтства.

Въ домѣ священника Іоанна Нестеровскаго Тарасъ не жилъ и ничему не учился у него, да и не могъ учиться, такъ какъ Нестеровскій былъ уже старъ для того, чтобы учить грамотѣ, а жилъ онъ нѣкоторое время у другаго священника той-же кирилловской церкви о. Григорія Кошица, исполняя обязанности хлопца-погоныча, присматривавшаго за скотинкой и запрягавшаго буланую и широкохвостую кобылу его, что вспоминалось и впослѣдствіи, во время двухъ пріѣздовъ Тараса Гр. въ Кириловку въ 1845 и 1858 г. Покойная жена о. Григорія передавала намъ, что, находясь въ ея домѣ, Тарасъ въ зимніе вечера всегда въ кухнѣ что-нибудь читалъ про себя, какъ грамотный мальчикъ, а, по словамъ о. Григорія, Тарасъ въ кухнѣ его выучилъ двѣ каѳизмы изъ псалтыря. Полагаемъ, что въ домѣ о. Григорія Тарасъ Гр. не былъ ничѣмъ обиженъ, такъ какъ о. Григорій былъ человѣкъ весьма достаточный, имѣвшій хорошее хозяйство и два большихъ сада при домѣ, а жена его была очень добрая женщина,—оба-же они вели жизнь довольно патріархальную, проводя дни и вечера вмѣстѣ съ своею прислугою въ большой чистой кухнѣ, занимавшей половину дома, и только для отдыха и пріема гостей отдѣлялись отъ своихъ слугъ въ свои свѣтлицы, состоявшія изъ двухъ небольшихъ комнатъ на другой половинѣ дома. Впрочемъ, отзывы о. Григорія были не въ пользу Тараса Григорьевича: онъ и въ послѣдствіи называлъ его все-таки „ледащимъ“, т. е. неспособнымъ къ какому-либо хозяйственному дѣлу. Хотя я бывалъ часто въ домѣ о. Григорія Кошица, сынъ котораго, Иванъ, учился вмѣстѣ со мною и моими братьями въ богуславскомъ училищѣ и ѣздилъ туда на оной буланой кобылѣ, но, къ сожалѣнію, не примѣтилъ я тогда ея погоныча, въ душѣ котораго таился поэтическій геній. Отъ о. Григорія Тарасъ взятъ къ управляющему въ прислугу и вскорѣ отправленъ въ Вильну къ Энгельгарту.

Жители селъ смежныхъ съ Ольшаной, особенно женщины, предпринимаютъ иногда путешествіе въ лебединскій „панянскій“ (дѣвичій) монастырь, отстоящій отъ Кириловки на 35 верстъ. Монастырь этотъ, съ церковью во имя св. Николая, основанъ въ 1779 г. тремя вышедшими изъ Молдавіи монахинями Трифиллією, Дарьей и Февроніей, а церковь устроена при участіи перваго ктитора изъ

крестьянъ, Николая; мужскимъ онъ никогда не былъ, въ 8-ми-же верстахъ отъ него, въ концѣ с. Лебедина, существовалъ до 1840 г. отдѣльный мужской лебединскій георгіевскій монастырь, основанный въ 17 вѣкѣ и упраздненный въ 1845 году при митрополитѣ кіевскомъ Филаретѣ. Съ событіями 1768 года ни тотъ, ни другой монастырь ни въ какой связи не состояли. Мотренинскій монастырь, называемый у г. Чалаго лебединскимъ, гдѣ по преданію гайдамаки освятили свои ножи предъ Коліивщиной 1768 г., находится въ 40 верстахъ далѣе лебединскаго монастыря, близь м. Жаботина, въ мотренинскомъ лѣсу. Такимъ образомъ въ разсказѣ о путешествіи Тараса въ лебединскій монастырь г. Чалый смѣшалъ три монастыря въ одинъ. Неудивительно, онъ говоритъ по преданію, или по слуху...

И. М. Сошенко, открывшій Тарасу Гр. дорогу къ высшему образованію, былъ родомъ изъ мѣстечка Богуслава кіевской губерніи, отстоящаго на 40 верстъ отъ с. Кириловки, сынъ мѣщанина, и до поступленія въ академію художествъ учился живописи въ м. Ольшаной у шляхтича Превлоцкаго, довольно хорошаго живописца, котораго не нужно смѣшивать съ маляромъ Исидоромъ Превлоцкимъ, жившимъ въ с. Таращѣ каневскаго уѣзда и украшавшимъ церкви и дома священниковъ всего околотка своею весьма немудрою кистью. Ольшана для Сошенка была особенно близкимъ и памятнымъ мѣстомъ, гдѣ, по порученію Превлоцкаго, имъ написана была псовая охота на заборѣ и воротахъ Энгельгартовой псарни,—по улицѣ, которою проѣзжаютъ изъ с. Зеленой въ м. Ольшану; видомъ этой охоты всякій разъ любовался и я въ дѣтствѣ. О своемъ первомъ знакомствѣ съ Тарасомъ Гр. Сошенко передавалъ мнѣ иначе, чѣмъ сказано у г. Чалаго. Лѣтомъ, въ одинъ изъ лунныхъ петербургскихъ вечеровъ, прогуливаясь въ лѣтнемъ саду, Сошенко замѣтилъ, что какой-то оборвышъ, въ затрапезномъ нестрядиномъ халатѣ, босой и безъ шапки, копируетъ карандашемъ одну изъ статуй, украшающихъ аллеи сада. Замѣтивъ южный типъ физіогноміи, Сошенко полюбопытствовалъ взглянуть на его работу. Зайдя сзади, онъ увидѣлъ, что рисунокъ весьма не дуренъ; тогда ударивъ юнаго художника по плечу, Сошенко, спросилъ: „звидкиль, земляче"?—„Зъ Вилшанои", отвѣтилъ халатникъ. „Якъ—зъ Вилшанои? Я самъ зъ Вилшанои", сказалъ Сошенко и, заинтересовавшись землякомъ, узналъ въ этомъ халатникѣ Тараса Шевченка, крѣпостнаго

Павла В. Энгельгарта, законтрактованнаго Ширяеву въ работники для окраски крыши и заборовъ. До настоящаго случая онъ о Тарасѣ ни отъ кого не слышалъ. Землячество, несомнѣнный талантъ и жалкая обстановка Тараса тронули Сошенка, и онъ рѣшился собрать о немъ сначала свѣдѣнія, а потомъ представить его своему профессору, чрезъ котораго позволено было Тарасу Гр. посѣщать частно академію художествъ, а въ послѣдствіи онъ представленъ былъ В. А. Жуковскому, воспитателю покойнаго Государя Императора Александра Николаевича.

О погребеніи Т. Г. Шевченка хлопоталъ въ Кіевѣ названный его братъ Варѳоломей Г. Шевченко. Совѣщанія по сему предмету шли у М. К. Чалаго, исправлявшаго тогда должность директора 2-й кіевской гимназіи. Въ виду начинавшихся тогда польскихъ и украинофильскихъ движеній признавалось затруднительнымъ выполнять желаніе Петербурга или громады похоронить Тараса Г. на берегу Днѣпра, за г. Каневомъ, гдѣ предполагалъ поэтъ устроить свою усадьбу. Высказаны были и другія основанія, по которымъ не слѣдовало лишать народнаго поэта погребенія на общемъ христіанскомъ кладбищѣ. Поэтому полагали похоронить его тѣло на Щекавицкой горѣ. Наконецъ принято, для избѣжанія всякихъ демонстрацій при этомъ погребеніи со стороны учащейся молодежи, приготовить могилу въ выдубецкомъ монастырѣ и препроводить туда гробъ покойника въ большой лодкѣ прямо съ черниговскаго берега, по прибытіи къ цѣпному мосту. В. Г. Шевченко уже вошелъ было въ соглашеніе по сему предмету съ настоятелемъ монастыря. Но случилось иное. Мая 6, въ субботу, около 4-хъ часовъ по полудни, явился ко мнѣ въ квартиру, на Хоревой улицѣ Подола, В. Г. Шевченко съ пономаремъ кіево-подольской христорождественской церкви за разрѣшеніемъ моимъ, какъ благочиннаго, внести гробъ Т. Г. Шевченка въ эту церковь, заявивъ, что гробъ уже слѣдуетъ въ городъ по цѣпному мосту, но что настоятель церкви не считаетъ себя въ правѣ принять его въ церковь безъ разрѣшенія духовнаго начальства; при этомъ названный братъ объявилъ мнѣ твердое намѣреніе уполномоченныхъ петербургскаго общества выполнить точно волю покойника относительно погребенія его на горѣ между г. Каневомъ и Пекарями.

Согласно существующимъ законоположеніямъ, своею благочинническою властію я не могъ разрѣшить внести въ церковь тѣло покойника, о препровожденіи коего изъ Петербурга въ кіевскую губернію не было получено епархіальнымъ начальствомъ увѣдомленія отъ министра внутреннихъ дѣлъ, и потому предложилъ В. Г. Шевченкѣ ѣхать со мною къ митрополиту Арсенію для предъявленія открытаго листа, выданнаго министерствомъ на перевезеніе тѣла, а чтобы задержать шествіе съ гробомъ, мы отправились въ лавру набережнымъ путемъ по шоссе. Предъ башенными воротами на шоссе мы встрѣтились съ гробомъ, который везли студенты и другая молодежь, снявши шапки. Тяжелый свинцовый гробъ былъ въ деревянномъ ящикѣ, на дрогахъ, и покрытъ большимъ покрываломъ изъ червоной китайки, на которой виднѣлось множество вѣнковъ и цвѣтовъ. По предложенію нашему юношество обѣщало остановиться здѣсь и ждать разрѣшенія на дальнѣйшее слѣдованіе въ городъ, что и исполнено. Митрополитъ былъ уже въ своей молельной для слушанія всенощной, начавшейся въ крестовой церкви при его покояхъ, но по докладу объ особенномъ дѣлѣ, по которому явился благочинный, принялъ меня. Просмотрѣвъ открытый листъ и выслушавъ мой докладъ, владыка сказалъ: „поѣзжайте къ генералъ-губернатору и доложите, что съ моей стороны нѣтъ препятствій“, но при этомъ велѣлъ мнѣ быть въ христорождественской церкви безотлучно, возложа на меня отвѣтственность за всякій могущій произойти безпорядокъ. Князь Васильчиковъ встрѣтился со мною на крыльцѣ, при выходѣ его съ семействомъ для прогулки. Послѣ краткаго моего доклада о дѣлѣ, по которому я прибылъ, князь отвѣтилъ еще короче: „стало, пусть внесутъ въ церковь“. Съ этимъ отвѣтомъ В. Г. Шевченко отправился къ гробу на шоссе, куда спустился отъ николаевскихъ воротъ, а я—на Подолъ въ христорождественскую церковь, гдѣ облачился въ ризы и съ настоятелемъ церкви, о. Іосифомъ, и его причтомъ встрѣтили привезенный гробъ, отслуживши краткую литію надъ нимъ въ самой церкви. Къ вечеру къ этой церкви приставлена была уже полиція, а утромъ присланы и конные жандармы, чѣмъ подстрекнуто было любопытство всѣхъ проѣзжающихъ и проходящихъ по Александровской улицѣ. Въ тоже время утромъ гробъ подъ китайкою вынесенъ былъ на улицу для снятія фотографіи и обставленъ братьями Тараса и родичами, явив-

шимися изъ толпы въ своихъ свиткахъ. На вопросъ: кто покойникъ? получался отвѣтъ: „мужикъ, но чинъ на немъ генеральскій“. Къ 4-мъ часамъ, когда назначена была панихида и выносъ изъ церкви къ пароходу, стоявшему у цѣпнаго моста, *не только* церковь, но и дворъ оказались биткомъ набиты; по Александровской улицѣ, по шоссе, на горахъ Андреевской и Михайловской и на горѣ у царскаго саду стояло народа не меньше, какъ бываетъ 15-го іюля, во время Владимірскаго крестнаго хода. Литургія въ христорождественской церкви совершена, по случаю воскреснаго дня, въ обычное время настоятелемъ церкви о. Іосифомъ Жолтоножскимъ, а панихида по покойномъ Тарасѣ Гр. отслужена мною въ 4 часа, совмѣстно съ о. Іосифомъ, при многочисленномъ собраніи предстоящихъ, между которыми изъ извѣстныхъ лицъ можно было видѣть М. В. Юзефовича и Гр. П. Галагана. Пѣли панихиду почитатели таланта покойнаго съ участіемъ нѣкоторыхъ студентовъ духовной академіи и воспитанниковъ духовной семинаріи, такъ какъ пригласить хоръ академическій или семинарскій почему-то оказалось невозможнымъ. Никакихъ рѣчей въ церкви не было по условію съ распорядителями процессіи. Но лишь вынесли гробъ изъ церкви на набережное шоссе, явилось столько всякихъ ораторовъ изъ молодежи, что пришлось останавливаться съ гробомъ чуть не чрезъ каждые 5 шаговъ, и нужно сознаться, что нѣкоторые ораторы мололи ужасную чепуху, называя покойника освободителемъ народа и даже спасителемъ. Пройдя за гробомъ до крещатицкой часовни, дальнѣйшіе проводы я предоставлялъ одному о. Іосифу, такъ какъ въ городскихъ церквахъ начался уже звонъ ко всенощной наступавшаго праздника св. Іоанна Богослова и тезоименитства митрополита Арсенія, къ которой я долженъ былъ поспѣшить въ свою успенскую церковь.

Пр. П. Л—въ.

ДОПОЛНЕНІЕ КЪ ПАСХАЛЬНОЙ ВИРШѢ.

Мы получили изъ Тифлиса отъ Д. К. Мороза слѣдующее, какъ онъ полагаетъ, *окончаніе* пасхальной вирши, помѣщенной въ апрѣльской книжкѣ „Кіевской Старины“.

Веди къ саду всю громаду, веди, щобъ селилась
Тутъ въ покою и зъ тобою вічно веселилась.

Заразъ тая середъ рая свобода засіла:
Тутъ тишина, вся старшина не мае къ имъ діла;
Тутъ сіпуга, війтъ—пьянюга вже не докучае,
И въ подводу тутъ изъ роду ніхто не хапае.
Всі подубли, що ихъ скубли, сільскіи нахалы,
Подеречи, колотнечи всі уже пропали.
Зникли зборы, вже позоры (?) не правлять кварталу—
Сказавъ Адамъ, що не подамъ людей на поталу.
Утікъ куражъ, здирства нема-жъ, пропали всі драчи,
Счезло лихо, живуть тихо, не дають подачи,
Погибла власть и вся на рясть вилізла голота,
Війтъ не ворчить и не стучить десятчикъ въ ворота,
Тамъ... іде... [1]) ні вже не журися:
Манна зъ неба, все що треба—іжь, пий, веселися.
Райскі птиці ластовиці весело співають,
Жайворонки, соловейки якъ въ органъ играють.
Всякихъ музыкъ ни чій языкъ не може сказати,
Мудрий писакъ и перомъ такъ не може списати.
Дай, Боже, намъ, щобъ сіи тамъ музыки играли,
Щобъ більше насъ, хоть у той часъ, сіпаки не брали.
Ты, Боже, бачъ, кровавый плачъ и горке рыданье,
За тее намъ покажи тамъ вічне пануванье!

Г. Морозъ считаетъ приведенные стихи существенною и самою интересною частію вирши и на основаніи заключающихся въ ней указаній на нѣкоторыя особенности соціальнаго склада населенія (малороссійскаго) придаетъ виршѣ болѣе древнее происхожденіе и готовъ отнести ее даже ко временамъ Хмельницкаго.

„Изъ этой части, говоритъ онъ, видно, что во время сочиненія вирши взимался „кварталъ“, т. е. такая подать, которая не могла долго существовать въ Малороссіи со времени присоединенія ея къ Россіи и никогда не существовала на Запорожьѣ; существовали неизвѣстныя запорожцамъ должности войтовъ; взимались подводы, утѣснялось сельское населеніе „нахалами“ и пр. Давность вирши подтверждается еще и значительными измѣненіями въ имѣющихся

[1]) Выраженія эти не разобраны въ рукописи.

спискахъ и не только текста, но и названія, что не могло имѣть мѣста въ сравнительно небольшой промежутокъ времени. Весьма вѣроятно, что черноморцы воспользовались этою виршею въ 1786—87 г., какъ готовымъ уже матеріаломъ и при этомъ опустили весьма существенный конецъ ея, который являлся, по тому времени, не соотвѣтствующимъ. Что она сочинена не запорожцемъ, это видно отчасти и изъ того, что въ ней не заключается никакихъ мѣстныхъ запорожскихъ особенностей и что она составляетъ какъ-бы общее достояніе всей страны. Кромѣ того, сочиняя виршу для князя Потемкина, авторъ ея употребилъ-бы скорѣе книжный, какъ болѣе понятный языкъ для гетмана, и не преминулъ-бы коснуться, такъ или иначе, личности амфитріона, чего, однако, мы не видимъ. Безспорно, авторъ вирши не принадлежалъ къ средѣ духовенства и не получилъ духовнаго образованія. Духовное лицо не рѣшилось-бы изображать сказанія изъ области религіи въ юмористической формѣ, а воспитанникъ духовнаго (?) училища внесъ-бы въ языкъ вирши латынизмы. Между тѣмъ языкъ ея является вполнѣ народнымъ безъ малѣйшихъ постороннихъ примѣсей, а сравненія и образы прямо указываютъ на принадлежность автора къ народной средѣ. Помимо этого, только посполитый могъ указывать въ такой формѣ положеніе народа и изображать идеалы свободы. По представленію автора, идеалы эти выражаются въ томъ, что старшина не имѣетъ дѣла къ народу; пьяный войтъ не надоѣдаетъ ему и не беретъ подводъ, „подеречи и колотнечи“ пропали; населеніе живетъ тихо, не даетъ взятокъ; десятникъ не стучитъ въ ворота; нѣтъ кроваваго плача и горькаго рыданія; нѣтъ печалей—сошла небесная манна—ѣшь, пей и веселися.

Всѣ эти данныя указываютъ, что пасхальная или, по нашему мнѣнію, точнѣе—воскресная вирша является старинымъ памятникомъ народнаго творчества и при томъ весьма цѣннымъ, какъ по формѣ, такъ и по содержанію. Въ 50-хъ годахъ намъ лично приходилось слышать отъ одного стародавняго панка-хуторянина въ черниговской губерніи устное привѣтствіе отрывками этой вирши въ день свѣтлаго праздника. Мы живо помнимъ и до сихъ поръ то пріятное впечатлѣніе, которое, производили вирши на слушателей. Отвѣчая вполнѣ складу міровоззрѣнія малороссіянъ, памятникъ этотъ легко могъ переходить изъ поколѣнія въ поколѣніе и дошелъ,

наконецъ, хотя и въ извращенныхъ спискахъ, до насъ, не утративши ни своей свѣжести, ни своего интереса".

Не сомнѣваемся, что списковъ вирши съ такою прибавкою, какая приведена выше, найдется довольно и что списокъ г. Мороза не единственный уже потому, что, по его словамъ, составляетъ копію 60-хъ годовъ съ рукописи 1839 г., являвшейся также копіею съ копіи. Мы не можемъ однакожъ согласиться съ доводами уважаемаго г. Мороза и потому именно и помѣщаемъ сообщенную имъ прибавку, чтобы она не вводила въ недоумѣніе тѣхъ, у кого окажутся подобные морозовскому списки. Никто не откажетъ этой прибавкѣ въ нѣкоторомъ ея интересѣ; но на основаніи тѣхъ-же ея особенностей, на которыя указываетъ г. Морозъ, можно относить именно эту часть вирши къ тому времени, къ которому мы отнесли самую виршу и считать ее не существенною частію, а только приставкою, сдѣланною въ то время, когда изъ Запорожья она перешла въ народъ. Тотъ строй жизни малороссійскаго народа, на который въ этой приставкѣ есть нѣкоторыя указанія, въ правобережной Украйнѣ сохранялъ свою силу до 1793 г., а въ нѣкоторыхъ сторонахъ и позже того. *Кварталъ*, или сборы по четвертямъ года, существовалъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ были такъ называемыя староства. Получавшіе ихъ изъ рукъ короля должны были вносить въ его казну часть доходовъ съ полученныхъ ими донацій; но, внося сами, они собирали вносимое съ крестьянъ и такой порядокъ держался до послѣднихъ дней Рѣчи Посполитой. Войтъ былъ должностнымъ лицемъ самихъ помѣщиковъ и перешелъ съ ними въ подданство Россіи. Должности *сіпуѣ* или *сіпакъ* и *десятниковъ*—тѣ-же органы помѣщичьей власти и удерживаются гораздо долѣе войтовъ. Взиманіе подводъ, утѣсненіе населенія, „всякія побереči и колотнечи"—явленіе столько-же начала XIX, какъ и XVIII в. Выраженные въ виршѣ идеалы народные—такого общаго свойства, что годятся для всякаго времени. Измѣненія въ спискахъ также не говорятъ о болѣе древнемъ происхожденіи вирши, чѣмъ обыкновенно ей приписывается: и со времени учрежденія черноморскаго войска протекло уже около ста лѣтъ. Кто писалъ виршу,—вопросъ не важный: въ Запорожье сходились люди разныхъ профессій, а въ числѣ ихъ бывали и грамотѣи. Что она писана кѣмъ либо изъ членовъ запорожской общины, это, кромѣ сохранившагося преданія, которое мы

слышали болѣе сорока лѣтъ назадъ, доказывается рѣзкостью и грубостью ея красокъ, доходящею по мѣстамъ до цинизма и не имѣющею ничего общаго съ изяществомъ народныхъ думъ и пѣсень. Изъ запорожскихъ особенностей можно указать въ ней на сравненіе силы смерти съ силою „пруса и крымскаго хана“. Чего либо относящагося къ личности амфитріона—Потемкина, вирша *пасхальная* и не могла заключать; при томъ черноморцы-запорожцы не отличались любезностію, на лесть-же и вовсе не способны были. Въ то время не они заискивали въ Потемкинѣ, а онъ въ нихъ. Пресыщеннаго до тошноты временщика забавляла всякая оригинальность и авторъ вирши просто хотѣлъ позабавить вельможу одною изъ такихъ оригинальностей. Тутъ не требовалось быть особенно понятнымъ, а съ оригинальнымъ бытомъ запорожцевъ и ихъ языкомъ Потемкинъ давно былъ знакомъ, теперь-же и позже онъ особенно съ ними заигрывалъ и приближалъ ихъ къ себѣ. Наконецъ самый размѣръ стиха вирши не дозволяетъ приписывать ей происхожденіе болѣе древнее. Тѣмъ не менѣе мы очень признательны г. Морозу за сообщеніе не достававшаго у насъ конца вирши, который самъ по себѣ имѣетъ историческое значеніе. Сообщенные имъ нѣкоторые варіанты не имѣютъ, по нашему мнѣнію, интереса и значенія, по тому и не приводятся. Не помѣщаемъ также и описанія мукъ смерти и сатаны, пропущеннаго нами и въ спискѣ Гоголя, — по тому соображенію, что такія картины претятъ даже не особо взыскательному вкусу.

МНИМО-НАЙДЕННЫЙ ДНЕВНИКЪ СВЯТИТ. ДИМИТРІЯ РОСТОВСКАГО.

(по поводу газетныхъ извѣстій) *).

Въ „Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“ недавно помѣщена была корреспонденція г. Кулжинскаго, изъ Чернигова, въ

*) Мы весьма признательны уважаемому С. І. К—чу за разъясненіе невѣрнаго и поспѣшнаго извѣстія, получившаго такую широкую огласку. Мы были въ большомъ недоумѣніи, читая это извѣстіе во многихъ газетахъ. Извѣстно, что

которой оповѣщалось о томъ, будто онъ, Кулжинскій, въ библіотекѣ елецкаго монастыря отыскалъ собственноручный дневникъ бывшаго настоятеля и архимандрита этой обители, впослѣдствіи святителя и всея Россіи „чудотворца Димитрія Ростовскаго“. Въ этомъ дневникѣ, говоритъ Кулжинскій, изображена внутренняя жизнь монастыря.

Изъ „Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“ это извѣстіе перепечатано въ „Церковномъ Вѣстникѣ“, „Московскихъ Церковныхъ Вѣдомостяхъ“, „Кіевлянинѣ“, „Зарѣ“, „Новомъ Времени“, „Голосѣ“, „Газетѣ Гатцука“ и другихъ періодическихъ изданіяхъ.

Послѣ такой огласки, не только желательно, но и нужно знать, правду-ли сообщилъ г. Кулжинскій въ „Харьковскія Губернскія Вѣдомости“.

Въ прошломъ іюнѣ мѣсяцѣ сего 1882 года, г. Кулжинскій былъ въ Черниговѣ и осматривалъ библіотеку черниговскаго елец. монастыря. Въ ней, подъ № 1-мъ, дѣйствительно находится книга въ переплетѣ, на которомъ значится слѣдующее заглавіе: *Черновыя*

«Дневныя Записки» или Діаріушъ св. Димитрія не разъ были напечатаны въ полномъ собраніи его сочиненій, имѣвшемъ нѣсколько изданій, хотя они и не представляютъ дневника въ собственномъ смыслѣ, а только замѣтки о главнѣйшихъ перемѣнахъ и случаяхъ въ его жизни. Какой-же могъ быть еще другой его дневникъ? При свиданіи нашемъ съ многоуважаемымъ А. И. Ханенкомъ, сообщившимъ намъ дневникъ своего прадѣда, котораго печатаніе, надѣемся, вскорѣ начнется, мы обращались за разъясненіемъ нашего недоразумѣнія къ этому столь почтенному мѣстному дѣятелю, такъ близко притомъ знакомому съ исторіею той мѣстности и мѣстными архивами, и получили въ отвѣтъ, что за новый, якобы, дневникъ святителя могъ быть принятъ одинъ изъ списковъ его Діаріуша, которые встрѣчаются на мѣстѣ не рѣдко и теперь: «Возможно-ли допустить, говорилъ намъ А. И., чтобы какая либо цѣнная рукопись св. Димитрія, находящаяся въ мѣстномъ монастырскомъ архивѣ, не была извѣстна славному историку нашему, пр. Филарету черниговскому, столько лѣтъ пробывшему въ Черниговѣ, такъ неутомимо работавшему подъ мѣстною исторіею до самой смерти своей и не оставившему безъ пересмотра ни одного мѣстнаго архива, ни одного, можно сказать, клочка его бумагъ?» Теперь не только подтверждается справедливость этого замѣчанія, но и объясняется, что именно г. Кулжинскій принялъ за дневникъ св. Димитрія Ростовскаго. Въ перепечаткѣ его невѣрнаго извѣстія большинствомъ нашихъ газетъ нельзя однако не видѣть, съ какимъ уваженіемъ наша печать относится къ произведеніямъ великаго святителя.— *Ред.*

бумаги, писанныя рукою святителя Димитрія Ростовскаго. Открывъ эту книгу, на первомъ ея листѣ читаемъ слѣдующее: „Опись 1697 года мѣсяца іюня, бывшаго архимандрита монастыря елецкаго, черниговскаго, Димитрія Савича, нынѣ святаго усопшаго святителя Ростовскаго, его саморучная какъ экономическихъ, такъ и другихъ дѣлъ монастыря разныхъ, по отъѣздѣ его зъ монастыря елецкаго, 1699 года, сентября 17 дня. № 136". Въ книгѣ этой переплетено всего 10 листовъ и 1 четвертка.

Первый листъ есть собственноручная записка святителя Димитрія о пріемѣ монастыря 1697 г. Затѣмъ слѣдуютъ его-же записи, когда, сколько и для чего взято денегъ изъ *„скрынки"*, и о назначеніи новаго шафаря Иннокентія. На оборотѣ этого листа расходъ 1698 г.

На 2 и 3 листахъ рукою св. Димитрія переписанъ „Декретъ Лизогуба, полковника черниговскаго, колчевцомъ на онисовцовъ о разграниченіи грунтовъ даный". Оборотъ 3-го листа исписанъ не рукою св. Димитрія, но другими почерками (замѣтки) четырехъ различныхъ лицъ.

4 и 5 листы составляютъ собственноручную записку святителя Димитрія о сдачѣ монастыря съ точными перечисленіями монастырской собственности.

6 и 7 листы заключаютъ опись монастырскихъ имуществъ. Опись эта писана не рукою св. Димитрія, но по мѣстамъ исправлена его рукою и въ концѣ приписка его-же рукою.

На 8 листѣ содержаніе прошенія архимандрита Димитрія съ братіею до ясневельможнаго, т. е. до Гетьмана, о притѣсненіи онисовцевъ черниговскими людьми и о вдирательствѣ въ монастырскій сѣнокосъ Шабѣльника.

На 9 листѣ содержаніе прошенія о томъ-же до полковника черниговскаго.

10 листъ составляетъ исписанную неизвѣстно кѣмъ четвертку бумаги, почему-то попавшую въ эту книгу.

11 листъ исписанъ рукою св. Димитрія о томъ, „якъ Шабѣльникъ завладѣлъ монастырскимъ сѣнокосомъ".

Какъ видимъ изъ содержанія рукописи елецкаго монастыря, подъ № 1-мъ, она не есть дневникъ святителя Димитрія Ростовскаго, но сборникъ различныхъ бумагъ, писанныхъ и рукою свя-

тителя Димитрія и другими лицами. Г. Кулжинскій сдѣлалъ поспѣшное заключеніе объ этой рукописи, назвавъ ее дневникомъ святителя, вѣроятно, не прочитавъ ее. По почерку письма, она очень трудна для чтенія. Чтобы правильно и свободно читать эту рукопись, нужно имѣть навыкъ и хорошое знакомство съ древними манускриптами.

Въ упомянутомъ сообщеніи своемъ въ „Харьковскія Губернскія Вѣдомости", г. Кулжинскій выражается, что онъ *отыскалъ* эту рукопись святителя Димитрія Ростовскаго. Выходитъ, что до того времени, т. е., до времени отысканія означенной рукописи г. Кулжинскимъ, она никому не была извѣстна. Но такъ-ли и это? На самой рукописи есть подпись: „смотрѣно, 1830 года, сентября 24 дня, профессоромъ церковной исторіи и французскаго языка въ черниговской семинаріи и секретаремъ правленія сей семинаріи, магистромъ Алексѣемъ Лукіановымъ сыномъ Минервинымъ" [1]). Въ историко-статистическомъ описаніи черниговской епархіи преосвященнаго Филарета, книга третяя, а) на стр. 19, говорится: „Въ елецкой обители есть собственноручная записка Димитрія Савича Туптало о пріемѣ монастыря" и дѣлается выписка, въ 11 строкъ, изъ этой записки; б) на страницѣ 21-й говорится: „Въ монастырѣ елецкомъ дѣло собственноручной записки его (св. Димитрія) о сдачѣ монастыря" и затѣмъ дѣлается въ семь строкъ выпись изъ этой записки; в) на страницѣ 6-й говорится: „Въ описи монастырскихъ имуществъ, написанной при св. Димитріѣ Савичѣ и по его спискамъ исправленной его рукою объ Ивановкѣ и Горбовѣ сказано"... и затѣмъ дѣлается выпись въ 14 строкъ, которыя переходятъ на 7-ю страницу. Значитъ, преосвященный Филаретъ зналъ эту рукопись святителя Димитрія, читалъ ее и пользовался ею. Мы знаемъ достовѣрно, что объ ней знаютъ многіе и читали ее многіе въ разное время. Послѣ этого, можно-ли было писать г. Кулжинскому, что онъ *отыскалъ* собственноручную эту рукопись св. Димитрія? По нашему мнѣнію, или г. Кулжинскій не знакомъ съ историко-статистическимъ описаніемъ черниговской епархіи, или всѣхъ онъ считаетъ такими людьми, которые повѣрятъ ему на слово. Если-бы

[1]) Впослѣдствіи профессоромъ кіевской академіи, ум. въ 1853 г.

г. Кулжинскій поговорилъ объ этомъ съ кѣмъ нибудь изъ людей свѣдущихъ, то онъ не сдѣлалъ-бы такой грубой ошибки. Онъ, какъ должно полагать, пожелалъ присвоить себѣ честь открытія этой рукописи святителя Димитрія, а на самомъ дѣлѣ открылъ только свое невѣденіе.

Нѣкоторыя извлеченія изъ записки святителя Димитрія о пріемѣ и сдачѣ имъ черниговскаго елецкаго монастыря и описи монастырскаго имущества, исправленной его рукою, могущія имѣть общій интересъ, мы сдѣлаемъ впослѣдствіи.

С. І. К—чъ.

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНІЕ Д. Г. БИБИКОВА ОДНОМУ ИЗЪ РУССКИХЪ ПОМѢЩИКОВЪ КІЕВСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Всевластный правитель юго-западнаго края 40—50-хъ годовъ, Д. Г. Бибиковъ извѣстенъ былъ своею безпощадною строгостію въ отношеніи къ польскимъ помѣщикамъ края. Приводимое здѣсь письмо его показываетъ, что онъ не смотрѣлъ сквозь пальцы и на русскихъ помѣщиковъ, если кто-нибудь изъ нихъ шелъ въ разрѣзъ съ устанавливаемымъ имъ въ краѣ порядкомъ и духомъ.

Русскихъ помѣщиковъ въ юго-западномъ краѣ было тогда весьма немно[illegible] но это были большею частію богачи, люди знатныхъ родо[illegible] гладѣвшіе громадными имѣніями, пресыщенные до икотки и потому благодушествовавшіе. Назовемъ для примѣра Браницкую, Энгельгардта, Бобринскихъ, Лопухиныхъ, Голицыныхъ, Орловыхъ, Давыдовыхъ, Скородулей и пр. У нихъ и крестьянамъ жилось легче, особливо, если они для вящшаго благоустройства своихъ имѣній не обзаводились, подобно Браницкой и другимъ, польскими управителями и экономами. Помѣщикъ, къ которому пишетъ Бибиковъ, жилъ въ сѣверной части губерніи, на песчаномъ грунтѣ и ни самъ, ни въ лицѣ предковъ своихъ не получалъ ни тысячами душъ крестьянъ, ни десятками тысячъ десятинъ земель. Отсюда, вѣроятно, его озлобленіе, какъ у тѣхъ благодушіе и преданность. Что касается пренебреженія къ православному духовенству, то это черта общая помѣщиковъ того времени, одинаково русскихъ, какъ и польскихъ, и занесена первыми оттуда, гдѣ въ теченіи

вѣковъ выработались представленія о „жеребячьей породѣ, иго-го, козлахъ, кутьѣ“ и т. под. Православное духовенство переступало порогъ залы помѣщичьей лишь въ Пасху и Рождество, чтобы пропѣть праздничныя пѣсни, а за тѣмъ отсылалось на кормленіе въ переднюю, кухню, контору и т. п. помѣщенія, въ то время, когда офиціалисты и челядь разныхъ названій пировали въ покояхъ своего патрона. Самъ свѣтлѣйшій князь Лопухинъ, *случайный* владѣтель Корсуна, справлявшій у себя храмовый праздникъ Петра и Павла на манеръ средневѣковыхъ германскихъ придворныхъ празднествъ, видѣлъ собиравшееся тамъ почетнѣйшее духовенство только въ церкви, откуда оно посылалось въ контору, и, дѣлая въ праздники визитъ становому приставу, не находилъ приличнымъ для себя посѣтить тутъ-же рядомъ жившаго своего духовнаго отца. Одинъ продерзостный протоіерей, сопровождавшій митрополита при обозрѣніи епархіи въ 60-хъ годахъ, получая отъ князя приглашеніе къ обѣду, осмѣлился спросить: „а духовенство“ (уѣздный протоіерей, благочинный, мѣстный и другіе священники, служившіе съ митрополитомъ)? и получилъ въ отвѣтъ: „а они въ конторѣ, они у меня никогда не бываютъ“. „Какъ?“ возразилъ неугомонный протопопъ; „раздѣляющіе съ владыкою трапезу Господню недостойны раздѣлить съ нимъ вашу трапезу?“ и—побѣдилъ. Смущенный престарѣлый князь уступилъ напору новыхъ понятій и отношеній, хотя на этотъ только разъ. Не сомнѣваемся, что самъ многопопечительный Д. Г. Бибиковъ раздѣлялъ въ этомъ отношеніи понятія и привычки того времени и его потревожило въ данномъ случаѣ не то, что православное священство угощается въ помѣщичьей кухнѣ, а то, что одновременно съ этимъ польскіе ксендзы возсѣдаютъ за столомъ русскаго помѣщика. Впрочемъ, какъ къ дворянину русскому, при томъ полковнику, онъ пишетъ, по своимъ пріемамъ, весьма сдержанно и не непочтительно.

Милостивый государь
Аврамъ Ивановичъ!

До меня доходятъ слухи, что будто-бы ваше высокоблагородіе весьма часто, въ присутствіи польскихъ помѣщиковъ, осуждаете дѣйствія правительства, распоряженія начальства, дерзко отзываетесь вообще о правленіи, и кромѣ сего будто-бы пренебрегаете православною религіею, презираете русское духовен-

ство и всегда даете преимущество католическимъ ксендзамъ, которыхъ болѣе уважаете, даже предпочтенія сего не скрываете и предъ вашими людьми, ибо въ одно и тоже время католическихъ ксендзовъ сажаете за столъ вмѣстѣ съ вами, а нашихъ священниковъ отсылаете обѣдать на кухню.

Я долженъ вамъ признаться, что, несмотря на то, что слухи эти доходятъ до меня съ давнихъ поръ и всегда постоянно объ однихъ вашихъ дерзостяхъ, но я не могу вѣрить, чтобы престарѣлый русскій полковникъ, православный подданный нашего Царя, рѣшился позволить себѣ подобныя вещи, — особенно въ глазахъ еще иновѣрнаго духовенства и польскихъ уроженцевъ, для коихъ каждый русскій долженъ быть примѣромъ благоговѣйнаго почитанія нашей вѣры, преданности Государю и уваженія властей.

Обо всемъ этомъ, чтобы предостеречь васъ и честь заслуженнаго русскаго офицера, я почитаю моимъ долгомъ сообщить вамъ, имѣя честь быть съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію, вашъ, милостивый государь, покорнѣйшій слуга

Дмитрій Бибиковъ.

3 декабря 1840 г.
Кіевъ.

Вверху помѣта: получ. 11 дек. 1840 г.

Сообщ. **В. В. Борисовымъ.**

СТАРИННЫЕ МАЛОРОССІЙСКІЕ ПОРТРЕТЫ *).

Списокъ старинныхъ малороссійскихъ портретовъ, помѣщенный глубокоуважаемымъ А. М. Лазаревскимъ въ майской книжкѣ „Кіевской Старины“, съ своей стороны, могу дополнить двумя нумерами.

Въ дер. Мармиловкѣ лохвицкаго уѣзда, полтавской губерніи, въ усадьбѣ помѣщика Ильи Яковлевича Стороженка хранятся два старинныхъ портрета представителей рода Стороженковъ:

---

*) Съ признательностію помѣщая настоящую замѣтку, сообщенную намъ многоуважаемымъ А. С—ко, питаемъ надежду, что и другіе представители малорусскихъ родовъ не откажутъ намъ въ пополненіи этого отдѣла извѣстій. — Ред.

28) [1]) Иванъ Стороженко. Въ креслѣ у стола сидитъ глубокій старикъ съ небольшой, совершенно бѣлой, бородой. На столѣ стоятъ—Распятіе и Евангеліе въ зеленомъ переплетѣ. Одѣтъ старикъ въ красный кафтанъ и опоясанъ чернымъ, повидимому, бархатнымъ, поясомъ, съ золотыми мушками; на плечи накинутъ плащъ розоваго цвѣта съ голубой подкладкой, застегнутый подъ бородой золотымъ аграфомъ. Въ лѣвой рукѣ полковничья булава.

Внизу надпись:

„Року Божого ҂аѯчг (1693) [2]) февруарія єі (15) преставился рабъ Божій Іоанъ Стороженко, полковникъ В. И. Ц. П. В. З. прилуцкій“.

29) Григорій Стороженко, сотникъ ичанскій (Ичня — мѣстечко борзенскаго уѣзда, черниговской губерніи). Когда миргородскій полковникъ Даніилъ Апостолъ былъ избранъ гетманомъ (1 октября 1727 года), Григорій Стороженко былъ повышенъ въ званіе генеральнаго бунчучнаго. Затѣмъ онъ былъ посланъ вмѣстѣ съ Михаиломъ Забѣлою, Лукашемъ Переяславскимъ и Мартиномъ Штишевскимъ въ С.-Петербургъ ко двору съ извѣстіемъ объ избраніи гетмана [3]). Женатъ онъ былъ на одной изъ Лизогубовыхъ—Евдокіи, бывшей въ первомъ бракѣ за бунчуковымъ товарищемъ Кулябкою.

На портретѣ, который сдѣланъ до 1727 года, такъ какъ Григорій Стороженко названъ на немъ еще сотникомъ ичанскимъ, изображенъ молодой мужчина—„білолиций, чорный усъ“, какъ поетъ народная пѣсня. Одѣтъ онъ въ зеленый парчевый кафтанъ; на плечи накинутъ синій плащъ, подбитый мѣхомъ; возлѣ, на креслѣ лежитъ высокая мѣховая шапка съ султаномъ. Въ верхнемъ лѣвомъ углу портрета изображенъ гербъ Стороженковъ: крестъ на красномъ полѣ, съ полумѣсяцемъ внизу, короной на верху, зеленымъ вензелемъ по полю, сіяніемъ вокругъ и по угламъ буквами Г҃, С҃, С҃, Н҃, что значитъ Григорій Стороженко, Сотникъ Ичанскій.

---

[1]) Продолжаю нумерацію г. Лазаревскаго.

[2]) 600 неправильно обозначено буквою *кси*, имѣющею обыкновенно значеніе 60-ти. 600 обозначается буквою ха (х҃).

[3]) См. Записки Марковича, 1859, ч. I, стр. 246—47.

Подъ изображеніемъ герба подписаны слѣдующіе стихи:

„Луна въ нощи свѣтитъ, волкъ туне блудитъ зрящъ.
Креста Христова вѣрнымъ свѣтъ есть въ нощи и во дни свѣтящъ.

Григорій Стороженко, мужъ сей знаменитый,
Имѣлъ тѣ въ гербѣ своемъ знаки родовиты.
Безвредно ему убо за сими свѣтилы
Шествовать въ небеснаго отчества предѣлы".

Прекрасныя копіи съ этихъ двухъ старинныхъ портретовъ хранятся въ с. Великой Кручѣ, пирятинскаго уѣзда, полтавской губерніи, у помѣщика Владиміра Андреевича Стороженка.

А. С—ко.

Кіевъ 29 іюня 1882 г.

ЗАДУНАЙСКІЯ НАРОДНЫЯ ПРЕДАНІЯ.

1.

Про Палія та Мазепу.

Бачте, якъ се воно було: іхъ було два великіхъ военнихъ—Мазепа и Палій... вони собі були малороссіяне. Та Мазепа якусь злобу мавъ на Палія, отъ вінъ знайшовъ якусь-то причину, та якось-то щось и сказавъ Білому Цареві, а Царь и оддавъ Палія у тюрму на заточеніе, та вінъ и сидівъ уже 12 годъ. А Мазепа якъ увірився, що вже Палій не вырветься, та поіхавъ тимъ часомъ до шведа, та й каже: „підемо Россію воювати!" А шведъ забравъ свою армію, та й пішовъ на Білого Царя. Довго вони билися, коли бачить Білый Царь, що Мазепа ёго побіждае—отъ-отъ вже одоліе зовсімъ, сівъ да й задумавсь. А далі попросивъ на три дни одпочинку, передягся за купця, та й пішовъ куди очі... Таке-то було, такого наробивъ ёму отой Мазепа! Тільки ото йде Білый Царь такъ по надъ річкою, коли дывиться—курінь стоить, а коло куріня й рыбалка старый. „Здрастуй, старичокъ!", каже, а той каже: „доброго здоровя, господинъ купець". — „А чи не маешъ ты, каже, чого попоісты?"—„Якъ-би то не маю!", узявъ заразъ казанокъ и на-

варивъ доброі юшки зъ рыбою. Сілы вони й ідять. А Білый Царь и каже: „и що се, каже, напъ царь собі думае, що шведъ оце вже скоро усю Россію забере зъ Мазепою?!—„Бо нашъ царь дурный, рыбалка каже, не знае, каже, самъ, що вінъ робить! На що вінъ Семена Палія давъ на заточеніе?... отъ уже 12 годъ сидить, а якъ-бы вінъ выпустивъ Палія, то досі-бъ уже й Мазепу й шведа побивъ!“—„Какъ, какъ, старичокъ?!“—ото вже схопився Білый Царь, та давай рыбалку старого роспитувать, а самъ выйнявъ карандашъ, та усе записуе, та записуе на халяві (бо на ёму чоботы були зъ довгими халявами), щобъ не забуть, значить. Далі попрощавсь и пішовъ собі до дому и заразъ-же звелівъ, щобъ розшукати и приставити ёму Семена Палія. Послали штахвету (тоді ще телеграфу й машины циеі не було й Россія мала ще тоді була), найшли Палія, а вінъ вже тилькі що дыше. Заразъ-же ёго обмыли, оділи—стільки годъ сидівъ—посадили на бричку й привезли до Царя. А Семенъ Палій здалека шапку знявъ, излізъ изъ брички и навколішки полізъ до Царя. Царь пидійшовъ до Палія, піднявъ ёго, та й питае: „що будемъ робити—уже шведы візьмуть Россію“! А Палій каже: „або не візьмуть“!—„А можешъ ты звоювать Мазепу“? „Можу, каже, ваше императорське, чи якъ тамъ, величество, тільки, каже, просіть ще на 3 дни одпочинку“! „Добре, каже Царь, ну вже, каже, коли ты звоюешъ Мазепу, проси у мене, що завгодно, хочь півцарства“!—„Нічого мені, каже, ваше царское величество не треба, а отъ звеліть тільки, щобъ дітей більше лавами не выбивали“. (А то, бачте, царь якъ розсердивсь на Мазепу, то давъ приказъ выгубляти малороссіянскихъ младенцівъ: одсунуть було лаву, та по підъ стінкою й постановлять дітей, рядкомъ, а тоді лавою й придавлять до стіны—такъ по усій Украіни робилося)! Царь заразъ-же выдавъ указъ, щобъ нихто не смівъ младенцівъ выгубляти. А тимъ часомъ вже й други три дни на сході. Палій ото вже отдыхавъ й каже, щобъ ёму коня дали. Приводять до ёго самихъ найкращихъ царськихъ коней, тільки вінъ якому коневі не положить руку на шию, то кінь заразъ навколішки й упаде. А на те время тутъ саме водовозъ іде, а кінь у ёго якъ побачивъ Палія, то й заржавъ.—„А, каже Палій, и ты ще живый, товарищу!“.. „Оціого коня мені, каже, дайте, що саку [1]) возить“! А на

[1]) *Сакá* (тур.) = бочка.

ёму одна шкура та кістки. Выпрягли того коня, підвели, узявъ Палій ёго за гриву, а вінъ тільки головою покрутивъ. Тоді Палій узявъ два пистолі, сівъ на того коня та й счезъ, якъ той вихорь! Объіхавъ тричі Мазепине військо, піднявся у гору—коли дивиться, Мазепа изъ шведомъ саме обідають, вінъ стрельнувъ зъ пистоля, а пуля якъ разъ и впала до Мазепи у ложку. Мазепа тоді подивився у гору, та й каже до шведа: „тікаймо, брате, пропали мы, бо Палій уже на валі", та й показавъ ёму у гору на Палія.—„Та то може місяць?", каже шведъ. „Та який тамъ місяць середъ дня!" Кинули й обідать, та скорійше тікать. Палій приіхавъ до Білого Царя, та й каже: „ну теперь идіть—нема вже шведівъ, розбіглись". Царь не повірив и іхать не хотівъ зразу, а потімъ рішився. Коли приіхали, дивляться, нема вже никогісінько, якъ обідали, такъ усе й осталось... тільки шведські козаки стоять... Отакій-то бувъ Палій.

Зап. отъ Марка Глухого у Тульчи. Окт. 1881 г.

Х. Ц.

II.

Про Антона Головатого, Онопрія Шпака и царицю Катерину.

...Се було, якъ Антонъ Головатый бувъ у Петербурсі, у ёго бачте вуси були довгі, а бувъ у ёго писарь Онопрій Шпакъ, то були вони у цариці, бо цариця хотіла на вуси ёго подивитись. Подивилась, та й не вірила, чи то настоящіи вуси, чи то вінъ надточуе чимъ, тай сказала медомъ намазать..., а у ёго природа така була. Ну, а потімъ вона й каже Головатому, що й землю дае, й ліса, и усе..., а Шпакъ и каже: „та не вірь ты, каже, москалеві, бо хто москалеві повірить, то й самъ невірный"! А вона не розібрала, та й питае: що вінъ каже? а тамъ зъ чугуівськихъ хтось бувъ, та й сказавъ ій.—„А хто-жъ то москаль?" питае.—„Ты!", каже. То тоді ёго за губу крючкомъ зацінили та й повісили, щобъ ногами землі не достававъ..., да такъ до вечора й висівъ...

Багато розказують, та таке бо-зна що: ото наче-бъ то Катерина запорожцівъ на обідъ закликала, та звеліла подавати имъ довгі ложки, думае, якъ то вони істимуть тими ложками?.. а вони

тиі ложки побрали, та й почали одинъ одного черезъ стілъ годувати... Оттаке!...

Зап. отъ Ананія Ив. Коломійца. у Катирлези.

Х. Ц.

КОЛІИВЩИНА ВЪ ПѢСНЯХЪ.

Приводимыя двѣ пѣсни сообщены намъ глубокоуважаемымъ А. А. Скальковскимъ, которому обязана мѣстная исторія единственными до послѣдняго времени свѣдѣніями о судьбахъ Сѣчи запорожской и болѣзненнаго ея отпрыска—гайдамачины. Обѣ эти пѣсни своимъ содержаніемъ, а быть можетъ и происхожденіемъ связаны непосредственно съ украинскимъ народнымъ возстаніемъ 1768 года. Первая изъ нихъ рисуетъ намъ общую картину этого событія, совокупляя въ одномъ представленіи всѣ фазисы онаго и различныхъ его дѣятелей, дѣйствовавшихъ въ различныхъ мѣстахъ, вторая влагается въ уста одного изъ главнѣйшихъ предводителей возстанія, всего вѣроятнѣе Желѣзняка, и представляетъ заключительное, такъ сказать, слово дѣятелей „Коліивщины“, не чаявшихъ отъ нея чего-либо прочнаго и опредѣленнаго, но глядѣвшихъ на нее, какъ на непосредственное движеніе народной мести и страшный урокъ притѣснителямъ народа. Въ первой пѣсни выводится неизвѣстная доселѣ личность сотника Митлыці, измѣнившаго общему дѣлу, или оставшагося вѣрнымъ противной сторонѣ, и за то казненнаго, по рѣшенію предводителей возстанія. Такъ какъ здѣсь онъ изображается изрекающимъ проклятіе осудившимъ его на смерть предводителямъ возстанія:

Бодай-же кінецъ вашъ бувъ нудный та гіркий,

а во второй пѣсни одинъ изъ этихъ послѣднихъ, входя въ нравственную оцѣнку дѣла и обсуждая неудачный исходъ онаго съ высшей точки зрѣнія, замѣчаетъ, что это должно быть послѣдствіемъ проклятія казненнаго Митлыці:

Мабуть,—це Митлыцева причина,

главнымъ-же орудователемъ всего возстанія былъ несомнѣнно Желѣзнякъ, то отсюда съ несомнѣнностью заключать можно, что пѣсня идетъ отъ его лица, хотя, конечно, могла быть сочинена кѣмъ

либо другимъ. Слѣды *сочиненія* видны еще въ той и другой пѣсни: по недавности времени и, быть можетъ, по рѣдкому употребленію этихъ пѣсень въ послѣдовавшее тяжкое время, онѣ, такъ сказать, не вполнѣ еще ошлифовались въ народномъ обращеніи, отъ чего по мѣстамъ примѣчается нѣкоторая неровность и какъ-бы шероховатость стиха; тѣмъ не менѣе это драгоцѣнные по многимъ чертамъ историческіе и народнаго творчества памятники. Онѣ дорисовываютъ намъ то, что не досказано въ офиціальныхъ и другихъ документахъ, доселѣ открытыхъ. Общая картина событія замѣчательно полна и высоко-художественна, краски бьютъ яркостію и свѣжестію, отдѣльные штрихи—смѣлостію, бойкостію и игривостію. Раздумье предводителя возстанія, въ кандалахъ и цѣпяхъ ждущаго неминуемой смерти, подводящаго итоги кровавымъ своимъ дѣяніямъ, глядящаго на все минувшее съ точки зрѣнія предсмертнаго часа и суда Божія поражаетъ своею задушевностію и искренностію, равно какъ обращеніе къ Потоцкому—естественностію и силою чисто народнаго чувства. Вообще чувства и языкъ обоихъ пѣсень такъ непосредственны, такъ свѣжи и сильны, что указываютъ на весьма раннее, быть можетъ, современное самому событію происхожденіе ихъ; пѣвецъ какъ-бы стоитъ предъ самымъ событіемъ и въ немъ почерпаетъ одушевляющія его думы и чувства.

Относительно окончанія второй пѣсни, состоящаго въ обращеніи къ Потоцкому, мы должны особо замѣтить, что оно не стоитъ въ связи съ общимъ содержаніемъ пѣсни и составляетъ позднѣйшую прибавку, или заимствованіе изъ другой пѣсни. Оно ни какъ не можетъ относиться къ *Салерію* Потоцкому, современнику „Коліивщины“, но только къ сыну его *Феликсу* Потоцкому, участнику тарговицкой конфедераціи 1792 г.

Когда, кѣмъ, отъ кого и при какихъ обстоятельствахъ записаны обѣ пѣсни, объ этомъ, къ сожалѣнію, достопочтенный А. А. ничего не сообщаетъ; онѣ просто нашлись въ обширномъ собраніи его бумагъ, а списокъ, по почерку судя, принадлежитъ 40-мъ годамъ. Въ отрывкахъ вторую пѣснь и намъ случалось встрѣчать, въ цѣльномъ же видѣ никогда. Предоставляя читателямъ судить о достоинствахъ пѣсень, мы приводимъ ихъ для пополненія и поясненія печатаемыхъ документовъ о „Коліивщинѣ“.

I.

Свиснувъ вітеръ, свиснувъ,—
Загула хуртовина;
Слівце Максимъ писнувъ,—
Зібралася дружина.

* * *

Дві тысячи бурлакъ
Лынули [1]) въ Краину польску;
Рушили вони зъ байракъ
Дати ляхамъ хлосту.

* * *

Ой годі жъ намъ, козаченьки,
Рыбу по Дніпру и Богові ловити!
Сідайте въ човныки, бурлаченьки,
Та поідемъ жидову и ляха палити.

* * *

Зібравъ Максимъ, зібравъ бурлакъ
И всю Вкраину збунтовавъ,
Тысячу сіромахъ, тысячу гайдамакъ—
Ватажку собі навербувавъ.

* * *

„Эй, батьки—началныки!
Що то буде зъ нами?
Здаеця, що наше життя мине
И насъ возьмуть зъ вами“.

* * *

Не тужите, мои діти,
Не журітця, быстрі орлынята;
Ще дамо мы Уманеві крови пити,
Ще дадуть намъ горілки ляхи и жидынята.

* * *

„Охъ, батьку, Максиме, прости!
Мы й забули, що съ тобою.
Кажи, вели, куды йти,
И мы хоть въ пекло за тобою

* * *

Ой, полковнику Желізняку!
Ходимъ же мы палити;—

[1]) Лынули—хлынули, ринулись.

Кого спершу почнемъ бити,
А кого будемъ полонити?“
* * *
Ляхівъ будемъ бити
А жидівъ шаблями христити.
Ляшина—превража дитина,
А жидовинъ—зайцева дружина.
* * *
Изъ жидомъ усе втнешъ,
Куды треба, то й пошлешъ,
А не схоче, то й побъешъ,
А вражого ляха—того не вжуешъ.
* * *
„Охъ, Максиме Желізняку,
Ходімо въ Смілу ляхівъ гартовати,
А після тої поживы
Підемъ Умань штурмовати“.
* * *
Ой ходімо, діти, Умань штурмовати
И свою братську кровъ відъ католика відбивати.
* * *
Эй, братця, годиночка дорогая;
Треба жъ намъ начинати—
Отъ Нухима до Боруха
Всімъ головы зтинати
* * *
Въ Умань же мы пішли
Тай почали штурмовати.
Тамъ багато панівъ найшли,
Тай давай имъ ніжки росправляти.
* * *
Теперички ляхи щось починають,
Въ кондерацію [1]) панківъ собі збирають;
Ходімо до Потоцького мосци,
До его графскои вельможносци.
* * *
Що тілько тамъ у ёго найдемо,
То все у ёго возьмемо.
* * *

[1]) Кондерацію—конфедерацію.

Ой пішовъ Желізнякъ до ворітъ
Тай здыбавъ три копы клопітъ.
* * *
Ой пішовъ Швачка голкою шити,
Ляхівъ, жидівъ по Умані лупити.
* * *
А нашъ Неживый цокоче,
Ажъ Умань зубами скрыгоче.
* * *
А Журба ходяче зажурився,
Що, головко бідна, Умань загорівся,
Та въ бандуру міцно грае,
Себе козака піснью розважае.
* * *
А нашъ сотникъ Гонта
Папирь отъ Цариці давъ,
Тай давши намъ
Всімъ въ голосъ сказавъ,
* * *
Що цариця Кошовому
Звеліла такъ служити,
Щобъ ити въ Польщу
Жидову и ляха палити.
* * *
И жидамъ и ляхамъ ратунку не робити,
А всіхъ жидівъ та ляхівъ
Колоти та палити,
А добро ихъ и пожитки межъ собою ділити.
* * *
Тільки сотникъ Митлыця
Ни до чорта не годиця.
Мабуть вінъ хтівъ змінити
И на насъ желізни цяцки надіти.
* * *
Знай, кобыло де брыкати,
А тутъ тобі вже не хвицати:
О, такъ, сотнику Митлыця,
Такъ робити не годитця!
* * *
Каже ему Швачка и Желізнякъ:
Ты хтівъ насъ въ шоры вбрати,
Теперъ же тобі світа не видати!
* * *

Слухай, Максиме, Швачко и Неживый,
Бодай же кінець вашъ бувъ нудный та гиркій!

* * *

Махнувъ Максимъ разъ, махнувъ Швачка два,—
Покотилась Иванова на землю голова.

* * *

Умань до кілка спалили,
Жидівъ, ляхівъ до ноги побили,
А сами по коняхъ,
Та за Богъ и Синюху влупили.

* * *

Буде Сміла, Чигринъ насъ знати,
Коли були мы въ гостяхъ,
Буде Умань памятати,
Якъ бувъ въ нашихъ пазуряхъ.

II.

Охъ выйду я на гору,
На круту, на высоку,
Подивлюся по Дніпру,
На річку широку.

* * *

Ой, річка—Дніпръ широка,
Течешь ты въ Чорнее море.
Охъ возьми мене съ собою,
Бо горе жъ тутъ, горе.

* * *

Батьку, Дніпре, въ море течи
Тай назадъ вернися,
Мый каминя, та въ ныхъ плещи,
Тай звісточку дати не барися.

* * *

Родина моя въ стороні,
Далеко відъ твоихъ лугівъ;
Охъ, не такъ ії жаль мені,
Якъ тихъ крутихъ порогівъ.

* * *

Въ тихъ крутихъ порогахъ
Вода съ каміннями воюе,

Въ тихъ зеленихъ дібровахъ
Сива зозуленька кукуе.
* * *
Охъ, кукувала вона, кукувала,
Та щиру правду мені казала,
Що тамъ було мені жити
И щастя свое мігъ тамъ зловити.
* * *
Не хтівъ ії знати
Та полетівъ на родину;
Теперъ же мені не спіймати
Тую щасливую годину.
* * *
Літавъ же я на степахъ,
Якъ орелъ крылатый;
А теперъ же я въ цепахъ,
Якъ медвідь мордатый.
* * *
Объіздивъ я степы,
Объіздивъ два моря,
Объіздивъ всі лісы,
Не объіхавъ свого горя.
* * *
Годі мені козакувати,
Годі птахомъ въ полі літати,
Пора себе въ желіза заковати,
Пора въ Бога прощенія заробляти.
* * *
Коли бъ дали прощенія заробити,
Бога молитвами вмолити,
А тогді хоть умирати:—
Не страшно въ домовину съ покутою лягати.
* * *
Здаетця, що смертію своею
Мені та не вмерти;
Охъ, ці ланцюжки нагадують,
Що було людей такъ не жерти
* * *
Самъ собі причина,
Що такою смертію умираю;

Мабуть,—це Митлыцева причина,
Що такъ я страждаю
* * *
Охъ, тяжко козакові
Въ неволі сидіти,
Тяжко бути въ окові,
Ліпше ему и не жити
* * *
Ой ты пане Потоцькій,
Воевудській сыну,
Запропастивъ Литву
И всю Украину
* * *
Думка твоя була
—Королемъ зістати,
Тай пішовъ до Царыці
Помощи шукати.
* * *
А Богъ, шо зъ неба
Высоко видить,
И за твою невірность
Вже тобі не звидить.
* * *
Прійде судъ на тебе
И страшная годпна;
Візьмуть тебе за лобъ,
Якъ вражого сына.

АЗБУЧНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

личныхъ именъ и замѣчательныхъ мѣстъ и предметовъ, упоминаемыхъ въ III-мъ томѣ «Кіевской Старины», 1882 г. *).

Абрамовичъ Іоаннъ, деканъ владимірскій, 493.
Августъ II., король польскій, 44.
— III-й, курфирстъ саксон., 44.
Ада (онъ-же Березань), островъ на Чорномъ морѣ, 378.
Адамовичъ Антонъ, кіевскій, козацкій полковн. средины прошлаго вѣка, 144.
Азовъ, г., 362, 366.
Алешки, мѣсто коша запорожскаго (1712—1730 г.), 178.
Амвросій, архіеп., 338.
— архим., 486.
Андрей Боголюбскій, в. кн. кіевскій, 441—442.
Андріевскій, М., авторъ статьи «Переп
— етовское поле», 456.
— Алексѣй, редакторъ неоффиціальной части Кіев. Губерн. В., 171.
Антоновичъ В. Б., проф. истор., 42, 523, 260, 301.
Апостолъ Данило, миргородскій полковн. 397.
Арендаренко, архангельскій губернаторъ, 391.
Арсеній, митроп., 344, 566.
Архангельскъ, г., 368.
Астрахань, г., 422.
Афанасій, викарій кіевскій, 124.
— Филиповичъ, игуменъ брестъ-литовскій, 166.
Анфія, настоятельница кіевскаго іорданскаго ж. монаст., въ нач. XVII в., 384.
Ахія, сынъ Магомета III, 425.

—

Багалій Д. И., магистръ русской исторіи, 382.
Байкевичъ Іосафатъ, настоят. замостьскаго монастыря, 239, 241.
Балабанъ Гедеонъ, епископъ львовскій, 31, 153, 205.
— Герасимъ, проповѣдникъ штундизма, 345.
— Діонисій, холмскій правосл. еписк., 17, 34.
— Исаія, архимандритъ уневскій и дерманскій, 167.
Балта, г., 133, 303.
Бандзеревичъ Исидоръ, настоятель замостьскаго монаст., 239.
Бантышъ-Каменскій, малорусскій историкъ, 394.
Барановичъ Лазарь, арх. черн., писатель, 241.
Баттаглій, баронъ, писатель, 353.
Батуринъ, г., 243, 399.
Бахталовскій Георгій, авторъ брошюры: «Посадъ Вилковъ», 358—361.
Бенедиктъ XIV, папа, 214.
Бережівка, с., 261.
Берестечко, м., 508.
Бестужевъ-Рюминъ Александръ Петр., графъ, 161.

---

*) Цифры указываютъ страницы тома.

Бибиковъ Д. Г., генералъ-губернаторъ юго-зап. края, 61—80.
Билевичъ Янъ, наст. замостьскаго монастыря, 239.
Блещинскій Миколай, базиліанинъ, 207.
Блощинцы, с., 532, 535.
Боболинскій Леонтій, іеромонахъ конца XVII в., лѣтоп., 428.
Богданъ Балыка, кіевскій мѣщан., авт. записокъ о московской осадѣ 1612 г., 100—105.
— Хмельницкій, гетманъ украинскій, 17.
Богорскій П. Ѳ., дьячекъ, учит. Шевченка, 562.
Богунъ, козацкій полковн,, 512.
Богуславль, м. 550.
Боннель Эрнестъ, проф., 167.
Бопланъ, инжен. XVII в.. 376.
Борковскій Константинъ, архим., 167.
Боровиковскій А. Л., украинскій этногр., 302.
Борхъ, графъ, богат. украинскій землевладѣлецъ XVIII в., 332.
Босфоръ Киммерійскій (нынѣ Керченскій проливъ), 168.
Боярка, с., 346.
Браницкій А. В., богатый украинскій помѣщ., 561.
Брюховецкій, гетманъ, 385.
Бугъ, р., 337, 377, 488.
Будило, полковн. кролевец., 102.
Будный Семенъ, издатель лютер. катехизиса на литов.-украин. языкѣ, 166.
Булацель, секундъ-маіоръ, 332.
Бульковскій, кремен. исправникъ, 489.
Бурки, с., 404.
Бурнашевъ, секретарь с.-петер. вольно-экономич. общ., 190.
Бутурлинъ, боярин, московскій, 104.
Буяльскій Войтехъ, смѣлянскій губерн., 175.
Бѣлая-Церковь, м., 439.
Бѣлободскій Янъ, ученый бѣлоруссъ. 166.
Бѣлоцерковская степь, 436, 438.
Бѣлый Колодезь, с., 248.
Бѣлюговъ А. И., кишин. учитель, 106.
Быстрицкій, запорожскій писарь, 311.
Бытель, мѣсто основанія базиліан. колоніи въ нач. XVII в., 10.
Бычковъ А. Ѳ., академикъ, 164, 166.
Бышовъ, м., 383.

—

Василивщина, м., 441.
Васильчиковъ, кн., генер.-губернаторъ юго-зап. края, 566.
Варсонофій, архим. соловецкаго монаст., 405.
Вейскій Ѳома, кіевскій латин. бискупъ, 26.
Венглинскій, каштелянъ холмскій, 216.
Веселовскій, писатель, 81.
Веселый Кутъ, с., 346.
Вербовка, имѣніе помѣщ. Энгельгарта, 561.
Вересай Остапъ, кобзарь, 259.
Верещаки, с., 562.
Вилковъ, посадъ въ Бессар., 358—361.
Вильяшевъ, полковн., 489.
Винницкіе Ставы, с., 439.
Вись, р., 174.
Виталій, іеродіаконъ виленск. духовск. монастыря, 166
Вишневецкій Іеремія, кн., 512, 517, 521.
Владимірко, кн., 443.
Владиміръ Мономахъ, 362.
Владиславъ II-й, кор. польскій, 7.
— IV, кор. польскій, 11, 14, 428.
Воейковъ, кіев. генер.-губерн., 316.
Володарка, м., 443.
Володкевичъ Фелиціанъ-Филиппъ, холмскій уніат. епископъ, 205, 206.
Волокитинъ, с.. 248.
Волуйка, г., 425.
Ворзогоры, с., 411.
Вороничъ, начальникъ «Украинской партіи», въ XVIII в., 527.
Воронцовъ, кн., 160.
Вотылевка, с., 346.
Вульфъ Владиміръ, примьеръ-маіоръ, 310.
Выговскій Иванъ, гетманъ, 395.
Вышатицкій, іеромон., 494.
Вяземскій, генер.-прокуроръ, 42, 322.

—

Гагаринъ, кн., архангельскій губернаторъ, 391.
Галаганъ, козацкій полковн., 178.
— Григ. Павлов., нынѣ членъ госуд. совѣта, 567.

Гамалія Григорій, полковн. лубенскій, 253.
Ганенко Е. А., покойн. украин. этнографъ, 351.
Гаркуша Филонъ, козацкій полковникъ, 278.
Гартингъ, арханг. губернаторъ, 391.
Гвагнини, писатель XVI в., 98.
Гвинтовка, нѣжинскій полковн., 243.
Гедиминъ, князь литов., 162, 553.
Гембицкій Петръ, епископъ краковскій, 503.
Геродотъ, гречес. историкъ, 168.
Гирей-Мехметъ, татарскій мурза, 515.
Гладкій Андрей, сотникъ пирятинскій, 253.
Глоба, послѣдній писарь войска запорожскаго, 368—371.
Глуховъ, г., 381.
Голицынъ, кн., 396.
Головатый, запорожскій атаманъ, 326.
— Антонъ, полковн., 334, 338.
— войсковой судья, 368.
Головацкій, ученый галицкій, 260.
Головкинъ Гаврило Ивановичъ, графъ, вельможа вр. Петра I, 400, 406.
Голта, слобода, 303.
Голубьевъ А. С., ученый, 391.
Гонта, сотникъ уманскій, 302.
Гордѣенко Костя, кошевой атаманъ, соучастникъ Мазепы, 178.
Горка Лаврентій, епископъ, 407.
Горленко, генеральный хоружій, 256.
— козацкій полковн., 396.
Горынка, с., 512.
Гоффальдъ, команд. полка, 518.
Граниковъ А. Д., баккалавръ кіев. д. а., 129.
Гребенникъ Богданъ, кіевскій купецъ нач. XVII в., 101.
Грибовичъ, генер. есаулъ, 243.
Григорьевка, с., 415.
Гризелла-Констанція Корибутновна, владѣтельница Замостья въ XVII в., 33.
Гродекъ, имѣніе Потоцкаго, 224.
Громовичъ Самуилъ, настоят. замостскаго монаст., 239.
Губальдъ, генералъ польскій, 521.
Гулакъ, черноморскихъ в. майоръ, 332.
Гуня, предвод. украинскихъ козаковъ, 430.
Гусаково, с., 373.

—

Данилевичъ, староста холмскій, подскарбій королев., 12.
Дверницкій, польскій генер., 487, 593.
Демянки, с., 246.
Денгофъ, староста быдгоскій. 517.
Діонисій Збируйскій, епископъ холм., 8.
Дивовичъ Семенъ, авт. «Разгов. Великороссіи съ Малороссіей», 137.
Димитрій Ростовскій, святитель, 573.
Дмитрашко, козацкій полковн., 396,
Долгорукій В. В, кн., предсѣдатель вольно-экономич. общества въ 50-хъ гг., 189.
— Ив., кн., 393.
Домецкій Гавріилъ, 166.
Доросевичъ М. И., учитель кіевской семин., 130.
Дорошенко Петръ, гетманъ, украин., 383, 395, 407, 556.
Дорошовка, слобода, 248.
Досеонъ, ученый, 356.
Драгомановъ М. П., бывшій профессоръ, 260.
Дубельтъ, начальн. соб. Е. В. канц., 190.
Дубоссары, г., 133.
Дѣвовка, с., 248.

—

Евгеній, митроп., 166, 489.
Евминка, с., 404.
Европеусъ, ученый лингвистъ и историкъ, 356.
Егорковъ П. Н., подъячій, 403.
Екатерина II, импер., 62.
Ефименко П., малорус. писатель, 412.

—

Жаботинъ, мѣст., 431, 564.
Жданъ-Тадрина, войтъ кіевскій, 556.
Жегота Паули, этногр., 260.
Желтухинъ, кіев. воен. губернат. конца 20-хъ г. текущ. стол., 132.
Желѣзнякъ Максимъ, предводитель гайдамакъ, 302, 532, 550.
Жидовская Гребля, с., 346.
Жоховскій, уніатскій митрополитъ, 24, 26, 199.
Жуковскій В. А., русскій писатель, 354.
Жураковскій Ирадіонъ, епископъ черниговъ., 251.

Журба, предводит. гайдамац. отряда, 532, 550.

—

Забѣла Д. В., бунчуковый товарищъ, 399.
Завада Филаретъ, базиліанинъ, наст. куленчицкаго монаст., 13.
Зазирки, имѣніе Миклашевскаго, 243, 248.
Зайкевичъ А. Г., собиратель пѣсень, 430.
Замойскій, староста калусскій, 517.
— Томашъ-Іосифъ, магнатъ украин. въ XVIII в., 41.
— Янъ, коронный канцлеръ, 28, 30, 211.
Замостье, г., 28, 34, 35, 149, 199, 206, 207.
Заславскій Доминикъ, кн., воевода краковскій, 511.
Здановскій Викторинъ, новоторжскій подстароста, 507.
Зебржыдовскій Михаилъ, мечникъ коронный, 509.
Зеллеръ Антонъ, канев. полковн., 542.
Зеленая, с., имѣніе помѣщика Энгельгарта, 561.
Значко-Яворскій Мелхиседекъ, игуменъ мотренинскаго монастыря, 526.
Золотаренко, полковн., 143.
Зѣнькевичъ, украин. этнографъ, 260.

—

Ибнъ-Дастъ, арабскій путеш., 355.
Иванъ Алгидіевъ, кн., 101.
Ивашковскій, козацкій полковн., 101.
Игнатій, коломенскій архіерей, 393.
Иларіонъ, митрополитъ кіевскій, 167.
Иловайскій Д. И., русскій историкъ, 556.
Иннокентій XI, папа, 25.
Ипатій Поцѣй, уніат. епископъ владимірскій, 8.
Ирпень, р., 162, 196, 441.
Иртышъ, р., 356.
Исаковъ, генералъ-маіоръ, 321.
Исидоръ, митрополитъ спб., 344.
Искра, полтавскій полков., 396.

—

Іеремія, цареградскій патріархъ, 30.
Іерофей, архимандр., 499,
Іоакимъ, патріархъ антіохійскій, 31.
Іоаннъ, холмскій католич. еписк., 7.
Іоаннъ-Казиміръ, король польскій, 505.
Іоанникій, игуменъ онуфріевскаго монаст., 499.
Іорданъ Михаилъ, ротмистръ польскій, 508.
Іоасафъ, игуменъ, 394.
— іеромон., магистръ богословія, 108.
Іоасафатъ Кунцевичъ, 9.
Іосифовъ Кирилло, переяслаѣскій бурмистръ конца XVIII в., 382.
Іосифъ-Вельяминъ Рутскій, основат. базиліан. ордена, 5, 9.
Іустинъ (до принятія монаш. чина—Яковъ Евд. Михайловъ)—епископъ владимірскій, 106.

—

Казановскій, каштелянъ галицкій, 515.
Калюжинцы, с. прилуцкаго у., 261.
Калиновскій Мартинъ, воевода черниговскій, 517.
Калиновичъ Варлаамъ, викарій замост. монаст., 220.
Кальнофойскій Афанасій, монахъ кіевопечер. лавры, лѣтописецъ, 166, 425, 428.
Калміусъ, р., 324.
Калнишевскій, послѣдній кошевой запорожскій, 368, 394, 411, 544.
Каменка, с., имѣніе Миклашевскаго, 246, 248.
Каменные Броды, с., 346.
Каменскій, польскій коммисаръ, 528.
Капланъ-Гирей, ханъ крымскій, 179—180.
Карашевичъ, секретарь консист., 493.
Карбовскій, комендантъ Бѣлой-Церкви, 545.
Кармелюкъ, предводитель гайдамацкаго отряда, 372.
Карпинскій, провинц. холмскій, 206.
Касаткинъ В., священ., авторъ біографіи епископа Іустина, 107.
Каторжный Иванъ, козацкій атаманъ, 422.
Каэтанъ Аксакъ, королевскій камергеръ, 46.
Килія, г., 359.
Киммеріяне—племя, жившее въ древности на мѣстѣ нынѣшней южной Россіи, 169.

Кинбурнская сторона, одно изъ мѣстъ поселенія запорожцевъ, послѣ уничтоженія Сѣчи, 335.
Кириловка, с., родина Шевченка, 560.
Кирченко Василь, атаманъ город. мошенскій, 307.
Киселевскій Гр. Ив., кіевскій войтъ, 187.
Кистяковскій А. Ѳ., проф., 186.
Кишка Самійло, козацкій герой, 425.
— Левъ, митрополитъ уніатскій, 199, 201.
Княжнинъ, кіевскій генералъ-губернат., 187.
Кобелянки, с., 346.
Кованько Петръ, сотникъ, 396.
Козелецъ, г., кіев. полка въ концѣ XVII в., 243, 376.
Козика, богатый польскій дворянинъ, 515.
Козловъ В. С., южно-русскій статист. и этнографъ, 264.
Коленда Гавріилъ, уніатскій митрополитъ, 21—23.
Конашевичъ-Сагайдачный Петръ, украинскій гетманъ, 99.
Конецпольскій, хорунж. коронный, 521.
Кошицъ о. Григорій, священ., 563.
Коновченко Иванъ, герой козацкой думы, 275.
Константинъ Багрянородный, императоръ византійскій, 557.
Корабликовъ, учитель волынской семинаріи, 110.
Корвинъ-Красовскій Василій, 167.
Корсакъ, митрополитъ, 13.
Корфъ Хр. Гр., комендантъ кр. св. Елисаветы, 310.
Корчинскій Іерофей, генер. орд. базиліанъ, 214.
Косачъ, собират. украинскихъ пѣсень, 92.
Коссовъ Сильвестръ, митроп. кіевскій, 17, 32, 152, 205.
Костка-Ордынскій, подчашій, 537.
— Александръ - Левъ, побочный сынъ кор. Владислава IV-го, 503.
Костомаровъ Н. И., историкъ, 81, 260, 368, 415, 431, 556.
Котляревскій, покойный кіевскій проф., 81.
— Петръ, отецъ украинск. поэта, 370.
Корфъ, русскій полковн., 546.
Коховскій Михаилъ, генералъ-аншефъ 331, 334.
Кохановичъ, епископъ луцкій, 241.
Кочерги, с., имѣн. Миклашевскаго, 248.
Кочубей Василій, генеральный судья, 396.
Кошовый Семенъ, кобзарь, 262.
Краковъ, г., 505.
Красинскій, графъ, маршалъ конфедераціи, 538.
Кречетниковъ, русскій генер.-майоръ, 546.
Кропивницкій М. Л., знаменитый артистъ и этнографъ украинскій, 414.
Крутые Горбы, с, 341.
Кубаль, польскій ученый, 508.
Кубань, р., 359.
Кубанка, одно изъ гирлъ Дуная, 359.
Кузалкевичъ Яковъ, польскій панъ, очевидецъ уманской рѣзни, 306.
Кулишъ П. А., украинскій писатель, 164, 264, 354, 425.
Куницкій Кириллъ, ректоръ кіевской семинаріи, 115.
Куръянцы, с., 346.
Кушниръ Данило, мліевскій титарь, 562.

—

Лабуньки, с., 226.
Лаврентій, воронежскій епископъ, 393.
Ладыженскій, архангельскій вице-губернаторъ, 401.
Ладыжинъ, м., 537.
Лазаревскій А. М., украинск. ученый, 258, 137, 197, 384.
Лебединцевъ Петръ Гавр., протоіерей, 197.
Лебединъ, с., 174.
Левицкій Іосифъ, холмскій уніатскій епископъ въ первой четверти XVIII в., 20, 40, 205.
Левчановскій В. Г., учитель кишинев. семинаріи, 113.
Левченко М., украинск. лексикографъ, 373.
Лентовскій, маршалокъ солтысовъ, 504.
Лесьневъ, м., 512.

Лермонтовъ М. Ю., русскій поэтъ, 354.
Линцевскій Гервасій, епископъ переясл., 528.
Липянка, долина, 174.
Лисенко Н. В., украинскій композиторъ, 260, 264.
Лисовскій, архіепископъ полоцкій, 214.
Лисовскій, митропол., 241.
Лодзянка Александръ-Августинъ, холмскій уніатскій епископъ, 35.
Лозовицкій Григорій, протопопъ владимірскій, 194.
Лосятинъ, с., 441.
Лукашевичъ, украин. этнографъ, 260.
Лысянка, м., 562.
Львовъ, г. въ Галиціи, 2, 241.
Лянцкоронскій Станиславъ, воев. брацлавскій, 514, 515.
Лясоцкій, волостной писарь, проповѣдникъ штундизма, 345.
Любомирскій, украинскій помѣщикъ XVIII в., 526.
— Юрій, маршалъ коронный, 509.

—

Мадерашъ Петръ, порутчикъ, 541.
Мажный Ив. Гавр., ратсгеръ кіевскаго магистрата, 187.
Мажтинцы, с., 257.
Мазепа Иванъ, гетманъ украин., 174, 178, 246, 247, 396, 407.
Макарово, м., мѣсто рожденія С. Туптало, 195.
Максимиліанъ Рылло, настоят. холмс. монастыря въ срединѣ XVIII в., 20.
Максимовичъ Дмит., генеральный ессаулъ, 397.
— А. М., украинскій ученый, 164, 523.
Малчевскій Янъ, лѣсничій староства каневскаго, 539.
Малая Березянка, с., 346.
Манвеловъ, кн., порутчикъ русской службы, 303.
Маньковскій, протоіер., 110.
Маркевичъ, украин. истор., 394.
Марковичева Анаст. Марковна, жена гетмана Скоропадскаго, 400.
Марковичъ Андрей, лубенскій полковн., 255.
— Яковъ, авторъ «Дневныхъ записокъ», 256.
Маріяновичъ, порутчикъ, 533.
Мартышкевичъ-Бусинскій, генер. орд. базиліанъ, 24.
Мартусевичъ, еписк., 493, 497.
Мартыновичъ П. Д., молодой украин. художникъ, 265.
Марьяновка, д., 439.
Медведовка, с., 431.
Межовъ В. И., ученый, 558,
Мейсенъ, маіоръ польск. службы, 538.
Мелхиседекъ Значко-Яворскій, игум. мотренинскаго монаст., 45, 46.
Мелетій, о. ректоръ кіев. д. академіи, 119.
Метлинскій, украин. этногр., 260.
Мизко Н. Д, любитель южно-русской старины, 368.
Миклашевскіе, старинная дворянская фамилія въ Украйнѣ, 243.
Миклашевскій Мих., значный в. запорож. товарищъ, 246.
— Иванъ, 250.
— Михаилъ, стародуб. полковникъ, 251.
— Андрей, бунчуковый товаришъ, 252.
— Степанъ, бунчуковый товар., 252.
Милачевскій Войтехъ, подвоевода волын., 193.
Милинкевичъ, провинц., 498.
Миллеръ Орестъ, проф., 264.
Миних, гр., генералъ фельдмаршалъ, 52, 43.
Михайловка, с., 449, 538.
Михальскій Дорофей, базиліан провинціалъ, 227.
Мищенко Николай, переяславскій райця, 382.
Младановичъ, губернат. г. Умани, 305, 536.
Многогрѣшный, гетм. украин., 243, 395, 407.
Могила Петръ, митрополитъ, 389,
Мокрицкій, уніатскій оффиціалъ, 527.
Моргулецъ Іосифъ, генералъ орд. базиліанъ, 214.
Мордовцевъ Д. Л., писатель, 260.
Моринцы, с., 346.
Мостище, м., 196.
Мотовиловка, сел., мѣсто пограничн. суда, 49,

Мочарскій Филаретъ, игуменъ замостьскаго монаст., 205, 217, 218.
Мошны, м., 307.
Мурка, старшина козацкій, 427.
Муха, полковн., 538.

—

Небаба, козацкій полковн., сподвижникъ Б. Хмельницкаго, 34.
Неживый, гайдамацкій атаманъ, 302, 532, 545, 550.
Нерлій, кардиналъ, 25.
Нестеровскій о. Іоаннъ, священ., 563.
Нечай, претенд. на гетманскую булаву, 395.
Николаевъ, г., 374.
Нижнее, с., 246, 248.
Новицкій, губернат. каневскій, 544.
— И. П., литераторъ, 86.
— протоіерей, 489.
Ново-Воронцовка, с., 374.
Новогрудекъ, м., 10, 11.
Новомосковскъ, г., 172.
Новые Безрадичи, с., 432.
Новый Быковъ, с., 376.

—

Обь, р., 356.
Овручимскій Павелъ, епископъ самборскій, 17.
Огилевичъ Пахомій, провинціалъ базиліанскій, 22, 23.
Одорскій Гедеонъ, архимандр. батур. монаст., 398.
Оджывольскій Янъ, каштелянъ черниговскій, 517.
Окольскій Шимонъ, ксендзъ, авт. мемуаровъ, 426.
Олсуфьевъ, членъ коллегіи, 160.
Ольшана, м., 527, 560.
Ольшанка, с., 441.
Онисимовъ Ѳедоръ, канцеляристъ, 321.
Орель, р., 374.
Орликъ, секретарь Мазепы, 179, 180, 407.
Орловъ А. Е., баккалавръ кіев. академіи, 122.
Оссолинскій Юрій, староста люблин. 515.
Остранинъ, предводитель украин. козаковъ, 430, 426.
Остроградскій, козацкій полковн., 160.
Островскій Іосифъ, регментарь, 56.

—

Павелъ Унвальфи, венгерскій историкъ и этнографъ, 355.
Павлюкъ, предводитель украин. козаковъ, 429.
Пакоста Афанасій, холмскій уніатскій епископъ, 13.
Паліевка, с., 248.
Паліево Озеро, м., 303.
Палій Семенъ, украин. дѣятель конца XVII и нач. XVIII в., 366.
Пановъ В. С., полковникъ русскій, 49, 332.
Паскевичъ Григорій, полтавскій бургомистръ, дѣдъ Паскевича фельдмаршала, 370.
Патока З. П., лубенскій полковой писарь, 405.
Перемышль, въ XVII в. мѣстечко, 508.
Переяславль, г., 379.
Перовскій, гр., начальн. Ново-Петровскаго укр., 351.
Петрикъ, канцеляристъ Мазепы, 399.
Петръ Кармелитъ, монахъ ордена босоногихъ, 9.
Пиво, польскій полковн., 383.
Плетенецкій Елисей, архимандр. кіево-печерскій, 167.
Плоское, с., 345, 346.
Пляшевая, р., 519.
Погребы, с., 443.
Подвысоцкій, вице-губернаторъ архангельскій, 392.
Подгородецкій, мошенскій губернаторъ, 307.
Подпольная, р., 178.
Покотило Яковъ, сердюцкій полковн., 397.
Поль, знатокъ украин. старины, 302.
Пологи, с., 439.
Полонскій Я., поэтъ русскій, 351.
Полоцкій Семеонъ, ученый украинецъ XVII в., 167.
Полуботокъ Леонтій, переяславльскій полковн., 253.
Полянскій, русскій полковн., 44.
Понуровка, с., 248.
Поповъ В. С., секретарь князя Потемкина, 336, 322.
Попружна, с., 346.
Постилькевичъ, казначей почаевской лавры, 493.
Потебня, проф., 451.

Потемкинъ-Таврическій Г. А., вельможа екатерининъ. времени, 560.
— учитель волынск. семинаріи, 110.
Потоцкій гр., начальникъ уманскаго гарниз., 536.
— Николай, гетманъ коронный, 521, 512.
— Станиславъ, воевода подольскій, 514.
— Николай, староста каневск., 495.
Похилевичъ Л., авторъ книги: «Сказ. о населенныхъ мѣстностяхъ кіевской губ.», 437.
Поцѣй Ипатій, епископъ владиміро-волынскій, 167.
Превлоцкій, шляхтичъ, живопис., 564.
Пржыемскій Сигизмундъ, польскій генералъ артиллеріи, 518.
Приваловка, слободка, принадлежавшая М. Миклашевскому, 246.
Припеть, р., 375.
Прозоровскій, кн., 62, 322.
Прокоповичъ Ѳеофанъ, архіеп., ученый украин. XVIII в., 251.
Протасьевъ, полковн. русскій, 531.
Протопоповъ Афанасій, магистръ дух. академіи, 110.
Пстроконскій Станиславъ, епископъ холмскій, 17.
Пузына Афанасій, епископъ луцкій и острожскій, 166.
Пулавскій, маршалъ, 536.
Путивлецъ, начальникъ козачьяго отряда, 427.
Пушкарь, полковн. полтавскій, 395.
Пушкинъ А. С., поэтъ русскій, 354, 425.
Пушновъ Ав. И., баккалавръ кіев. дух. академіи, 122.
Пшунка, польскій шляхтичъ, современ. Б. Хмельницкаго, 175.

—

Раде, русскій порутчикъ, 536.
Редецкій Мартинъ, школьный учитель, полякъ-революціонеръ XVII в., 505.
Радишевскій Францишекъ, польск. шляхтичъ, 533.
Радзивиллъ Богуславъ, начальн. полка, 518.
Разумница, с., 346.
Разумовскій Кирилло, послѣдн. гетманъ украинскій, 160, 410.
— Алексѣй, президентъ академіи наукъ, 161.
Рафальскій, протоіерей, 489.
Рахубовскій М. И., помѣщикъ, 377.
Рева И. М., писатель, 297.
Ревякинъ П. И., записыватель украин. народ. пѣсень, 86, 88. 420.
Репнинъ, кн., русскій посолъ при варш. дворѣ, 45, 529.
Ржевусскій Пелагій, настоятель замостскаго монаст., 239.
Робота Иванъ, глуховскій канцеляристъ въ срединѣ XVIII в., 181.
Рогашевскій, подскарбій, 305.
Рогачевскій о. Иванъ, протоіер., 403.
Роговичъ А. С., покойн. проф., 375.
Рожмантъ, капитанъ, 291.
Романково, урочище, 311.
Романовскій Стефанъ, архіерей волынскій, 116.
— Иванъ Петровичъ, полковникъ, 188.
Рославецъ, козацкій полковн., 396.
Ротомскій, воевода сендомирскій, 100.
Рубанъ, писатель XVIII в., 100, 252, 374.
Рудковка, с., 404.
Рудченко И. Я., писат., 367, 413.
Руденко, екатериносл. предв. дворянства 331.
Румянцевъ П. А., графъ, правитель Украйны, 178, 249, 255, 318, 321, 380, 532.
Руссовъ А. А., украинскій этнографъ и статистикъ, 260.
Рутъ, р., 445.
Рутскій, уніатскій митрополитъ, 25.
Руховъ, с., 248.
Рѣпка, предводитель отряда украинск. козаковъ, 427.
Рѣпки, с., 346.
Рыжановка, с., 346.

—

Савва Туптало, кіев. сотникъ XVIII в., 382—384.

Садковскій Викторъ, епископъ, 468.
Салтыковъ Н. И., графъ, 334.
Самбекъ Филостервъ, монахъ, 529.
Самойловичъ, гетманъ, 244, 253, 399, 407.
— Семенъ, сынъ гетмана, 247.
— Яковъ, сынъ гетм., 247.
Самусь, гетманъ, 44.
Сангушко, украин. помѣщикъ XVIII в., 526.
Сапѣга Янъ, обозный литовскій, 515.
Свѣчка Леонтій Назаровичъ, есаулъ лубенскаго полка, 253.
— Иванъ, старшій сынъ, 255.
— Лукьянъ, второй сынъ, 255.
Святайло Иванъ, священникъ, донесшій, вмѣстѣ съ Кочубеемъ и др., на Мазепу, 396.
Святополкъ Изяславичъ, князь, 362.
Северинъ Перехрестъ, козацкій есаулъ, 101.
Селява Антоній, митроп., 14, 21, 22, 23.
Серапіонъ, митрополитъ кіев. (1803—1822 г.), 122.
Снигиревичъ, протоіерей, 119.
Сигизмундъ I-й, король польскій, 7, 11, 163.
— III, кор. польскій, 8, 11, 13, 440.
Симашко Іосифъ, митроп., 241.
Сирко, кошев., атам., 385, 427.
Скальковскій А., украинскій историкъ, 180.
Скибинскій Григ. Ал., докторъ философіи, 167.
Скибинцы, с., 346.
Скивскій, архим., 489, 490, 494, 497.
Скоробогатый Омельянъ, кіев. купецъ нач. XVIII в., 101.
Скоропадскій, гетманъ, 248, 401.
Смогоржевскій, митроп., 213.
Смоленскъ г., 101.
Снятичи, имѣніе кіевскаго ловчаго Стефана Терлецкаго, 211.
Собесскій Маркъ, красноставскій староста, 515.
— Янъ, староста яворонскій, 515.
Сокиринцы, с., имѣніе Г. П. Галагана, 263.
Соколовка, д., 441.
Соколовскій Павелъ, деканъ замостьскій, 206.
Соловьевъ С. М., русскій истор., 164, 297.
— Евгеній, баккалавръ кіевской д. академіи, 116, 135.
Соломонъ, чернецъ, первый доноситель на гетмана Мазепу, 396.
Солонина Константинъ, козацкій кіев. полковн., 243.
Солтанъ Іосифъ, кіев. митроп. нач. XVI в., 11.
Солнцевъ, академикъ, 388.
Сошенко И. М., художникъ, 564.
Средняя Слобода, с., 439.
Срезневскій, акад., этнографъ, 260.
Ставровъ Пл. Ив., баккалавръ кіев. д. акад., 114.
Стадницкій Янъ-Адамъ, подкоморій соноцкій, 515.
Станиславскій, хорунжій галицкій, 515.
Станиславъ Лещинскій, король польскій, 44.
Станкевичъ, кап. рус. службы, 321.
Стародубъ, г., 101.
Стародубовскій, экклезіархъ, 495, 496.
Стефанъ Баторій, король польскій, 8, 163.
Стояновъ А., 96, 362, 413, 431.
Страховскій Варлаамъ, игуменъ выдубецкаго монаст. въ нач. XVIII в., 174.
Строевъ П. М., академ., 164.
Стрыйковскій, историкъ польск., 98.
Стугна, р., 362, 441.
Стырь, р., 508.
Судіенко, издатель кн. «Матеріалы для отеч. ист.», 405.
Сулима, предвод. войска запорож., 428.
Сульжинскій Лука, базиліанинъ, 213.
Супрасль, м., 23.
Сухина, козацкій атаманъ, 304, 319.
Суша Яковъ, уніатскій списк. XVII в., 6, 9, 17, 25, 35, 199, 218.

—

Тамань, мѣсто поселенія запорожцевъ, 335.
Танскій, козац. полковн., 44.
Тарновскій В. В., любитель и собиратель малорус. древностей, 382.

Тарасовка, с., имѣніе помѣщ. Энгельгарта, 561.
Тараща, г., 346.
Тараща, с., 564.
Терехтемировъ, мѣст., 431.
Терлецкій Стефанъ, кіев. ловчій, 211.
— Меѳодій, холмскій уніатскій епископъ, 13, 14, 17.
Темберщина, с , 400.
Тепловъ Григорій, авт. Зап. о непор. въ Малор., 161, 251.
Тепловка, м., 258.
Тетеревъ, р., 375.
Тетеря, козац. полковн., 395.
Тимофѣевъ Димитрій, переясл. бурм., 382.
Тиновка, с., 346.
Товмачъ, р , 174.
Топиловка, с., 346.
Торкинъ, с., 432.
Торческъ, древній городъ, 362.
Транквиліонъ Кириллъ, древній писат., 241.
Триполье, с., 432, 442.
Троепольскій Ксенофонтъ, архіеписк. подольскій, 123.
Трубецкой Дм. Тим., кн., 102, 104.
— кіевскій воевода XVIII в., 383.
Трюшъ Хведоръ, украинскій кобзарь, 262.
Тугай-бей, татарскій мурза, 515.
Тульчинъ, м., 538.
Туптало Савва Григ., сподвижникъ Б. Хмельницкаго, 195.
Туптало Параскевія, дочь С. Туптало, 383.
Турбаи (нынѣ Трубаи), село хорольскаго у. полт. г., 172.
Тургеневъ И. С., знаменитый русскій беллетристъ, 351.
Туруханскъ, г., 368.
Тынецъ, монастырь, 504.

—

Уралъ, р., 356.
Урбанъ, папа, 26.
Уласенко, сотникъ уманскій, 304.
Умань, г., 133.
Унава, р., 440.

—

Федоровъ Григорій, кошевой атаманъ, 369.
Филаретъ, епископъ, авторъ «Обзора исторіи русск. лит.», 165, 398.
Флавіанъ, архимандр., 489.

—

Халничъ, свящ., 291.
Халчевскій, оберъ-провіантмейст., 331.
Ханеневъ Федоръ, донс. атаманъ, 426.
Харько, старшина запор., 326, 527.
Хвилонъ, корсунскій полковн., 273.
Херсонъ, г., 179.
Хлѣбниковъ Г. Ѳ., ученый, 113.
Хмель Стефанъ, кіевскій купецъ начала XVII в , 101.
Хмельницкій Богданъ, гетманъ украинскій, 34, 143—144, 162, 174, 324, 395, 509,
— Юрій, гетманъ, 395.
Хмельникцая Ѳеодосья Кондратьевна, инокиня кіево-печерскаго дѣвичьяго монаст., 174.
Хойновскій, польскій шляхт. XVIII в., 524.
Холмъ, г., 218.
Хорватъ, подполковн. русской службы, 309, 315.
Хоткевичъ Янъ-Карулъ, гетманъ лит., 102.

—

Цертелевъ, кн., украин. этнографъ, 260.
Цибульскій Яковъ, херсонс. однодворецъ, первый проповѣдникъ штундизма въ кіев. губ., 345

—

Чалый М. К., ученый, 349, 360.
Чаплинка, с , 345, 345.
Чарторійскій, кн., канцлеръ литовскій, 49.
Чепега З. А., бригадиръ, 326, 333, 335.
Черкасы, г., 347.
Чернобыль, м., 347.
Чернецкій Мартинъ, 509.
Чертковъ, губернат. азовской провин., 325, 316.
Чертомлыкъ (нынѣ с. Капуловка, екатеринославской губ. и уѣзда), 178.
Чернявка, р., 439.
Чигринъ, г., 556.
Чижовка, с., 346.
Чистовичъ И., ученый, 552.

Чорба, полковн. русской службы, 304, 306, 531, 546.
Чорштынъ, названіе замка на венгерской границѣ, 503.
Чубинскій П. П., писатель, этнографъ, 264, 411.
Чучмакъ, р., 256.

—

Шавурскій, ксендзъ, 498.
Шаргородъ, имѣніе Любомирскихъ, 44.
Шафировъ Петръ, баронъ, русскій вельможа временъ Петра I-го, 406.
Шафранъ Алексѣй, 425.
Шайкевичъ, галицкій ученый, 260.
Шварцъ М. Е., начальникъ округа южныхъ военныхъ поселеній, 374.
Швачка, предводит. гайдамацкаго отряда, 532, 550,
Швейковская Анна Владиміровна, вторая жена полковника Миклашевскаго, 252.
Швейковскій К., ученый, 556.
Шевченко Тар. Григ., знамен. поэтъ украинскій, 264, 349, 371—373, 560.
— Варфоломей Григ., названный братъ поэта, 565.
Шептицкій Афанасій, уніатскій митрополитъ, 201, 203.
Шлюбичъ-Заленскій, Левъ, митр., 37.
Шмилевскій, ксендзъ, 240.
Шубины Ставы, с., 346.
Шумборскій Фелиціанъ, провин., 232.
Шутъ Андрій, кобзарь, 262.

—

Щавинскій Симонъ, воевода брестскій, 517.
Щебальскій, писатель, 46.
Щербатовъ Семенъ, кн., 393.

—

Эмаусскій Ѳедоръ, учит. кіев. семинаріи, 111.
Энгельгартъ В. В., племянникъ кн. Григор. Потемкина, богатый украин. землевладѣлецъ, 560.
— Н. В., полковн. гвардіи, 561.
Эренбургъ М. И., баронъ, 197.
Эстуль. р. въ Венгріи, 357.

—

Яблоновка, с., 346.
Яблоновскій, украин. помѣщикъ XVIII в., 526.
— Янъ-Каэтанъ, чигиринс. староста. 175.
Яблочная, д., 488.
Яворскій Стефанъ, рязанскій митроп., 397.
Ягубецъ, с., 537.
Яковлевъ Германъ, намѣстн. сійскаго монаст., 408.
— жандармскій полковн., 489.
Якутскъ, г., 407.
Ялка, р., 356.
Яневъ, м., 538.
Янъ Мелешекъ, основатель жировицк. монаст., въ 1613 г., 10.
— Собесскій, гетм. коронный, 383.
Яновскій Гавріилъ, архимандритъ нефорощанскаго полт. монастыря въ XVIII в., 184.
Ярославъ Мудрый, кіевскій кн., 387.
Ясинскій Варлаамъ, митроп. кіевскій, 166
Яссы, г., 336.

СОДЕРЖАНІЕ.

ТОМЪ III. 1882 г.

Іюль.

стр.

I. ЗАБЫТЫЯ ИНОЧЕСКІЯ ОБИТЕЛИ (монастыри холмскій и замостьскій въ общей судьбѣ русско-уніатскаго монашества). **Н. Петрова.** . 1

II. ИЗЪ ИСТОРІИ МЕЖДУНАРОДНЫХЪ ОТНОШЕНІЙ ПОЛЬШИ И РОССІИ. **И. Каманина.** 42

III. КЪ ХАРАКТЕРИСТИКѢ Д. Г. БИБИКОВА 61

IV. ЮЖНО-РУССКАЯ ПѢСНЯ О СОБЫТІИ XI ВѢКА. **А. Стоянова** . 81

V. ЗАПИСКИ КІЕВСКАГО МѢЩАНИНА БОЖКА БАЛЫКИ О МОСКОВСКОЙ ОСАДѢ 1612 ГОДА (изъ лѣтописнаго сборника Ильи Кощаковскаго). **В. А.** 97

VI. МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРІИ КІЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ. Письма Якова Евдокимовича Михайлова (впослѣдствіи Іустина, епископа владимірскаго) къ А. И. Бѣлюгову 106

VII. ДОПОЛНЕНІЕ «РАЗГОВОРА ВЕЛИКОРОССІИ СЪ МАЛОРОССІЕЙ» . 137

VIII. ДОКУМЕНТЫ БРАТСТВА ПРИ ЦЕРКВИ СВ. НИКОЛАЯ ВЪ Г. ЗАМОСТЬѢ 149

IX. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Архивъ князя Воронцова. Книга двадцать пятая. М., 1882.—б) Библіологическій словарь и черновые къ нему матеріалы П. М. Строева.—в) Ernst Bonnel. Beiträge zur Alterthumskunde Russlands von den ältesten Zeiten bis um das Jahr 400 nach. Chr. hauptsächlich aus der Berichten der griechischen und latenischen Schriftsteller. Erster Band. St. Petersburg, 1882.—г) Историческіе матеріалы изъ архива кіевскаго губернскаго правленія, выпускъ 2-й. Издалъ А. Андреевскій 160

X. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ (историческія, этнографическія и историко-литературныя): а) Пасѣка гетмана Богдана Хмельницкаго.—б) Къ ис-

стр.

торіи Запорожья.—в) Къ исторіи вѣрованія о продажѣ души чорту.—г) Послѣдняя самозащита Кіева.—д) Невольное переселеніе и тоска по родинѣ, какъ подозрительное чувство.—е) Рѣдкая древняя надпись.—ж) Необычная застава.—з) Къ портрету Саввы Григорьевича Туптала. 174
ПРИЛОЖЕНІЕ: портретъ Саввы Туптала.

Августъ.

I. ЗАБЫТЫЯ ИНОЧЕСКІЯ ОБИТЕЛИ (монастыри холмскій и замостьскій въ общей судьбѣ русско-уніатскаго монашества). *Оконч.*—**Н. Петрова.** 199
II. ЛЮДИ СТАРОЙ МАЛОРОССІИ. 3., Миклашевскіе . . . 243
4., Свѣчки.—**Ал. Лазаревскаго** . 253
III. КОБЗАРЬ ОСТАПЪ ВЕРЕСАЙ, его пѣсни и думы. **К. Ф. У. О.** . 259
IV. О МУЗЫКѢ ДУМЪ И ПѢСЕНЪ ОСТАПА ВЕРЕСАЯ. **А. К—скаго** . 283
V. ИЗЪ ПРАКТИКИ СТАРЫХЪ СУДОВЪ 288
VI. МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРІИ КОЛИВЩИНЫ или РѢЗНИ 1768 г. **Н. Костомарова** 297
VII. МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРІИ Б. ЗАПОРОЖЬЯ 322
VIII. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Памятная книжка кіевской епархіи. Составили А. В—новъ и свящ. В. Антоновъ. Кіевъ. 1882.—б) Жизнь и произведенія Тараса Шевченка (сводъ матеріаловъ для его біографіи), съ портретомъ. Составилъ М. К. Чалый. Кіевъ. 1882.—в) Die Ungern oder Magyaren. Paul. Hunvalfy. Vien und Teschen. 1881.—г) Посадъ Вилковъ. Историко-статистическій и бытовой очеркъ. Составилъ Георгій Бахталовскій. Кишиневъ. 1881 г. . . . 340
IX. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ (историческія, этнографическія и историко-литературныя): а) Относится ли пѣсня о взятіи Азова къ событіямъ XI вѣка?—б) Послѣдній писарь войска запорожскаго Глоба.—в) Взглядъ народа на Шевченка.—г) Исчезнувшія и исчезающія въ южной Россіи животныя.—г) Состояніе полиціи въ малороссійскихъ городахъ XVIII в.—д) Документальныя свѣдѣнія о Саввѣ Тупталѣ и его родѣ.—е) Курта. (Пѣсня-былина)—ж) Возстановленіе древней паперти кіево-софійскаго собора. 362

Сентябрь.

I. ССЫЛЬНЫЕ МАЛОРОССІЯНЕ ВЪ АРХАНГЕЛЬСКОЙ ГУБЕРНІИ (1708—1802) г. **П. Ефименка** 391
II. ЕЩЕ ПО ПОВОДУ НАРОДНОЙ ПѢСНИ: О ВЗЯТІИ ТОРЧЕСКА, ИЛИ-ЖЕ АЗОВА. **Ив. Новицкаго** 413

стр.

III. ПЕРЕПЕТОВСКОЕ ПОЛЕ. (Розысканіе въ области лѣтописной топографіи, съ приложеніемъ карты). **М. Андріевскаго** . . . 43

IV. УКРАИНСКАЯ ДЕРЕВНЯ ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ НЫНѢШНЯГО СТОЛѢТІЯ (по воспоминаніямъ дѣтства) 457

V. ДВА ДОКУМЕНТА ПО ДѢЛУ ПЕРЕДАЧИ ПОЧАЕВСКОЙ ЛАВРЫ ИЗЪ ВѢДѢНІЯ УНІАТОВЪ ВЪ ВѢДОМСТВО ПРАВОСЛАВНОЕ . . 486

VI. ДНЕВНИКЪ СТАНИСЛАВА ОСВѢЦИМА. Перев. **В. А.** (*Продолженіе*). 503

VII. ПЕРЕПИСКА ГР. П. А. РУМЯНЦЕВА О ВОЗСТАНІИ ВЪ УКРАЙНѢ 1768 ГОДА 523

VIII. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Очеркъ исторіи западно-русской церкви. И. Чистовича. Часть первая. Спб. 1882 г. Стр. 1—220.—б) Акты относящіяся къ исторіи южной и западной Россіи, собранные и изданные археографическою коммисіею. Томъ двѣнадцатый. С.-Петербургъ. 1882 г. —в) Разысканія о началѣ Руси, Д. Иловайскаго, изданіе второе исправленное и дополненное, съ присоединеніемъ вопроса о гуннахъ. Москва, 1882.—г) Русская историческая библіографія за 1865—1867 г. включительно. В. И. Межова. Т. I и II. С.-Петербургъ. 1882.— 552

IX. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ (историческія, этнографическія и историко-литературныя): а) Тарасъ Григорьевичъ Шевченко (нѣкоторыя дополненія и поправки къ его біографіи).—б) Дополненіе къ пасхальной виршѣ.—в) Мнимо-найденный дневникъ святителя Димитрія Ростовскаго.—г) Предостереженіе Д. Г. Бибикова одному изъ русскихъ помѣщиковъ кіевской губерніи.—д) Старинные малороссійскіе портреты.—е) Задунайскія народныя преданія: I) Про Палія та Мазепу: II) Про Антона Головатого, Онопрія Шпака и царицю Катерину.—ж) Коліивщина въ пѣсняхъ 560

X. АЗБУЧНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ личныхъ именъ и замѣчательныхъ мѣстъ и предметовъ, упоминаемыхъ въ III томѣ «Кіевской Старины», 1882 г.

ПРОГРАММА

ЖУРНАЛА

„КІЕВСКАЯ СТАРИНА".

Самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея, въ видѣ особенно цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній, разсказовъ, біографій, некрологовъ, характеристикъ, описаній вещественныхъ памятниковъ южно-русской древности—въ зданіяхъ, архивахъ и всякаго рода предметахъ древняго быта, и, наконецъ, замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы: неизслѣдованные обычаи—религіозные, правовые и т. п., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки, легенды, пѣсни и пр. Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и заграницею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

Къ изданію отъ времени до времени прилагаются портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южно-русскаго народа и снимки со всякаго рода памятниковъ южно-русской старины.

„КІЕВСКАЯ СТАРИНА", по однородности ея цѣлей съ задачами мѣстнаго историческаго общества пр. Нестора лѣтописца, будетъ, согласно избранію этого общества, постояннымъ его органомъ, помѣщая у себя рефераты его членовъ, отвѣчающіе программѣ и характеру журнала, равно протоколы и отчеты общества.

Въ изданіи „КІЕВСКОЙ СТАРИНЫ" принимаютъ участіе слѣдующія лица: Антоновичъ В. Б., Багалѣй Д. И., Барсуковъ А. П., Будановъ М. Ф., Бѣлозерскій Н. М., Веселовскій А. Н., Воронинъ А. Ѳ., Галаганъ Г. П., Ганицкій М. А., Головацкій Я. Ѳ., Голубинскій Е. Е., Голубевъ С. Т., Горленко В. П., Дашкевичъ Н. П., Ефименко П. С., Житецкій П. И., Иконниковъ В. С., Кистяковскій А. Ѳ., Костомаровъ Н. И., Каманинъ И. М., Крыжановскій Е. М., Кондратовичъ Ѳ. К., Лазаревскій А. М., Лебединцевъ А. Г., Лебединцевъ П. Г., Левицкій И. С., Левицкій О. И., Лѣсковъ Н. С., Малышевскій И. И., Мацѣевичъ Л. С., Мордовцевъ Д. Л., Науменко В. П., Новицкій И. П., Петровъ Н. И., Пономаревъ С. И., Потебня А. А., Праховъ А. В., Скальковскій А. А., Смоктій А. И., Терновскій Ф. А., Шимановъ А. Л., Щербина Ѳ., Ханенко А. И., Чалый М. К. и другіе.

„КІЕВСКАЯ СТАРИНА“

выходитъ ежемѣсячно книжками въ 12 и болѣе печатныхъ листовъ, общее-же годовое изданіе составляютъ три тома, не менѣе 50-ти печатныхъ листовъ въ каждомъ. Приложенія даются въ неопредѣленные сроки. Въ изданіи дается мѣсто переводнымъ и оригинальнымъ статьямъ историко-беллетристическаго содержанія.

Подписная цѣна годовому изданію въ 12 книгъ, съ приложеніями, 8 руб. 50 коп. на мѣстѣ, съ доставкою же на домъ и пересылкою 10 руб.

Подписка принимается: въ редакціи журнала и конторѣ оной, *Кіевъ, Софійская площадь, д. Севастьяновой;* въ отдѣленіяхъ конторы — при книжномъ магазинѣ Оглоблина въ Кіевѣ и Петербургѣ, а также въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени» въ Петербургѣ и Москвѣ; Гинтера и Малецкаго въ Кіевѣ и другихъ; гг. иногородные обращаются исключительно въ редакцію журнала **„Кіевская Старина“.**

Оставшееся незначительное число экземпляровъ журнала за 1882 г. высылается по той-же цѣнѣ 10 р. с. съ приложеніями и пересылкою.

При перемѣнѣ адреса иногороднаго на городской или городскаго на иногородный уплачивается **пятьдесятъ копѣекъ;** при перемѣнѣ иногороднаго на иногородный-же доставляется въ редакцію **четыре семикопѣечныя марки.**

Въ конторѣ редакціи журнала „Кіевская Старина“ принимается подписка на издающуюся во Львовѣ, на малорусскомъ языкѣ, газету „ДѢЛО“. Съ 1-го января 1883 г. газета выходитъ три раза въ недѣлю. Цѣна съ перес. безъ приложеній—12 р., съ приложеніями—16 р. въ годъ. Подписавшіеся въ этомъ году, приплачивая еще 2 р., получатъ 26 печат. листовъ начатой въ 1882 г. повѣсти: «Трудъ и деньги».

Редакторъ-издатель Ѳ. Г. Лебединцевъ.